

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

СОВРЕМЕННЫЙ АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

(сборник статей)

Москва 2011

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЙ АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ
Сборник статей
М., 2011. 310 стр.

Отв. редактор: М.Р. Арунова

Подготовка рукописи к печати:
И.Н. Серенко, У.В. Окимбеков

Мнение авторов не обязательно отражает позицию Института.

ISBN 978-5-89282-483-5
ISBN 978-5-89394-226-2

ISBN 978-5-89282-483-5
ISBN 978-5-89394-226-2

© Институт Ближнего Востока
© Учреждение Российской академии наук Институт
востоковедения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

В.Я. Белокреницкий ПРЕДИСЛОВИЕ	5
М.Р. Арунова ОПЕРАЦИЯ «НЕСОКРУШИМАЯ СВОБОДА». ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	12
Д.Б. Малышева АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ	34
С. Охотников КИТАЙ-АФГАНИСТАН: НОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАРОЙ ИГРЫ?	49
М. Покровский ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОБЛЕМА АФГАНСКИХ НАРКОТИКОВ	58
Н.М. Мамедова ИРАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В АФГАНИСТАНЕ И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ИРАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	71
В.Н. Москаленко, П.В. Топычканов ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	92
К.Г. Краснов, В.И. Сотников АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	116
Т.Л. Шаумян ИНДИЯ И АФГАНИСТАН В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ	123
А.Б. Подцероб АРАБСКИЕ СТРАНЫ И СОБЫТИЯ В АФГАНИСТАНЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	155
Е.В. Дунаева АФГАНИСТАН И ОЭС	166

М.Ю. Морозова	
«ТАЛИБАН» НА ТЕРРИТОРИИ ПАКИСТАНСКОГО БЕЛУДЖИСТАНА	181
И.В. Жмуйда, М.Ю. Морозова	
АФГАНСКАЯ НАРКОЭКСПАНСИЯ: СЕВЕРНОЕ И ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ.....	198
И.В. Жмуйда	
НОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОБ АФГАНСКОЙ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛЕ (САТТ) И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАКИСТАНО-АФГАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	222
У.В. Окимбеков	
АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ....	231
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	245
Д.А. Нечитайло	
ЛИНИЯ «АЛЬ-КАИДЫ» В ЗОНЕ ПЛЕМЕН.....	246
МАТЕРИАЛЫ ШОС ПО АФГАНИСТАНУ (СОСТАВИТЕЛЬ И.Н. СЕРЕНКО)	265

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию читателей сборнике статей обсуждается актуальная проблематика взаимоотношений Афганистана и сопредельных с ним стран. В книге затронуты также темы регионального взаимодействия и безопасности, а также политики России на афганском направлении. Авторский коллектив, возглавляемый известным отечественным специалистом акад. РАЕН М.Р. Аруновой, уже обращался ранее к решению аналогичной задачи. В 2003 г. в Москве увидела свет коллективная монография «Афганистан и сопредельные страны». Данное издание можно считать продолжением той работы.

Стоит напомнить, что в монографии 2003 года основное внимание уделялось подведению итогов военной операции по ликвидации режима талибов в Афганистане осенью 2001 г. и определялись перспективы эволюции страны в новых исторических условиях. В монографии справедливо отмечалось, что поражение талибов положило конец изоляции страны. Ведущие государства мира, в том числе Россия, оперативно признали новые афганские власти. На состоявшейся в Бонне в декабре 2001 г. конференции было подписано межафганское соглашение о создании временной администрации во главе с Хамидом Карзаем. В январе 2002 г. в Токио состоялась первая международная конференция по проблемам восстановления Афганистана. Государства-участники конференции не скупилась на обещания, помощь была обещана и другими членами мирового сообщества. В июне того же года в Кабуле прошла всеафганская ассамблея Лойа Джирга, утвердившая переходную администрацию во главе с Х. Карзаем. Все это создавало благоприятный фон для оценок и суждений авторов той монографии.

Впрочем, авторский коллектив не скрывал тревог и озабоченности в связи с перспективами решения неотложных задач, стоящих перед страной. Они объяснялись как тяжелым наследием, сложившимся за долгие десятилетия разорительной и жестокой междоусобной войны, так и противоположными, по-

рой конфликтующими между собой целями и задачами соседних с Афганистаном стран, а также других участников геополитического процесса.

Характерно, что в книге 2003 г. вслед за вступительной главой, посвященной анализу проблем, задач и перспектив Афганистана, располагалась глава об ирано-афганских отношениях, и лишь затем анализировались отношения между Пакистаном и Афганистаном. В отдельных главах рассматривались китайско-афганские и индийско-афганские взаимосвязи, а также проблема афганского урегулирования с позиций государств Центральной Азии. Эта структура, оправданная сама по себе, все же недооценивала, как представляется, значимость пакистанского направления в спектре связей страны с непосредственными соседями и соседями этих соседей.

За почти десятилетие, прошедшее со времени выхода в свет той книги, многое изменилось в ситуации в Афганистане и вокруг него. Прежде всего не оправдались надежды на скорое и бесповоротное разрешение внутреннего конфликта, разъедающего страну. Вслед за начальным периодом ухода талибов в тень, их перехода через границу, главным образом на территорию Пакистана, наступил этап их возрождения, возврата к террористической активности и возвращения в ряде мест и областей утраченных ими позиций. «Второму дыханию» движения «Талибан» способствовала безоглядная политика США, ввязавшихся в новую региональную войну, на сей раз в Ираке. Отвлечение сил на другую войну сопровождалось явной недооценкой потенциала талибов. Мало внимания США и их союзники по военной коалиции (Англия и другие страны НАТО) уделили формированию основ мирной жизни в Афганистане, тому, что называют «строительство нации», развитию системы государственного управления и хозяйствования.

Крупную роль в провале планов на разрешение афганского конфликта сыграла осложнившаяся ситуация в регионе, в сопредельных с Афганистаном странах. В первую очередь речь идет о положении в Пакистане. Именно там после внезапного и быстрого поражения нашли моральную и материальную поддержку силы афганского радикального движения талибов. Особенно заметно это проявилось на северо-западе страны, где проживают в основном пуштуны, родственные по языку и самоидентификации титульному этносу Афганистана – афганцам (пуштунам). Неудивительно, что перебравшиеся в Паки-

стан талибы (основную массу которых составляют пуштуны) смогли достаточно безболезненно пережить первый после поражения этап своего существования вне Афганистана.

Главный удар спецслужб США, которым активно и довольно эффективно помогали военные и специальные службы Пакистана, был направлен против руководителей «Аль-Каиды» (об успехах в ходе этих операций можно прочесть и в ряде статей данного сборника). Афганские талибы по существу не подверглись преследованиям в Пакистане. Более того, на всем северо-западе Пакистана местную власть в 2002–2007 гг. возглавляли идеологически близкие им силы – блок происламских партий «Муттахида маджлис-е махаз» (Объединенный фронт действия).

Между тем аресты талибов и сторонников «Аль-Каиды», а также сообщения об издевательствах над ними на американской базе в Гуантанамо способствовали радикализации части молодых пакистанских пуштунов. В том же направлении эффективно действовала агентурная сеть «Аль-Каиды», «Талибана» и оппозиционных Кабулу боевых организаций. В 2004 г. на Территории племен федерального управления (ТПФУ) появились первые ячейки «Техрик-е Талибан-е Пакистан» (Движения пакистанских талибов). В 2005–2006 гг. они разрослись и окрепли, проведя ряд террористических операций.

Одновременно оживилась диверсионно-террористическая война талибов и других боевых групп в Афганистане. Она охватила там главным образом пуштунские южные и восточные провинции. Происходившее параллельно, по принципу сообщающихся сосудов, обострение ситуации в Афганистане и Пакистане породило международную проблему, поскольку в первой из этих стран находилась крупная и постоянно растущая группировка войск США и стран НАТО, а через территорию второй пролегали основные пути ее снабжения.

К концу 2008 г. ситуация в Афганистане рассматривалась в Вашингтоне как кризисная и безвыигрышная. Новая американская администрация президента-демократа Барака Обамы приняла план «одномоментного» увеличения численности своих войск с менее 40 до почти 100 тысяч человек и расширения операции как против самих талибов на юге и востоке страны, так и против их баз, находящихся в Пакистане, по большей части в ТПФУ. Действия против баз и укрытий, а также самих талибов и их союзников осуществлялись в основном с помо-

щью обстрела ракетами с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и оказались, судя по всему, весьма эффективны.

В 2009–2010 гг. в Афганистане были проведены президентские и парламентские выборы. Избирательная президентская кампания в 2009 г., в которой победил Х. Карзай, прошла с огромными нарушениями, однако ее результат в конечном счете был признан. Парламентские выборы 2010 г. также вызвали обвинения в подтасовках, использовании административного ресурса и неполной представительности результатов, однако помогли достичь определенного консенсуса на центральном уровне и компромисса в регионах.

И то, и другое, между тем, обеспечивалось присутствием на афганской земле самой солидной за всю ее историю иностранной военной группировки. Помимо 96 тыс. американцев в Афганистане насчитывалось на начало 2011 г. еще около 50 тыс. военных из различных стран НАТО. Общее командование как собственно военными Коалиционными силами (КС), так и «миротворцами» в лице натовских Международных сил содействия безопасности (МССБ) осуществлялось в последние годы американскими генералами.

Надо отметить, что и в Пакистане после острого и затяжного внутрисполитического кризиса наступило относительное затишье. Власть от военных после 8-летнего перерыва (1999–2007) вновь перешла к гражданским лицам, представляющим партии, победившие на парламентских выборах в феврале 2008 г. Стабилизировалась в общем и целом и ситуация в северо-западных районах страны. Там армия и специальные армейские подразделения провели серию относительно успешных военных кампаний по очищению от местных исламских радикалов ряда захваченных теми районов и областей.

В этих условиях американская администрация сочла необходимым прощупать почву для выполнения второй части операции, задуманной по аналогии с той, что была ранее проведена ими в Ираке. Речь идет о стратегии, выдвинутой Б. Обамой 1 декабря 2009 г., постепенном сокращении военного присутствия при передаче полномочий по поддержанию безопасности афганским властям. Первоначально объявленный срок вывода войск, июль 2011 г., не был в дальнейшем подтвержден. Но ясно, что к президентским выборам в США в ноябре 2012 г. вывод, по всей видимости, не только начнется, но и примет заметные масштабы. Окончание операции по выводу

основной части войск обычно связывают с 2014 г. Но и после этого срока какие-то подразделения США и НАТО, очевидно, останутся в Афганистане, чтобы оказать помощь национальной армии, полиции и другим силам охраны порядка.

Ликвидация американским спецназом «террориста № 1» Усамы бен Ладена 2 мая 2011 г. в пакистанском городе Абботабад должна, судя по всему, сделать вывод сил еще более логичным. Их пребывание в Афганистане в 2001–2011 гг., согласно ежегодным бюджетам, стоило США в общей сложности 52 млрд. долл. Оправданием при этом в существенной степени служила необходимость обеспечения условий для искоренения «Аль-Каиды». Но надо иметь в виду, что угрозу для региональной безопасности и планов вывода войск может в новых условиях создать Пакистан в том случае, если определенные влиятельные круги этой страны негласно подстегнут афганских талибов и других инсургентов для срыва планов вывода войск. Аргументом в пользу этого может быть не только недовольство действиями США и стремлением взять реванш у «противников мусульман», но и расчет на усиление своих позиций в Афганистане в условиях хаоса и беспорядка.

Не стоит сбрасывать со счетов и возможности другого соседа Афганистана – Исламской Республики Иран. Хотя талибы являлись и остаются «естественными» противниками шиитского Ирана, десятилетиями длящаяся вражда между Тегераном и Вашингтоном в сильнейшей степени сказывается на региональной политике ИРИ. Тегеран стремится укрепить свои позиции на западе страны, вокруг Герата, и в его центре, в шиитском Хазараджате (провинции Бамиан). Из «принципиальных» соображений Иран может создать немалые трудности для США. При этом его официальное отношение к выводу войск (пусть уходят) может контрастировать с реальным, ибо неудача с эффективным выводом сил будет ударом для США и приведет к усилению позиций исламского Ирана в регионе.

Таким образом, хотя региональный аспект проблемы Афганистана претерпел за последние почти 10 лет заметные изменения, его роль в афганских событиях не только не уменьшилась, но и существенно возросла. Сама борьба с терроризмом преобразовалась из локализованной в Афганистане в такую, которая имеет два очага распространения – Афганистан и Пакистан. И не исключено, что аббревиатура Аф-Пак может со временем преобразоваться в Пак-Аф.

Поэтому неслучайным представляется то внимание, которое уделено авторами сборника пакистанской проблематике. Она нашла отражение в шести статьях, посвященных истории и современному состоянию пакистано-афганских отношений, движению талибов на территории пакистанской провинции Белуджистан, афганской наркоэкспансии, соглашению о пакистано-афганской транзитной торговле, транспортным коммуникациям Афганистана и индийско-пакистанским отношениям в контексте афганской ситуации.

Авторы ряда из вышеперечисленных статей касаются и взаимосвязей Афганистана с другими сопредельными странами – Ираном, государствами Центральной Азии, а также Китаем и Индией. Читатель, кроме того, найдет в сборнике специальные статьи, посвященные этим отношениям. Новой по сравнению с монографией 2003 г. в данном сборнике стала тема арабских стран, их позиции в отношении афганской проблемы. Интересным представляется вывод автора посвященной этой теме статьи об относительно небольшом интересе к афганским событиям со стороны ведущих арабских государств, включая Саудовскую Аравию, известную, впрочем, своей посреднической ролью в переговорах с «умеренными талибами».

Две статьи раскрывают афганскую проблематику в деятельности международных региональных организаций – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Они дополняют анализ двусторонних взаимосвязей рассмотрением усилий многосторонней дипломатии по решению проблемы афганских наркотиков, исключительно острой и значимой, в частности, для России, а также вопроса о согласованной помощи региональных мусульманских по преимущественному составу населения государств развитию Афганистана.

Следует отметить, что материалы по экономическому возрождению Афганистана содержатся и в ряде других статей. Из них следует, что, опираясь в немалой степени на сотрудничество с сопредельными и смежными странами – Ираном, Пакистаном, Индией, Китаем и государствами Центральной Азии, современному Афганистану удалось добиться определенных успехов в развитии производственной и жилищно-бытовой инфраструктуры, прежде всего в крупных городах (Кабуле, Герате, Мазари-Шарифе и др.), а также на транспорте, в торговле и

промышленности, и что очень важно, в сфере образовательных и медицинских услуг.

Вместе с тем в открывающей книгу статье ответственного редактора, посвященной международной антитеррористической операции в Афганистане, реалистически оценивается ход операции и обосновывается неоднозначность достигнутых результатов. Неясность в оценке нынешнего военно-политического состояния в Афганистане и перспектив его изменения в будущем в немалой степени вызвана существенной неполнотой открытой информации о положении дел на местах, в малых городах и сельской местности. Тактика умолчания объясняется, видимо, нежеланием коалиционных сил раскрывать детали проводимых ими операций и придавать огласке характеристики последствий предпринимаемых ими действий, настроений среди местного населения, масштабов дезертирства, распространения коррупции и бюрократических злоупотреблений.

В заключение отметим, что для России, безусловно заинтересованной в стабильном развитии Афганистана и укреплении там порядка и безопасности, исключительно серьезным является вопрос о положении в смежном с ней Центральноазиатском регионе. Принципиально важным поэтому представляется вывод автора статьи «Афганистан и Центральная Азия» о том, что как бы ни развивались в перспективе события в Афганистане и Пакистане, они сами по себе не могут превратиться в главную угрозу для региона, – основными для него останутся проблемы внутреннего характера.

В.Я. Белокреницкий,
заместитель директора
Института востоковедения РАН,
руководитель Центра изучения стран
Ближнего и Среднего Востока

**ОПЕРАЦИЯ «НЕСОКРУШИМАЯ СВОБОДА».
ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Одной из ключевых внешнеполитических задач, стоящей перед администрацией Б. Обамы, была и остается стабилизация обстановки в Исламской Республике Афганистан (ИРА).

Напомним, что после терактов в США 11 сентября 2011 г. Дж. Буш объявил, что страна находится в состоянии войны с международным терроризмом и предстоящая военная кампания будет длительной и масштабной с использованием всех национальных ресурсов. Ее цель – искоренение международного терроризма во всех проявлениях, ликвидация его лидеров и лишение их финансовой подпитки. Наращивание Вооруженных сил (ВС) США в районе проведения операции началось 20 сентября. Состав Военно-воздушных сил (ВВС) в зоне Индийского океана, Ближнего и Среднего Востока в целом превысил 500 единиц летной техники. В регионе были сформированы три ударные группировки ВМС на базе авианосцев «Карл Вильсон» и «Китти Хок» в Персидском заливе, «Энтерпрайз» в Аравийском море и «Теодор Рузвельт» в Средиземном море. В каждой группировке насчитывалось 15 тыс. военнослужащих, самолеты палубной авиации, корабли сопровождения и подводные лодки с ракетами большой дальности.

О поддержке операции, названной «Несокрушимая свобода», заявили 70 государств, более 40 из которых выразили готовность принять в ней непосредственное участие. 2 октября 2011 г. руководство НАТО приняло решение о вступлении в силу пункта 5 своего Устава, в соответствии с которым нападение на одного из членов «Североатлантического альянса» расценивается как нападение на НАТО в целом, и страны-члены этой организации имеют право на ответный удар по агрессору.

Правовой основой военных действий США явился пункт 51 Устава ООН о праве на самооборону. Воинский контингент Коалиционных сил (КС) состоял из американских военноту-

жащих и военнослужащих ряда стран, поддержавших операцию «Несокрушимая свобода».

7 октября американские ВВС приступили к массированным бомбовым ударам по Кабулу, Кандагару, Герату, Мазари-Шарифу, Джелалабаду, авиабазе в Баграме и объектам инфраструктуры талибов. Важнейшую роль в успехе наземных военных действий сыграли подразделения «Северного альянса» – Объединенного фронта ИРА, состоявшие в основном из таджиков, узбеков, хазарейцев, а также пуштунов. Под командованием министра обороны Исламской Республики Афганистан М. Фахима их отряды освободили от талибов ряд крупных городов, в том числе Кабул. 15 октября США официально объявили о намерении совместно с ООН контролировать создание институтов власти в Афганистане.

В результате непродолжительной военной операции режим талибов в начале декабря 2001 г. был свергнут, порядка 25–30 тыс. боевиков и их лидеры нашли убежище в афгано-пакистанском приграничье и на территории Пакистана, где создали новые базы и лагеря.

27 ноября под эгидой ООН и при активнейшем участии США в Бонне состоялось открытие конференции представителей основных антиталибских сил – лидеров Северного альянса и пуштунских авторитетов, представленных экс-королем М. Захир-шахом. Весьма деятельное участие в работе конференции приняли представители США, их союзники по операции «Несокрушимая свобода», стран региона, Российской Федерации.

5 декабря в результате острых дебатов было подписано межафганское «Соглашение о временных механизмах в Афганистане до восстановления правительственных институтов». Его основные вехи – назначение Временной администрации сроком на 6 месяцев, принятие конституции, выборы Переходной администрации, прямые выборы президента и парламента.

По настоятельной «рекомендации» США (а точнее под их нажимом) и активнейшей поддержке экс-короля главой Временной администрации был назначен длительное время находившийся в эмиграции в Пакистане и США пуштун, вождь племени Попальзаев из семьи Семизаев Хамид Карзай. Сформировав состав администрации, в которую вошли и лидеры Северного альянса – М. Фахим, А. Абдулла и М.Ю. Кануни, 21 декабря 2001 г. Х. Карзай прибыл в Кабул.

В соответствии с межафганским «Соглашением» из столицы были выведены отряды «Северного альянса», а затем по мандату СБ ООН (резолюция 1386) сроком на 6 месяцев введены «Международные силы содействия безопасности» (МССБ) – 4 тыс. военнослужащих из 17 стран. В их обязанности входило содействие афганским вооруженным силам по обеспечению безопасности Кабула и прилежащих районов. 4 января 2002 г. командующий МССБ – британский генерал Д. Маккол и афганский министр обороны М. Фахим подписали Соглашение, предусматривавшее размещение отрядов МССБ и подтвердившее их обязанности. В дальнейшем сроки пребывания МССБ неоднократно продлевались, численность увеличивалась, а зона их ответственности распространилась на всю территорию страны. С августа 2003 г. командование иностранными воинскими контингентами осуществляется НАТО.

Создание политических, экономических и общественных институтов и становление новой государственности Афганистана в целом происходило при неуклонной, все возрастающей разноплановой вовлеченности США и Запада. Свергнутые, но не сломленные талибы и их сторонники – «Аль-Каида», Исламская партия Г. Хекматъяра, пакистанские исламисты, добровольцы, завербованные из мусульманских стран Мухаммедом Сухейлем (создателем «Всемирного фонда джихада») в течение 2002 г. готовились к борьбе.

Располагая весьма значительными средствами, выделявшимися многочисленными «благотворительными» фондами мусульманских и европейских стран, а главное – доходами от все возрастающего наркопроизводства и контрабанды наркотиков, лидеры талибов, «Аль-Каиды» и их сторонников сформировали, обучили и вооружили новые отряды и с начала 2003 г. стали совершать нападения на уезды южных и юго-восточных провинций, создавая там параллельные органы власти. Следуя рекомендациям теоретиков и идеологов радикального ислама – ас-Сури, ан-Наджи и особенно близкого «Аль-Каиде» аз-Завахири, руководство вооруженной оппозиции избрало тактику, основу которой составили военные операции средней и малой интенсивности, диверсии, нападения на иностранные и правительственные войска, госучреждения и главным образом – практически непрекращающиеся теракты. В течение 2003–2008 гг. оппозиция сумела распространить свое влияние на значительную часть территории Афганистана. За все про-

шедшие годы США и их союзники по операции «Несокрушимая свобода» не добились сколько-нибудь существенного прогресса в достижении поставленных в 2001 г. целей.

Коалиционные силы и Международные силы содействия безопасности, несмотря на все возраставшую численность, не смогли эффективно противостоять вооруженной оппозиции. Бесчинства иностранных, прежде всего американских военных, особенно во время обысков и облав, сопровождающихся, как правило, избиениями и арестами ни в чем неповинных людей значительно укрепили антизападные и антиправительственные настроения населения, традиционно неприемлющего вмешательства «безбожных» иностранцев во внутреннюю жизнь и особенно их военного присутствия. Бурю возмущения не только пуштунов, но и представителей других этносов (составляющих более 45% жителей) вызвали продолжающиеся поныне ракетно-бомбовые удары по населенным пунктам, в результате которых гибли и гибнут многие сотни людей, включая стариков и детей. Только в 2008 г., по данным ООН, жертвами стали 828 мирных жителей¹. Все это накладывалось на тяжелое экономическое положение страны, более 53% населения которой живет за чертой бедности². Огромные средства, предоставленные с 2002 г. странами-донорами на восстановление экономики (только к весне 2005 г. ими было выделено по меньшей мере 4 млрд. долл.), идут прежде всего на оплату тысяч заполонивших Афганистан, советников, экспертов и консультантов (подчас невысокого уровня и квалификации), их офисов, особняков и машин, часто просто разворовываются или оседают в карманах коррумпированных чиновников³.

По данным международной организации «Transparency International», исследовавшей уровень коррупции в 182 государствах, Афганистан занимает одно из первых мест, уступая лишь восьми странам, где коррупция находится на «еще более высоком уровне»⁴.

Кроме того (особенно в последние годы президентства Дж. Буша), объемы иностранной помощи неуклонно сокращались. Об этом свидетельствуют официальные документы афганских ведомств и материалы международных конференций по Афганистану. Так, в частности, на Парижской конференции (июнь 2008 г.) вместо запрашивавшихся афганской стороной 51,1 млн. долл. на развитие образования, здравоохранения, сельского хозяйства и восстановление дорог страны-доноры

выделили меньше половины⁵. Особенно остро перед страной и поныне стоит продовольственная проблема. В докладе за 2008 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун «Положение в Афганистане и его влияние на международный мир и безопасность» в числе задач, требующих безотлагательного решения, назвал принятие срочных мер для обеспечения Афганистана продовольствием⁶. В том же году афганский вице-президент совместно с представительством ООН в Кабуле дважды (в январе и июле) обращался с чрезвычайными призывами к странам-донорам оказать помощь миллионам афганцев, в том числе 1,2 млн. детей, которым практически грозил голод⁷.

Рассматривая общую ситуацию в Афганистане в 2008 г., Пан Ги Мун признал ее беспрецедентное ухудшение – участились точечные операции боевиков, их внезапные нападения на густонаселенные пункты, захваты заложников⁸. Особое внимание в докладе было уделено резко возросшему числу терактов. Только с марта по август 2008 г. было совершено 983 теракта (или, как их называют в ооновских документах, – инцидентов, угрожающих безопасности), что стало самым высоким показателем со времени ввода иностранных войск и составило 44-процентное увеличение по сравнению с теми же месяцами 2007 г.⁹

С конца 2005 г. КС и МССБ стали нести все более крупные потери в результате терактов, осуществлявшихся террористами-смертниками, которые только в 2007 г. совершили 139 терактов. В результате одного из них в Баглане погибло 54 человека, а 103 получили серьезные ранения. Подготовка террористов-смертников ведется в Афганистане в неконтролируемых властями медресе, особенно в афгано-пакистанском приграничье, за рубежом, главным образом в Пакистане, а также в мечетях европейских стран. Подготовка смертников из числа учащейся молодежи стала настолько масштабной, что вызвала серьезную озабоченность высшей власти, включая президента¹⁰.

В последние годы руководство талибов широко распространяло репортажи и видеокассеты о терактах, совершаемых смертниками, рассылая их в различные провинции Афганистана, другие мусульманские страны, а также в Европу, где существуют многомиллионные диаспоры мусульман – во Францию, Германию, Великобританию. В 2003 г. руководство талибов создало медиаструктуру «Амат» по типу подконтрольной «Аль-Каиде» «ас-Сахаб», широко распространяющей клипы и

кассеты с репортажами о терактах и победах над «неверными» иностранцами. Как заявляют лидеры исламистов, их цель – убедить мусульман всего мира, что США – не великая непобедимая держава, а страна, неспособная защитить свои интересы и своих граждан. Многочисленные теракты и диверсии против «безбожников» – иностранцев и «вероотступников» – местных властей позволяют отдельным группам талибов и их союзникам заявлять о себе на международном уровне, идентифицируя себя таким образом с мировым движением джихада¹¹.

Адресное направление пропагандистских материалов позволяет талибам расширить круг поддерживающих их многочисленных «благотворительных» исламистских фондов и организаций, связи с некоторыми из них были установлены в 90-е годы прошлого века¹².

Однако основные доходы талибы, «Аль-Каида» и их сторонники получали и получают от неуклонно возрастающего производства наркотиков и их контрабанды. По признанию самих американцев, в том числе и высокопоставленных чиновников госдепартамента, после прихода в страну войск коалиции наркопроизводство «взлетело до небес»¹³. Посевные площади опийного мака с 80 тыс. га в 2002 г. выросли до 193 тыс. га в 2007–2008 гг. Усредненная же прибыль, получаемая с 1 га посевов мака, составляет 4500 долл. В этой связи нельзя особо не подчеркнуть, что командование МССБ длительное время уклонялось от участия в уничтожении посевов наркосодержащих культур, ссылаясь на то, что в мандате СБ ООН это не предусматривается. Однако и после призыва СБ (резолюция 1833, сентябрь 2008) «углублять взаимодействие с властями и государствами региона в их борьбе с наркоугрозой» иностранные воинские контингенты, мягко говоря, не проявляли энтузиазма на этом направлении. Так, в ходе антитеррористической операции в Гильменде в начале 2010 г. ими были оставлены в неприкосновенности не только наркопосевы, но и особняки дельцов наркобизнеса¹⁴. Основная часть средств от наркотрафика тратится на содержание, вооружение и обучение боевиков.

Ухудшающееся экономическое положение сельского и городского населения, мздоимство чиновников, глумление иностранцев над исламскими святынями, непосредственно над пророком Мухаммедом и Кораном побуждали и побуждают все большее число афганцев (как пуштунов, так и непуштунов) содействовать талибам и их сторонникам, участвовать в много-

численных акциях протеста – митингах и демонстрациях, пополнять ряды боевиков.

К 2009 г. не только влияние, но и присутствие вооруженной оппозиции распространилось на подавляющее большинство провинций. Однозначно, оценивая контрпродуктивность линии Дж. Буша, новая администрация США выступила со стратегией по «Аф-Паку»¹⁵. 27 марта 2009 г. президент Б. Обама озвучил ее ключевые направления, в число которых входит ликвидация очагов «аль-Каиды», что явилось отражением признания Вашингтоном необходимости взаимосвязанности обеспечения безопасности двух стран. Направив в Афганистан 20 тыс. американских военнослужащих, Б. Обама заявил о необходимости увеличения численности воинских контингентов союзников. Первые восемь месяцев его президентства США действовали в фарватере линии Дж. Буша.

Однако поступавшие из страны сведения о резком ухудшении общей ситуации (что во многом было связано с президентскими выборами 20 августа 2009 г.) и утверждения командующего КС и МССБ генерала С. Маккриснала, заявлявшего о неотложной необходимости внесения изменений в оперативные задачи и тактику американских войск, побудили президента незамедлительно пересмотреть подходы к решению афганской проблемы.

1 декабря 2009 г. после длительных межведомственных консультаций Б. Обама, выступая в военной академии «Вест Поинт»¹⁶, заявил о коренных изменениях стратегии. Отметив, что война в Ираке, потребовавшая значительной концентрации материальных и людских ресурсов в ущерб усилиям на афганском направлении, и осложнившаяся ситуация в ИРА поставили США перед необходимостью увеличить численность войск не менее чем на 30 тыс. и добиваться наращивания военного контингента союзников. При этом президент особо подчеркнул, что ныне основной задачей КС и МССБ, помимо ликвидации «Аль-Каиды» и нейтрализации наступательного потенциала талибов, станет обучение афганских вооруженных сил и полиции, их подготовка к самостоятельному обеспечению безопасности с тем, чтобы в июле 2011 г. США смогли приступить к сворачиванию присутствия своих войск и их последующему выводу из Афганистана.

При этом недееспособность КС и МССБ (не говоря об афганских войсках) привела американскую администрацию и пра-

вительство Х. Карзая к необходимости на данном этапе активизировать процесс национального примирения, продвигавшийся с 2005 г. Независимой национальной комиссией во главе с С. Моджаддеди. С этой целью была спешно созвана представительная Джирга Мира, состоявшаяся уже в начале июня 2010 г. В ее работе приняли участие 1600 делегатов – религиозные авторитеты, старейшины племен, представители центральных и провинциальных органов власти. В ходе заседаний была впервые предпринята попытка перейти от общей концепции нацпримирения и реинтеграции боевиков к выработке механизмов ее реализации. Декларативный по сути характер принятой Джиргой Мира резолюции¹⁷, позволил западным спонсорам и самому президенту, с одной стороны, продемонстрировать поддержку стабилизационной стратегии, а с другой, оставил поле для маневра в случае непредвиденного развития ситуации.

В целом все компоненты выдвинутой 1 декабря 2009 г. стратегии, включая программу нацпримирения, были направлены на реализацию основной задачи – подготовку к выводу войск. Предсказуемость столь коренного поворота афганской политики США и НАТО в целом, кроме всего прочего, несомненно, связана и с резко возросшим числом потерь, которые несли иностранные воинские контингенты – с 81 чел. в 2001–2002 гг. до 815 чел. в 2008–2009 гг.¹⁸

Весьма впечатляющими в этом плане оказались и результаты опросов общественного мнения в странах-участницах операции «Несокрушимая свобода», проведенных в июне 2009 г., то есть до выборов в Афганистане. Так, лишь 11% опрошенных в Великобритании высказались за продолжение военных действий; еще меньшую поддержку афганской кампании выразили респонденты Франции и Нидерландов – от 7 до 4%¹⁹.

В этих условиях вопрос, если не о прекращении участия в афганской войне, то, во всяком случае, о сокращении численности направляемых в страну военнослужащих, естественно, становился важной темой политической борьбы в названных странах. При этом, если ранее можно было говорить о том, что принципы натовской солидарности преобладают над национальными интересами этих государств и цементирующим фактором, обеспечивавшим намерения их лидеров продолжать военные действия «до победного конца» – демократического переустройства афганского общества, то после выборов 2009 г.

ситуация в корне изменилась. Выявленные более чем значительные нарушения при подсчете голосов продемонстрировали, что несмотря на весь огромный объем задействованных ресурсов, США и их союзникам не удалось приблизиться к установлению в Афганистане системы управления, соответствующей западным образцам. Независимые наблюдатели признали 1,1 млн. бюллетеней, поданных за Х. Карзая, сфальсифицированными, несколько меньшее число бюллетеней, в которых избиратели проголосовали за двух других претендентов на президентское кресло, также было забраковано²⁰.

Разумеется, признание недемократичности выборов – ключевого института строительства новой государственности Афганистана было равнозначно «явке с повинной» и означало провал «афганского эксперимента» в целом. Пытаясь «сохранить лицо», США и их союзники признали выборы состоявшимися. Однако полностью замолчать фальсификации не удалось. Отправленный в отставку заместитель представителя Генерального секретаря ООН по Афганистану П. Гэлбрайт, объясняя причины своей отставки, открыто заявил прессе, что «не был готов соучаствовать в сокрытии или попытках занижить масштабы нарушений»²¹. Тем не менее легитимность Х. Карзая была признана. 28 января 2010 г. в Лондоне при его участии состоялась международная конференция по Афганистану, в ходе которой стратегия была одобрена²².

Несколько позже, 20 июля 2010 г. международная конференция в Кабуле утвердила ее основные положения²³. Тогда же была принята Программа национального примирения и реинтеграции, сроки вывода иностранного воинского контингента были перенесены с июля 2011 г. на конец 2014 г.

Получив, таким образом, карт-бланш от союзников и афганской стороны, Вашингтон, казалось бы, приобретал широкое пространство для маневра в проведении своего стратегического курса. Однако при его реализации команда Б. Обамы столкнулась с рядом внутриафганских и внешних ограничителей, которые необходимо было учитывать.

Во-первых, силовое давление на вооруженную оппозицию, несмотря на увеличение численности КС и МССБ²⁴, оказалось малоэффективным и не внесло существенных изменений в соотношение сил. Тактика преимущественного задействования спецподразделений для ликвидации лидеров оппозиции и минимизации разрушений вследствие боевых операций в целом

способствовала некоторому сокращению жертв среди гражданского населения и, на первый взгляд, создавала впечатление верных шагов на изначально декларируемом США пути к завоеванию «умов и сердец» простых афганцев. Однако такой подход в силу своей самоограниченности имел весьма скромные результаты в решении заявленной Вашингтоном задачи – уже не искоренение терроризма и ликвидация его лидеров, как говорилось осенью 2001 г., а максимальное ослабление сил вооруженной оппозиции.

В полной мере это проявилось при реализации антитеррористических операций «Моштарак» (в двух уездах провинции Гильменд) и «Шефаф» (в северных провинциях ИРА). Потери талибов и их союзников оказались невелики и не смогли сколько-нибудь существенно ограничить их боевой потенциал. Избранная тактика вылилась фактически в «выдавливание» боевиков в прочие, ранее относительно стабильные провинции. В итоге оппозиция получила заметный импульс и возможности к расширению своей географической представленности. Более того, в Гильменде, несмотря на заявленную дополнительную цель – обеспечение ведущей роли афганских вооруженных сил, они оказались, по признанию западных военных, «не готовы действовать самостоятельно...[им] не хватило достаточного снабжения и логистического обеспечения, а также ...профессионализма...»²⁵.

Во-вторых, над американской политикой в Афганистане продолжает довлеть пакистанский фактор. Как известно, Афганистан традиционно является важным элементом стратегии Пакистана по обеспечению его национальной безопасности. Это выражалось и выражается как в стремлении Исламабада не допустить наращивания влияния Индии в Афганистане, так и во все более четко проявляемых намерениях пакистанского руководства обеспечить присутствие в афганском политическом истеблишменте проводников своего влияния²⁶.

Ныне проблема для Вашингтона заключается и в том, что Исламабад сохранил инструментарий продвижения своих интересов на афганском треке, задействованный еще в 80-х годах прошлого века – использование вооруженной оппозиции. Однако если в период нахождения в Афганистане советских войск «контакты» Исламабада с ними отвечали задачам США, то теперь они создают сложности в реализации стабилизационных усилий американцев. Речь, в данном случае, прежде всего идет о так называемой «Сети Хаккани» (пуштунской

по составу), поддерживаемой Пакистаном и выступающей против воинских подразделений афганских вооруженных сил и МССБ²⁷ и активизации на афганской территории пакистанской экстремистской группировки «Лашкар-е тоиба», причастной, по данным Управления национальной безопасности Афганистана к теракту в Кабуле 26 февраля 2011 г.²⁸

В этой связи следует иметь в виду, что на формирование внешнеполитического курса Пакистана (как в целом, так и его афганской составляющей) несомненное влияние, особенно в последние годы, оказывают организованные политические силы – исламистские партии, а также часть депутатов парламента. Подъем воинствующего исламизма в стране наблюдается прежде всего в приграничных Афганистану районах – на Территории племен федерального управления (ТПФУ), особенно в агентствах Северного и Южного Вазиристана, а также агентстве Куррам, где действуют экстремисты. По данным американской разведки, в этих районах укрываются лидеры «сети Хаккани», «Аль-Каиды» и их военные отряды, без нейтрализации которых, как полагают в Вашингтоне, решение проблем терроризма невозможно²⁹.

Направляемые МССБ с афганской территории беспилотные самолеты и их бомбовые удары по территории ТПФУ вызывают болезненную реакцию пакистанского руководства и общественности. Президент А.А. Зардари не раз обращался к США и НАТО с просьбой либо прекратить направление беспилотников, либо передать их пакистанской стороне и использовать совместно. Линия Исламабада, не предусматривающая активного подавления групп талибов в пакистано-афганском приграничье, вызывает весьма серьезную озабоченность США, афганского руководства и общественности³⁰. Стремление Вашингтона сгладить ситуацию проявилось и в ходе переговоров в мае 2009 г. на высшем уровне между США, Пакистаном и Афганистаном. Сложности на этом «поле» побудили американских и западноевропейских дипломатов весной 2009 г. выделить афгано-пакистанский трек в самостоятельное направление, входящее в компетенцию спецпредставителей по Аф-Паку. Представители 43 стран с завидным постоянством пытаются разрядить обстановку. И США, и Афганистан на разных уровнях продолжают заявлять, что «корни дестабилизации ситуации по-прежнему находятся вне пределов страны». По-видимому, в силу ряда разноплановых внутри- и внешнеполитических

причин пакистанский фактор будет и впредь вызывать серьезную озабоченность Вашингтона и Кабула. Показателем недовольства США Исламабадом, несомненно, следует считать перенос на неопределенный срок визита в страну американского президента Б. Обамы.

Модифицируя свою политику на афганском направлении, США не могут не учитывать и позицию Ирана, его подходы к стабилизационным усилиям американцев и их союзников. Позволим себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

При всей многовекторности внешней политики Тегерана, отношения с Кабулом неизменно занимают важное место в системе его приоритетов. Ныне они определяются пребыванием в стране КС и МССБ и линией Х. Карзая на реализацию Программы национального примирения и реинтеграции. В свете общей риторики Вашингтона и его союзников, продолжающих рассматривать ИРИ как важнейшую составляющую «оси зла», серьезная озабоченность Тегерана положением дел не только в Афганистане, но и в регионе в целом представляется обоснованной. Для Ирана, естественно, важно не только поддержание активного диалога с восточным соседом, но и мониторинг за происходящими там событиями. Совершенно очевидно, что Тегеран, незаинтересованный допустить внешнее, в первую очередь американское, «посредничество» в контактах с Кабулом, продвигает заявленный в мае 2009 г. на трехстороннем ирано-пакистано-афганском саммите тезис о приоритетности регионального решения афганской проблемы.

Однако эта, в принципе заслуживающая внимания инициатива иранцев, по-видимому, была осложнена слишком «буквальным» подходом ИРИ к ее воплощению. Отметим, что Тегеран, принимая участие в международных конференциях по Афганистану в Москве (27 марта 2009 г.) и Гааге (31 марта 2009 г.), лондонскую конференцию (28 января 2010 г.) по существу проигнорировал. МИД ИРИ расценил ее как явное стремление Запада закрепить за собой роль главного «опекуна» Афганистана и присвоить право решать его проблемы исключительно по своему усмотрению. Видимо, не следует исключать и того, что со стороны Тегерана это был в определенной мере демарш, связанный с ожиданием неких политических уступок от западников.

В итоге иранская сторона лишилась тогда возможности продвинуть свою повестку дня на этом представительном меж-

дународном форуме, заложившем основу серьезной трансформации стабилизационных процессов в Афганистане.

Показателем стремления закрепить региональный механизм стабилизации стала инициированная Тегераном встреча «тройки» – ИРИ, ИРП и Таджикистана, основывающаяся на языковом и историко-культурном родстве их народов. При этом Тегераном, как видится, подводился под этой встречей и экономический фактор. Вряд ли приходится сомневаться, что подобная «тройка» вызывает существенное отторжение у западных «кураторов» происходящих в ИРА процессов, усматривающих в этом механизме гегемонистские устремления Тегерана не только на афганском треке, но и в регионе в целом.

Тем не менее при этом нельзя не заметить некоторой трансформации позиции Вашингтона и его союзников в отношении ИРИ. Ее объективная причина связана с рядом факторов.

В первую очередь, видимо, следует учитывать антиталибскую «заряженность» Тегерана: иначе и не может быть, прежде всего в силу этно-религиозного фактора. Иранцы – шииты, талибы придерживаются исключительно суннитского направления ислама, в их собственном понимании – радикального, жесткого. В Иране ни в коей мере не забыли о гибели в Мазари-Шарифе дипломатов и журналиста от рук талибов, массовых убийствах хазарейцев (также шиитов) и, конечно, о провозглашавшихся тогда талибскими лидерами лозунгов типа «убивать всех, кто не говорит на пушту».

Во-вторых, несомненно значительна роль ИРИ в содействии развитию афганской экономики. Широко известно участие иранских компаний, особенно на западе Афганистана, в развитии энергетики, сельского хозяйства, строительстве дорог и мостов, модернизации систем водоснабжения, связи, расширении торговли.

В-третьих, продолжается рассмотрение возможностей нового выделения Ираном дополнительных средств на реализацию проектов, направленных на борьбу с наркотиками, их контрабандой. Таким образом, ИРИ может стать одним из весьма эффективных форпостов в активизировавшемся по линии МССБ наращивании антинаркотических мероприятий и соответственно лишении вооруженной оппозиции подавляющей части огромной финансовой подпитки. В этом США несомненно заинтересованы.

Наконец, не следует обходить вниманием и отмеченное в последнее время стремление Тегерана к диалогу с участни-

ками стабилизационного процесса в Афганистане. Речь, в частности, идет об участии иранского дипломата М.А. Канизаде в посвященной Афганистану девятой по счету встрече специальных представителей США и 43 других государств, включая союзников Вашингтона по НАТО, Индию и Китай. Весной 2011 г. спецпредставителя по Афганистану назначила и РФ. Официальный Тегеран в 2009 г. не пошел на учреждение аналогичной должности, очевидно, полагая, что участие иранской стороны в регулярных встречах спецпредставителей сузит возможности Ирана по проведению самостоятельной политики на афганском треке.

Одной из ключевых причин такого шага является и тематика упомянутых встреч, поскольку основное внимание неизменно уделялось проблемам «афганизации» стабилизационных усилий в Афганистане, включая передачу ответственности за обеспечение безопасности на его территории от иностранных военных присутствий афганским вооруженным силам. Иранская сторона, учитывая необратимость запущенного США и их союзниками процесса подготовки к уходу из Афганистана, не может не видеть вероятности вакуума власти на территории восточного соседа. Это, естественно, создаст опасность как трансграничного распространения экстремистской и наркоугрозы, так и сложностей обеспечения сколько-нибудь прочных позиций лояльных Ирану сил в афганском истеблишменте.

Рассматривая проблемы, связанные с возможным подключением иранского представителя к формату заседаний спецпредставителей, заметим, что участие в их работе с самого начала могло бы в определенной мере ограничить линию Тегерана на отстаивание собственной повестки дня по Афганистану. К тому же, не наделив М.А. Канизаде статусом спецпредставителя, Тегеран не создал какого бы то ни было прецедента и сохранил возможность избежать обсуждения неудобных для себя вопросов, давая при этом Кабулу понять приоритетность для Ирана двустороннего канала обмена мнениями. Тем не менее, как видится, не следует исключать, что ныне, назначив своего спецпредставителя, Тегеран в ходе заседаний спецпредставителей с опорой, по крайней мере, на возможно благожелательную позицию Китая, Индии, ряда арабских стран Персидского Залива, прежде всего ОАЭ, может поставить на обсуждение вопрос о переформатировании процесса нацпримирения с уделением внимания переговорам не только с талибами, дислоцирующимися в Пакистане, но и

с другими группировками, в том числе включающими шиитов Афганистана. Даже при отсутствии механизма консенсусного принятия спецпредставителями обязательных для их стран решений Тегеран в принципе способен подорвать продвигаемый США тезис о единстве подходов всех участников стабилизационного процесса в Афганистане. Дальнейшая конструктивность иранской политики на афганском направлении, на наш взгляд, будет зависеть от уровня соответствующего настроения со стороны как ИРИ, так и США и их партнеров.

Существует и еще один потенциально достаточно серьезный вопрос: в западные СМИ просочилась информация о том, что администрация Х. Карзая в течение нескольких лет являлась получателем финансовых средств от Ирана. Примечательно, что данная Х. Карзаем аргументация причин получения от ИРИ средств, в принципе, не вызывает особых сомнений в ее логичности. В частности, им было отмечено, что и другие страны также задействуют подобные механизмы такого содействия Афганистану. Деньги, по словам афганского лидера, направлялись на поддержку местного населения, хотя объективно в какой-то мере стимулировали укрепление афгано-иранских отношений.

Как видится, имевшая место раздраженная реакция Запада по данному вопросу на деле не обусловлена сколько-нибудь серьезным стремлением Ирана войти таким образом в круг государств, оказывающих Афганистану финансовую помощь и, соответственно, обеспечить серьезное наращивание своего политического присутствия в этой стране. Совершенно очевидно, что в условиях пребывания КС и МССБ в Афганистане рычаги воздействия США на Кабул неизмеримо больше, нежели иранские, пусть и подкрепляемые финансовым содействием и культурно-языковой близостью.

Речь, вероятно, идет о том, что всплывшее на поверхность стремление Ирана (имевшее место и ранее) обеспечить себе определенную стабильность на восточных границах путем стимулирования проиранских настроений в администрации Х. Карзая чревато нарушением долго выстраивавшейся Вашингтоном региональной системы отношений, ориентированной на поддержку американских стабилизационных планов в Афганистане.

Модификация афганской политики США и их союзников, видимо, будет определяться не только учетом позиций соседних с Афганистаном стран, но и рядом других факторов. На-

пример, признав провал намерений направить развитие афганского общества по пути демократии, все более заметным становится явный отход США от «демократизаторских» лозунгов в пользу прагматичного курса, не отягощенного призывами к воплощению в стране норм демократии: широко известны неоднократные заявления американских политиков и непосредственно госсекретаря Х. Клинтон о том, что эти идеи вполне могут сосуществовать с исламом. Не исключены и некоторые перемены в линии США, связанные с их крайней неудовлетворенностью функционированием кабульских властей и подчас довольно жесткой критикой президента Х. Карзая и его команды.

Обвиняя Х. Карзая во всех грехах, США несомненно лукавят. Выстраивая свой курс на афганском направлении, вашингтонские стратеги безосновательно полагали, что создание юридической основы конституциональной базы демократических преобразований в стране, живущей в соответствии с установленными веками нормами ислама и традициями, политическая поддержка, экономическая помощь и массированное военное давление (а точнее подавление) позволят практически сформированным при их разноплановом участии властям решить за несколько лет весь комплекс сложнейших проблем, снизу доверху пронизывающих афганское общество.

Этого не произошло и не могло произойти. США в очередной раз переоценили свои возможности, не поняли и не учли афганские реалии — роль ислама, устойчивость традиций, фрагментарность Афганистана в целом, феномен структуры пуштунских племен в самой стране и в афгано-пакистанском приграничье с его незыблемой силовой составляющей и, что не менее важно, напрочь проигнорировали уроки истории.

Как при политической, финансовой и военной поддержке — вначале моджахедов, а затем взращивавшихся в Пакистане талибов, так и ныне США получили то, что получили. Их просчет нанес огромный ущерб стране и ее народу, не говоря об ударе по самим американцам и их союзникам, резко обострил ситуацию в регионе. Теперь они ищут выход из тупика, в который сами себя загоняли в течение прошедших лет.

В результате мы видим четко сформулированную цель — сворачивание военного присутствия в Афганистане и довольно эфемерное представление о механизмах, точных сроках и параметрах ее реализации. Окажется ли сколько-нибудь успешной стратегия США, приведет ли она в конечном счете, как на-

деялись в Вашингтоне, к стабилизации обстановки в стране к концу 2014 г.? В этом уравнении слишком много неизвестных.

Ключевым элементом модификации стратегии прежде всего стал перенос большего акцента с силовой составляющей на обеспечение примирения с вооруженной оппозицией. Старт этому процессу был дан (как уже отмечалось) на Лондонской и Кабульской международных конференциях. В Кабуле была утверждена «Программа национального примирения и реинтеграции в Афганистане». Осенью 2010 г. соответствующий переговорный процесс был запущен³¹.

Однако уже сейчас вполне очевидно, что для успешной реализации «Программы» необходимы проработка и уточнение ряда основных положений, касающихся, в частности, механизмов обеспечения безопасности замирившихся талибов, их трудоустройства, подходов к решению этнорелигиозного противостояния и межплеменных противоречий, определение параметров исключения членов вооруженной оппозиции из санкционного списка комитета 1267 СБ ООН³² и т.п. Все это требует длительной кропотливой, поистине ювелирной работы. Любой опрометчивый шаг на этом пути чреват новой трагедией и кровопролитием. И власти, и мировое сообщество, как видится, пока еще не готовы к решению этих сложнейших задач.

Что касается оперативных задач американского воинского контингента, то они были определены на специальном совещании в Пентагоне, состоявшемся в середине декабря 2010 г. Среди них обозначены постулаты о продолжении «охоты» на лидеров оппозиции, прежде всего «Аль-Каиды». При этом участники совещания, отмечая рост потенциала афганских вооруженных сил, тут же делали оговорки, что «достигнутые ими успехи могут легко обратиться вспять, если потоки боевиков из Пакистана не будут остановлены»³³.

Оценивая результативность боевых действий американского военного контингента в 2010 г., Б. Обама признал, что несмотря на «кое-какие достижения, прогресс не очевиден»³⁴.

Учитывая сложившуюся ситуацию, председатель Объединенного комитета начальников штабов адмирал М. Муллен, назвав 2014 г. «комфортабельной датой», тут же оговорился, что строить прогнозы на 4 года вперед практически невозможно³⁵.

Главной темой обсуждения в Пентагоне было определение той роли, которую предстоит играть американским военным в предстоящие годы. Поскольку численность воинских контин-

гентов других стран сокращается³⁶ и, по всей видимости, будет и далее сокращаться, в этих условиях военные действия придется вести в основном американским воинским контингентам.

Как и когда США будут вынуждены вывести из Афганистана войска, определит время. Во всех случаях едва ли следует считать, что 2014 г. станет завершающим для полной передачи власти кабульскому правительству в его нынешней конфигурации. Ныне сложность обстановки в регионе усилило резкое обострение ситуации на всем Ближнем Востоке и, в частности, в Ливии. Напомним в этой связи, что в составе вооруженной оппозиции в Афганистане среди «воинов джихада» «Аль-Каиды» весьма активно действуют выходцы из Ливии. О том, насколько чревата взрывом обстановка в стране и в приграничье, несомненно свидетельствуют события весны 2010 г. в Мазари-Шарифе, Кандагаре, а также в некоторых городах Пакистана. Этого вашингтонские и натовские стратеги не могут не учитывать. Как стало известно, США и их союзники продвигают идею о созыве конференции Бонн-2 по Афганистану.

В «Обращении к нации» (22 июня 2011 г.) президент Б. Обама был вынужден объявить о начале поэтапного сокращения военного присутствия американских войск в стране, а затем сместил Р. Гейтса с поста министра обороны. Заменивший его Р. Пинетта ранее возглавлял ЦРУ. Кроме того, Б. Обама также заявил, что афганским вооруженным силам будет передана полнота ответственности за обеспечение безопасности страны, как только они будут к этому готовы. Масштабы и темпы вывода войск определятся на саммите НАТО в Чикаго в мае 2012 г. Однако весьма сомнительно, что в ближайшей перспективе подготовка афганских армии и полиции к этому времени может быть осуществлена.

С учетом сложнейшей ситуации в стране и в регионе в целом вывод иностранных войск, на каких условиях он бы ни состоялся, по всей видимости, не приведет к стабилизации обстановки, как это было после вывода советских войск. Конфликтный потенциал в стране и вокруг нее питает и питал ранее не только исключительно внешнеполитический фактор, а целый комплекс глубинных внутривнутриполитических (в том числе этнорелигиозных) и социально-экономических проблем. Только учет их взаимосвязи и взаимозависимости сможет определить оптимальные подходы к решению афганской проблемы в целом. Готовы ли к этому нынешние афганские власти и Запад?

¹ См. об этом подробнее: Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004. С. 462–476.; Веревкин С.М. Движение талибов на современном этапе // Востокведный сборник. М., 2003. С. 275–298; Арунова М., Тутков Ю. Афганистан сегодня // Время выборов и перемен: Афганистан, Иран, Пакистан. М., 2006. С. 5–17; Тутков Ю., Арунова М. К итогам парламентских выборов в Афганистане. Там же. С. 17–25; Коргун В.Г. Афганистан 2005 – на пути к парламентским выборам. Там же. С. 25–38; Лукоянов А.К., Тронов А.М. Афганистан конца 2005 г. Там же. С. 39–49; Сажин В.И. Особенности афганской демократии. Там же. С. 50–56; Набиев К.З., Арунова М.Р. Проблемы государственного обустройства Афганистана // Ближний Восток и современность. М., 2003, т. 18. С. 72–80; Коргун В.Г. Время ожидания и тревог // Ближний Восток и современность. М., 2003, т. 18. С. 72–80; Сергеев В.В. Взгляды западной коалиции на ситуацию с производством опиума // Ближний Восток и современность. М., 2008, т. 36. С. 240–249.; Арунова М. Ситуация в Афганистане и мировое сообщество // Ближний Восток и современность. М., 2008, т. 36. С. 22–34; Арунова М. Афганистан сегодня // Афганский кризис и проблемы формирования региональной системы безопасности. М., 2010. С. 8–21; Нечитайло Д.А. О стратегии аль-Каиды // Ближний Восток и современность. М., 2008, т. 36. С. 216–240; Сб.: Афганистан 2010. М., 2010.

² Коргун В.Г. Афганистан на пути к парламентским выборам // Время выборов и перемен. С. 29–38.

³ Лукоянов А.К., Тронов А.М. Указ. соч. С. 39–49.

⁴ Коргун В.Г. Куда движется Афганистан // Афганский кризис. М., 2010. С. 28.

⁵ Арунова М.Р. Афганистан сегодня // Афганский кризис и проблемы формирования региональной системы безопасности. М., 2010. С. 13–14; Арунова М.Р. Ситуация в Афганистане и мировое сообщество // Ближний Восток и современность. М., 2008, т. 36. С. 22–33.

⁶ General Assembly Security Council. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. 23 September, 2008.

⁷ Арунова М.Р. Афганистан сегодня. С. 11–12.

⁸ General Assembly Security Council. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security. 23 September, 2008.

⁹ Там же.

¹⁰ Нечитайло Д.А. Террористы-смертники в движении джихада // Ближний Восток и современность. Вып. 40. М., 2009. С. 162–188; Лавров А.Ю. Ислам и религиозно-политические организации в Аф-

ганистане // Ближний Восток и современность. Вып. 35. М., 2008. С. 139–159.

¹¹ Нечитайло Д.А. О стратегии аль-Каиды в некоторых регионах мира // Ближний Восток и современность. Вып. 35. 2008; Нечитайло Д.А. Идейный арсенал и методы исламистской пропаганды // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003.

¹² Арунова М.Р., Набиев З.К. Афганистан. Проблемы терроризма // Терроризм – угроза человечеству XXI в. М., 2003. С. 179–200; // Мусульмане на Западе. М., 2004; Нечитайло Д.А. Ислам в Великобритании // Ближний Восток и современность. Вып. 26. М., 2005. С. 195–217; Нечитайло Д.А. Ислам в Германии // Ближний Восток и современность. Вып. 31. М., 2007. С. 91–114; Нечитайло Д.А. Ислам в Италии // Ближний Восток и современность. Вып. 34. М., 2007. С. 144–153.

¹³ The New York Times. 27/08/2008; Примаков Е.М. Мир без России? М., 2009. С. 82.

¹⁴ Сергеев В.В. Взгляды западной коалиции на ситуацию в Афганистане с производством опиума // Ближний Восток и современность. Вып. 36. М., 2008. С. 240–248; The Times. 26.02.2010; см. об этом подробно: Ахтар Мухаммад. Наркотрафик – образ Афганистана или трагедия народа // Формирование образа России в мире в контексте афганского кризиса. М., 2010. С. 302–309.

¹⁵ http://www.cfr.org/publication/18952/obamas_strategy_for_afghanista_n_and_pakistan_march_2009.html

¹⁶ President's address to the Nation, US Military Academy at West Point (http://www.huffingtonpost.com/2009/12/01/obama-afghanistan-speech-text-excerpts_n_376088.html)

¹⁷ Базовые факторы детерминирующие динамику формирования образа России в Афганистане // Формирование образа России в мире... С. 261–263.

¹⁸ www.icasualties.org – независимый интернет-сайт, созданный в мае 2003 г. и занимающийся сбором информации (на основании сообщений в СМИ и официальных отчетов) о потерях США и их союзников в ходе операций в Ираке и Афганистане. Цифры отражают число иностранных военных, погибших в Афганистане (в результате боев столкновений и не связанных с ними происшествий), а также за его пределами – от полученных в Афганистане ранений.

¹⁹ Marshall Fund of the United States – Translatic Trends, June 2009 survey.

²⁰ The Telegraph, 16.10.2009.

²¹ The Times, 01.10.2009; The Washington Post, 04.10.2009.

²² Communique of the London Conference, 28.11.2010. –

afghanistan.hmg.gov.uk/en/conference/communique

²³ <http://www.mfa.gov.af/docs-kk.asp>.

²⁴ Численность КС не раскрывается (по причине преимущественного задействования в них спецподразделений), численность МССБ на начало 2010 г. составила 130432 человека, из них американцев – 90 тыс. человек (источник – официальный сайт НАТО, www.isaf.nato.int/en/troop-contributing-nations/index.php).

²⁵ MSNBC, «Afghan army improving, not ready to go it alone», 27.02.2010.

²⁶ Поя Самуилла. Роль афгано-пакистанских отношений в урегулировании афганского кризиса // Формирование образа России в контексте афганского кризиса. М., 2010. С. 270–291; Он же. Афгано-пакистанское партнерство в контексте создания региональной безопасности. Там же. С. 291–296; Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. С. 279–322; Афганистан и сопредельные страны. М., 2003. С. 24–50; 80–87; Краснов К.Г. Афганская проблема в контексте пакистано-индийских отношений // Формирование образа России в мире... С. 157–163.

²⁷ Омар Нессар. Региональное соперничество и террористическая активность на Среднем Востоке // Формирование образа России... С. 241–247; Арунова М.Р. Афганская политика США и интересы России // Формирование образа России... С. 10–12.

²⁸ Белокреницкий В.Я. Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане // Ближний Восток и современность. Вып. 41. М., 2010. С. 181–182.

²⁹ Там же. С. 181–182.

³⁰ 6–7 мая состоялся инициированный Вашингтоном трехсторонний саммит США, Афганистана, Пакистана. Этому предшествовала встреча министров иностранных дел и Х. Клинтон в феврале 2009 г.

³¹ The Washington Post, «US, NATO Facilitating Afghan-Taliban Negotiations», 14.10.2010.

³² Комитет по санкциям против «Аль-Каиды» и движения талибов был учрежден СБ ООН 15 октября 1999 г. после принятия резолюции 1267 в целях надзора за осуществлением решений, принятых СБ ООН в отношении названных комитетом лиц, режим санкций был установлен на основании резолюций СБ -1333 (2002 г.), 1390 (2004 г.),

1617 (2005 г.), 1730 (2006 г.), 1735 (2006 г.), 1822 (2008 г.), 1904 (2009 г.). Резолюции обязывают государства заморозить денежные средства и другие финансовые активы или экономические ресурсы лиц и организаций, связанных с движением «Талибан», «Аль-Каидой» и У. бен Ладеном, предотвращать их въезд на свою территорию и транзит через нее, а также прямую или косвенную продажу или передачу им оружия, военного имущества, техническое консультирование, оказание помощи и обучение, связанное с военной деятельностью. На июнь 2010 г. в списке названы 137 физических лиц, связанных с аль-Каидой.

³³ The Christian Science Monitor, 16.12.2010.

³⁴ The New York Times, 16.10.2010.

³⁵ The Christian @Science Monitor, 16.12.2010

³⁶ Нидерланды в августе 2010 г. приступили к сворачиванию своего воинского присутствия в Афганистане. Аналогичные действия, как свидетельствуют материалы ноябрьского 2010 г. саммита в Лиссабоне, намерены в 2011 г. предпринять Канада и Германия. Наиболее близкой США позиции придерживается Великобритания – начальник Генштаба генерал Д. Ричардс пока отклонил возможности сокращения численности британского контингента ранее 2012 г. (The Sun, 08.11.2010). Таким образом, Лондон не обозначил своего решения об окончательной дате начала вывода своих войск и не упомянул 2014 г., как это сделали США.

АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Афганский вектор объективно остается ключевым в ряду угроз безопасности для Центральной Азии (ЦА). Но проблема заключается не в намерении талибов распространить зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики: их население этнически чуждо талибам, являющимся в массе своей пуштунами, и талибы не могут рассчитывать в ЦА на понимание и поддержку. Основным вызов для центральноазиатских светских режимов представляют немногочисленные и не чуждые экстремистским установкам оппозиционные группировки (Исламское движение Узбекистана – ИДУ, Акрамийя, Хизбут-Тахрир и др.), сторонники которых частично укрылись на территории Афганистана. Их деятельность вызывает озабоченность Узбекистана, Таджикистана и Киргизии – государств, представленных в беспокойной Ферганской долине, где традиционно находили прибежище распространенные в регионе религиозно-политические движения.

Вместе с тем их влияние в государствах ЦА обусловлено в значительной мере внутренними серьезными социально-экономическими проблемами – массовой нищетой, высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи, растущими социальными диспропорциями и углубляющимся разрывом в доходах населения. Но, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что активизация военного фактора в Афганистане и соседнем Пакистане чревата вытеснением из этих стран этнических узбеков и таджиков, которые в массовом порядке станут возвращаться на родину – в центральноазиатские республики, что может подтолкнуть участников местных религиозно-политических движений сомкнуться с вооруженными выходцами из Афганистана. В свою очередь отдельные вооруженные столкновения способны приобрести характер партизанской войны, хорошо знакомой по опыту гражданской междоусобицы первой половины 1990-х годов в Таджикистане.

Помимо угрозы проникновения боевиков из Афганистана, опасность для ЦА, а также и для России, имеющей с государствами региона «прозрачные» границы, представляет использование территории Афганистана для наркопроизводства. Объективно иностранное военное присутствие в зоне расширенного и управляемого конфликта в Афганистане/Пакистане питает наркотрафик, существенную поддержку которому оказывают те страны ЦА (Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан), где место «нормальной» экономики уже давно грозит занять наркоэкономика. С того момента, как в Афганистане оказался международный контингент войск под управлением США/НАТО, наркотрафик из Афганистана в Центральную Азию не только не был прекращен, но и возрос. Бывший помощник руководителя Бюро по международной борьбе с наркотиками и правоохранительной деятельности Госдепартамента США Томас Швайх утверждал, что движение Талибан финансирует себя за счет наркотиков, а лояльное к США кабульское правительство удерживает власть благодаря не только натовским штыкам, но и торговле опиумом¹.

В Центральной Азии особенно после второй, 2010 года, «революции» в Киргизии усилилось понимание того, что региону грозит «афганизация», то есть возникновение ситуации, когда на фоне возрастания наркотрафика центральная власть в республиках сможет контролировать только столицы и их окрестности, а реальная власть сосредоточится у местных предводителей кланов, наркобаронов, вожakov бандформирований. Для противодействия такому варианту развития государствам региона нужны, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, проработанная стратегия ответа на вызовы и риски, чего, к сожалению, пока нигде в регионе не создано. Центральноазиатские республики за небольшим исключением (Казахстан) испытывают тяжелейший кризис в различных сферах – экономической, политической, социальной. Преодолеть его без внешней поддержки они не надеются. Не в состоянии они также справиться собственными силами с угрозами сепаратизма, преступности, наркомафии, религиозного экстремизма и прочими серьезными вызовами их национальной безопасности. Поэтому политические элиты государств постсоветской ЦА надеются получить от США в обмен на поддержку операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане то, чего они недополучили, как они счи-

тают, от России – помощи в развитии и защиты от внутренних и внешних врагов.

В свою очередь и США заинтересованы в более активном привлечении к своей стратегии в Афганистане/Пакистане инфраструктурных возможностей центральноазиатских государств. Американским планам в основном благоприятствуют настроения, царящие в ЦА: государства этого региона давно уже обнаружили живейшую готовность «выстраиваться» в рамках предложенной США новой системы координат. Причину такой покладистости государств ЦА аналитики усматривают в их «хронической восприимчивости к внешнему геополитическому воздействию», которое облегчается специфическими особенностями развития – внутренней слабостью, отсутствием собственной консолидирующей силы, этнической и религиозной пестротой, разобщенностью, перманентной междоусобицей².

В апреле 2008 года на саммите НАТО в Бухаресте была одобрена концепция «транзитного моста» через территорию России, Кавказа и стран Центральной Азии. Приглашенные тогда на заседание президенты Узбекистана и Туркменистана заявили о готовности предоставить альянсу транзитный коридор для доставки невоенных грузов в Афганистан. Москва также подписала соглашение с НАТО о транзите невоенных грузов в Афганистан. А в середине января 2009 г. руководитель Объединенного центрального командования Вооруженных сил США генерал Дэвид Петрэус посетил столицы практически всех центральноазиатских государств и сумел добиться двусторонних договоренностей об участии в «афганском транзите» почти со всеми государствами.

Для значительно увеличившейся в 2009–2011 гг. группы американско-натовских войск в Афганистане (до 150 тыс. военнослужащих) наиглавнейшую роль играет тыловое обеспечение, а с учетом очень активного использования авиации особую важность приобретают авиатопливо и горюче-смазочные материалы. Большая их часть поставлялась через Пакистан, однако уже с 2009 года этот маршрут стал крайне небезопасным из-за постоянных нападений боевиков на транспортные колонны, везущие в Афганистан необходимые для сил коалиции грузы. В этой связи акцент все больше смещается на «северный маршрут» (Северная распределительная сеть) тылового обеспечения, который пролегает через Россию, Кавказ и республики Центральной Азии. Территория ЦА важна и для

намеченного с середины 2011 года полномасштабного вывода из Афганистана иностранного воинского контингента. Поэтапный (с июля 2011 по 2014 г.) план окончания военной миссии в Афганистане был принят сначала в США, а потом был подтвержден на саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. В связи со всем этим роль ЦА как территории для транзита войск и грузов резко возрастает.

Казахстан значительно расширил границы своего участия в решении афганской проблемы, главным образом по линии стремительно развивающегося военно-политического сотрудничества с США/НАТО.

Еще в конце 2008 года сенат казахстанского парламента ратифицировал подписанные с США два меморандума, в которых говорилось о поддержке Астаной военной операции США в Афганистане и прописывались порядок и условия предоставления аэропорта Алматы в качестве запасной площадки для экстренного приземления самолетов военно-воздушных сил коалиции, ведущей боевые действия на афганской территории. Некоторые эксперты посчитали тогда, что этот аэропорт бывшей столицы республики может возместить США и НАТО потерю военного аэродрома «Карши-Ханабад» в Кашкардарьинской области Узбекистана: он использовался с 2001 по 2005 гг. как военная база США, но по требованию правительства Узбекистана перестал в этом качестве функционировать с 21 ноября 2005 г., а с 2006 г. базу начали осваивать российские войска для оперативного наращивания и развертывания вооруженных сил в Центральной Азии в связи с возвращением Узбекистана в ОДКБ.

В апреле 2009 г. руководство НАТО официально пригласило Казахстан принять участие «в миротворческой операции по восстановлению Афганистана», на что казахстанское руководство дало согласие, отправив в 2011 г. – единственным из всех государств ЦА – в Афганистан своих военнослужащих. Астана выделила также в 2010 г. 50 млн. долл. США в виде безвозмездного гранта на обучение тысячи афганских специалистов в казахстанских высших и специализированных учебных заведениях. Помимо этого, Казахстан планирует спонсировать различные проекты в Афганистане.

Касалась Афганистана и тематика казахстанско-американских переговоров на всем протяжении 2009–2010 гг. На встрече казахстанского и американского президентов 11 апреля 2010 г.

в вашингтонском Белом доме обсуждалась возможность осуществления полетов в Афганистан из США через Северный полюс и территорию Казахстана. В подписанном по итогам переговоров совместном заявлении американского и казахстанского президентов говорилось о расширении участия Казахстана в Северной сети поставок и приветствовалось заключение «нового двустороннего соглашения, позволявшего США осуществлять грузовые перевозки через территорию Казахстана»³. Президенты Казахстана и США обсудили также проблемы стратегического партнерства, обязавшись развивать двустороннее сотрудничество, цель которого – достижение ядерной безопасности и нераспространения, региональной стабильности в Центральной Азии.

В Узбекистане американское вторжение в Афганистан в конце 2001 года было изначально одобрено, поскольку Ташкент воспринимал военное решение проблемы талибов и «Аль-Каиды» сквозь призму преодоления угроз со стороны религиозной оппозиции внутри своей собственной страны. Однако поддержка США и НАТО имела для Узбекистана и обратную сторону, давшую о себе знать андижанскими событиями мая 2005 г., с одной стороны, и стремлением России уравновесить американское присутствие наращиванием военной мощи в Узбекистане и соседних странах (Киргизии и Таджикистане), с другой, что было расценено властями Узбекистана как нежелательный стратегический вызов.

Временное охлаждение отношений с Западом, произошедшее после того, как в ответ на отказ узбекского правительства начать международное расследование андижанских событий и их жестокое подавление власти ЕС ввели против Узбекистана санкции, в 2009 г. – после отмены всех этих санкций – завершилось. По нарастающей стали развиваться отношения Узбекистана не только с ЕС, но и с США. Официальный Ташкент больше не обвинял США в намерениях устроить в стране «цветную революцию». А США не слишком сильно подвергали критике правительство Узбекистана и его президента по столь болезненной для них проблеме, как права человека. И Узбекистан в долгу не остался.

В феврале 2009 г. через его территорию была разрешена наземная доставка невоенных грузов США для действующего в Афганистане контингента. Узбекистан стал ключевым узлом в Северной сети распределения грузов, и к концу 2010 г. через

территорию республики, согласно утверждениям американских должностных лиц, провозилось 98% всех грузов, направлявшихся через ЦА в Афганистан⁴.

С НАТО правительством Узбекистана было подписано соглашение об обеспечении транзита через узбекскую территорию материальных ресурсов альянса в пограничный узел Термез – Хайратон. В апреле 2008 года президент И. Каримов принял участие в саммите НАТО/Совет Североатлантического партнерства в Бухаресте, на котором выступил с инициативой по формированию контактной группы «6+3» по Афганистану в составе Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Пакистана, Китая, Ирана, с одной стороны, и США, России и НАТО – с другой.

Обращает на себя в этой связи внимание расширившееся участие Узбекистана в американских проектах (самый известный из них – проект Большой Центральной Азии), нацеливающих центральноазиатские государства, их энергоресурсы, электроэнергию, транспортные мощности на Афганистан и государства Южной Азии. Так, Узбекистан стал поставлять электроэнергию в северные регионы Афганистана и Кабул. Начиная с 2010 года ее объем увеличился в 6 раз по сравнению с предыдущими годами. Государственная компания Узбекистана «Узбекские железные дороги» и министерство общественных работ Афганистана заключили контракт на строительство железной дороги на севере Афганистана на участке Хайратон – Мазари-Шариф. Было также принято решение о реконструкции железнодорожного перегона Термез – Хайратон и строительстве грузового терминала в Мазари-Шарифе. Узбекистан, таким образом, вплотную приблизился к осуществлению своего давнего замысла – созданию трансафганского коридора для выхода через Мазари-Шариф, Герат и Кандагар к международным морским портам Ирана и Пакистана. При этом Узбекистан уклоняется от сотрудничества с Таджикистаном в вопросах борьбы с наркотрафиком и охраны границ. Не очень активно поддерживает он инициативы России/ОДКБ по Афганистану, что в целом негативно сказывается на попытках выработать консолидированную позицию государств региона по афганской проблеме.

Вместе с тем демонстративный отказ Узбекистана считаться с интересами соседей, а также в известном смысле и России может в перспективе стать причиной международной

изоляции республики в ЦА. В этом случае, а также в виду ухода США из Афганистана Узбекистан может оказаться один на один с группой серьезных вызовов, главным среди которых является социально-экономический кризис, усугубляемый активизацией исламистских движений.

Туркменистан традиционно использует приданный ему ООН в 1995 г. статус нейтрального государства в основном для изоляции населения от внешнего мира. Одновременно с этим политика нейтралитета облегчает уход от российского влияния, открывая перед туркменской дипломатией возможности для дополнительного маневра между крупными мировыми державами, что важно в условиях крайне нестабильного регионального соседства.

Взяв курс на дистанцирование и от России и от СНГ, Туркменистан не сделал пока заметного выбора в пользу Запада. Туркменистан дал согласие на усиление с 2002 г. сотрудничества с Пентагоном, разрешив американской авиации использовать аэропорт «Ашхабад» для заправки транспортной авиации. Но правительство республики уклонялось от предложения США передать им в аренду авиабазу в Мары – крупнейшую в составе бывших ВВС СССР. Единственно, на что пошел Ашхабад, так это на предоставление в феврале 2009 г. территории Туркменистана для транзита невоенных грузов до афганской границы. Есть и экономическая заинтересованность Туркменистана в оказании помощи контингенту США, воюющему в Афганистане: американское правительство и его представители освобождены от уплаты налогов за топливо, которое они закупают в Туркменистане на военные цели, что (как наглядно продемонстрировали расследования по деятельности компаний, осуществлявших заправку топливом американских самолетов в Манасе) не исключает использования «серых схем».

В чем реально заинтересован Туркменистан – так это в прокладке через Афганистан трансазиатского газопровода ТАПИ (по заглавным буквам участвующих в проекте стран – Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Индии), посредством которого, начиная с 2015 года, туркменский природный газ Ашхабад планирует вывести на рынки стран Южной Азии.

Киргизстан (Кыргызстан), так и не вышедший после двух «революций» – 2005 и 2010 гг. – из полосы политических пертурбаций, весьма преуспел в следовании политике «многовекторности», предоставив территорию своего государства для

военного базирования как США/НАТО (авиабаза в Манасе), так и России/ОДКБ (авиабаза в городе Кант).

Киргизстан рассматривается как важное звено американской стратегии в регионе. Это связано с выгодным географическим расположением республики, которая открывает дорогу к двум потенциальным «горячим точкам», в управлении которыми США заинтересованы — китайскому Синьцзяну и Ферганской долине. А хроническая политическая нестабильность и корыстолюбие правящих элит Кыргызстана до недавнего времени позволяли легко манипулировать и его правительством, и оппозицией.

С 2009 г. «Манас» функционирует под новой вывеской — Центр транзитных перевозок (ЦТП). При этом подразделения Франции и Испании, также базировавшиеся в «Манасе», в октябре 2009 г. были вынуждены покинуть базу, так как договориться с правительством Кыргызстана о продлении договора им не удалось. С Россией еще в период нахождения на президентском посту К. Бакиева была достигнута договоренность о создании в Оше сроком на 49 лет и с правом пролонгации военной базы Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. КСОР, как предполагалось, должны были стать, наряду с ОДКБ и ШОС, важной компонентой безопасности Центральной Азии. К этому решению Кыргызстан могли подтолкнуть также непрерывные угрозы со стороны Узбекистана, который обвинял власти соседней республики в слабом пограничном контроле, позволявшем проникать на территорию Узбекистана экстремистским элементам, и в том, что киргизские водно-энергетические проекты подрывали, с точки зрения официального Ташкента, экологию и сельское хозяйство Узбекистана. Договоренность о новой базе была достигнута в ходе визита президента России Д.А. Медведева в Бишкек 1 августа 2009 г.

8 марта 2010 года появилась информация о том, что США намерены построить в Киргизии антитеррористический центр, стоимость которого оценивалась в 5,5 млн. долл. Этот шаг Вашингтона свидетельствовал о намерении расширить свое военное влияние не только в этой республике, но и во всей Центральной Азии. Администрация Барака Обамы давала также понять, что несмотря на все трудности, связанные с ходом военной операции в Афганистане, она не только намерена сохранить присутствие в регионе ЦА, но и планирует последовательно укреплять здесь свои позиции. Представи-

тель посольства Соединенных Штатов отметил, что создаваемый в Киргизии антитеррористический учебный центр – «часть более широкого сотрудничества США и Киргизии в сфере безопасности». Речь шла о построенном ранее США Военном госпитале в селе Беш-Кунгей около Бишкека и об открытом ими в октябре 2009 г. учебном комплексе для сил специального назначения («Скорпион») в городе Токмак (Чуйская область), где киргизский спецназ стали обучать американские военные инструкторы⁵.

9 сентября 2010 г. Госдепартамент США подтвердил, что договор об аренде Центра транзитных перевозок продлен еще на год, в связи с чем американская сторона обязалась выплачивать за это новым властям Киргизии ежегодно по 60 млн. долл.⁶ В дополнение к этому 22 сентября посольство США в Кыргызстане объявило об открытии в Оше Временного центра координации помощи (Temporary Assistance Coordination Unit – TACU). Переговоры с Москвой относительно новой военной базы в Оше отложены, по всей видимости, на более поздний период.

Таджикистан также стал важным транспортным коридором для снабжения войск коалиции в Афганистане.

В марте 2009 г. на встрече глав военных ведомств центральноазиатских республик с руководством Центрального командования вооруженными силами США в центральном регионе (United States Central Command – USCENTCOM) представитель Таджикистана заявил о готовности своей республики укреплять границы с Афганистаном, бороться с наркотрафиком, создавать базы и опорные пункты на случай вторжения исламистов. После этого западная военная помощь Душанбе существенно возросла. Однако попытки американской администрации и Пентагона добиться от президента Таджикистана согласия на создание в республике военной базы США пока успехом не увенчались. Ведутся также переговоры о размещении в республике центра НАТО по борьбе с терроризмом, который американские и натовские военные хотели бы видеть на отстроенной индийцами авиабазе Айни близ города Гиссар, находящегося в 25 км от Душанбе. К этому военному объекту, правда, давно проявляют интерес и российские ВВС: их таджикские власти еще в 2004 г. обещали впустить на аэродром, но пока этот вопрос находится в стадии рассмотрения.

По мере приближения афганской кампании к эндшпилю участились заявления американских политиков о растущей «исламистской» угрозе Таджикистану, хотя известно, что она во многом является производной от других, внутренних по большей части, проблем. Однако у США появляется хороший предлог, чтобы, предложив свои услуги защитить республику от этой угрозы, утвердиться здесь. 24 сентября 2010 г. посол США в Душанбе Кен Гросс сообщил, что американцы инвестируют 10 млн. долл. в строительство в Таджикистане Национального тренировочного центра вооруженных сил. Центр, который будет иметь статус базы, предположительно появится около города Турсунзаде уже в 2011 году. В целом же встречные шаги Душанбе к расширению военного сотрудничества с США и НАТО обусловлены не столько сменой внешнеполитических приоритетов, сколько поисками новых источников финансовых поступлений, помимо тех, что идут в страну от работающих в России мигрантов.

Между тем для всех центральноазиатских республик, не только Таджикистана, значимость приобретает прямая экономическая выгода от предоставляемых силам коалиции военных объектов и транзита, а также перспектива участия вместе с Афганистаном в экономических и энергетических проектах.

Афганистан, выгодно расположенный между Восточной Азией, с одной стороны, Южной и Центральной Азией, с другой, и Средним Востоком, с третьей, играет едва ли не центральную роль в жизни этих столь различающихся между собой регионов. Так, именно через Афганистан в условиях географической замкнутости Центральной Азии легче всего прокладывать магистральные трубопроводы для доставки энергоносителей в Южную Азию. Неудивительно, что с середины 1990-х годов неоднократно предпринимались попытки дать жизнь проекту ТАПИ. Мощность этого газопровода, который по территории Афганистана и Пакистана дойдет до населенного пункта Фазилка на границе с Индией, составит 33 млрд. куб. м газа в год. Из них по 14 млрд. куб. м будут закупать Пакистан и Индия, а 5 млрд. куб. м пойдут на нужды Афганистана. Строительство трубопровода предполагается начать в 2012 г., завершив его к концу 2014 г. Инвестиции в сооружение газовой магистрали длиной 1735 км оцениваются в 7,6 млрд. долл. США⁷.

11 декабря 2010 г. в Ашхабаде состоялся саммит руководителей стран-участниц энергетического проекта ТАПИ, в ко-

тором участвовал и президент Азиатского банка развития Харукико Курода (Haruhiko Kuroda). Итогом встречи стало подписание двух важных межправительственных документов, открывающих путь к практической реализации проекта ТАПИ – межправительственного соглашения о реализации проекта газопровода и рамочного соглашения о газопровode, которое подписали отраслевые министры четырех стран.

Очевидна заинтересованность в этом амбициозном проекте Туркменистана, который рассматривает ТАПИ в качестве одного из важнейших элементов своей энергетической стратегии, предусматривающей диверсификацию экспорта энергоносителей на мировые рынки. Стимулируют ТАПИ и растущие потребности в природном газе Индии (ее спрос на энергоресурсы ежегодно возрастает на 10%), а также Пакистана, остро нуждающегося в предотвращении энергетического коллапса.

Заинтересованность в ТАПИ проявляют как США, так и Россия, преследующие при этом, однако, диаметрально противоположные цели. Для США ТАПИ – это очередной альтернативный энергетический маршрут из Центральной Азии, который пойдет в обход российской трубопроводной сети и объективно снизит влияние Москвы в регионе. Для российских газовых компаний – это возможность географически расширить рынки сбыта своей продукции путем подключения к данному проекту.

Свидетельством растущего интереса России к ТАПИ стала встреча премьер-министра РФ Владимира Путина с его пакистанским коллегой Юсуфом Резой Гилани 25 ноября 2010 г. в Душанбе, где проходил девятый совет глав правительств Шанхайской организации сотрудничества. На встрече обсуждалась в числе других вопросов возможность участия Газпрома и его дочерних компаний в создании газопровода ТАПИ. В Ашхабаде к этому относятся неоднозначно: так, по завершении визита в Туркменистан в октябре 2010 г. МИД Туркмении недвусмысленно высказался против участия Газпрома в проекте.

В целом же, поскольку перспективы урегулирования ситуации в Афганистане весьма туманны, проект ТАПИ если и реализуется, то только в отдаленном будущем, когда будет восстановлена практически полностью уничтоженная инфраструктура Афганистана, инициирована его форсированная модернизация, что обеспечит стране стабильность и экономическое процветание. Эти неблагоприятные на сегодняшний день

факторы не мешают центральноазиатским государствам рассматривать и другие сферы, в которых возможно развивать в будущем сотрудничество с Афганистаном.

Так, министерством железнодорожного транспорта Туркменистана и министерством общественных работ Афганистана обсуждены вопросы, связанные с реализацией проекта по созданию новой железнодорожной магистрали Атамырат – Имам-назар, которая свяжет Туркменистан и Афганистан (в населенном пункте Акина). Представители афганской делегации предложили туркменским специалистам принять участие в разработке технико-экономического обоснования и строительстве афганского участка железнодорожной магистрали⁸.

В августе 2008 г. было подписано соглашение об участии Афганистана, Пакистана, Таджикистана и Киргизии в проекте по поставкам электроэнергии из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан. Из 1300 МВт предполагаемых поставок 300 получит Афганистан и 1000 – Пакистан. Министр водных ресурсов и энергетики Пакистана Раджа Первез Ашраф сообщил, что этот многосторонний проект будет завершен в 2013 году. А недавно к нему присоединились и российские энергетики. Имеются и планы развития в Южной и Центральной Азии железнодорожных и транспортных сетей, которые позволят восстановить старые торговые пути, существовавшие с незапамятных времен. Речь, в частности, идет о проекте, который предполагается осуществить в четырехстороннем формате в составе России, Афганистана, Пакистана и Таджикистана. Предлагаемыми к строительству 1340-километровыми автомобильной и железнодорожной линиями намечено соединить пакистанский Читрал с Душанбе. Маршрут планируется проложить через перевал Дора в Афганистане. Россия вынашивает также идею создания автомобильного и железнодорожного сообщения между Исламабадом, Душанбе и Ферганской долиной. Эта транспортная линия может открыть России выход к пакистанским портам, а Пакистан взамен получит автомобильный и железнодорожный доступ к рынкам Центральной Азии и Сибири.

Обращает на себя внимание и то, что встречи президентов Таджикистана, Пакистана, Афганистана и России приобрели регулярный характер. Первая такая встреча прошла в июле 2009 г. в Душанбе, вторая – в Сочи 18 августа 2010 г., третья намечено снова провести в Душанбе. Эти встречи, несомненно, имеют важное значение с точки зрения поддержания безо-

пасности, придания на базе такого четырехстороннего взаимодействия нового импульса социально-экономическому развитию регионов Южной и Центральной Азии. Примечательно, что эта новая региональная инициатива обходит стороной двух ключевых игроков ЦА – Казахстан и Узбекистан, и в то же время привязывает к ней уязвимое с точки зрения безопасности, но очень важное звено – Таджикистан. Так, в совместной декларации, подписанной президентами России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана в Сочи, говорится о том, что их страны будут участвовать в "строительстве железных и автомобильных дорог", чтобы "Таджикистан получил выход к морю через пакистанские порты". Договорившись о "создании региональной сети электроснабжения", Пакистан, Афганистан и Таджикистан подчеркнули важность "скорейшей реализации проекта создания линии электропередачи Центральная Азия – Южная Азия (CASA-1000) и центральноазиатско-южноазиатского энергетического рынка"⁹.

Подведем некоторые итоги.

1) Хотя в ЦА параллельно действуют военные структуры, финансируемые и организованные Россией, с одной стороны, и США и НАТО, с другой, ни те ни другие не смогли смягчить идущих в ЦА внешних вызовов и угроз – наркотрафика, трансграничной преступности, терроризма, религиозного экстремизма.

2) Получившее новый стимул после 2001 г. военнополитическое «освоение» Соединенными Штатами/НАТО Центральной Азии едва ли отвечает российским интересам, разумеется, если они и дальше будут связаны с присутствием в ЦА. Ведь по существу, не сделав ничего конкретного в плане ответственности за стабильность в ЦА, США поменяли схему поддержания безопасности в этом регионе путем создания там своего рода геополитического противовеса структурам безопасности СНГ, а также и ШОС. В свою очередь «Северный маршрут» создает предпосылки для еще более расширенного присутствия США/НАТО в ЦА. Это присутствие, которое при благоприятном для Запада стечении обстоятельств будет расширяться, объективно укрепит его геополитические позиции в регионе, сделает центральноазиатские страны зависимыми от НАТО. Попутно такое военное присутствие позволит западным странам плотнее контролировать Россию, Иран, Китай, который рассматривается как главный

геополитический соперник Вашингтона и Брюсселя на Евразийском континенте. Таким образом, американо-натовское присутствие в ЦАР под «зонтиком» военной операции в Афганистане уже создало для России риск утраты своего стратегического преимущества, выдавливания государств ЦА вместе со всеми их углеводородами из сферы влияния России, что идет в ущерб ее интересам. А ведь восточное, азиатское направление российской внешней политики – вне зависимости от его нынешнего реального состояния – является не менее значимым и важным, нежели европейский тренд, прежде всего с точки зрения перспектив развития новой России.

3) Россия за время непродолжительной «передышки», которая совпадет с уходом сил многонациональной коалиции из Афганистана, должна будет подготовиться к тому, что ей придется взять на себя дополнительные и в значительной мере усложнившиеся обязательства по обеспечению безопасности ЦА. Это ей потребуются и для того, чтобы, во-первых, сделать безопасным свое собственное развитие, потому что отгородиться от центральноазиатских проблем при всем желании России не удастся. Во-вторых, России это нужно для того, чтобы не быть потесненной с позиций, на которых ей удалось утвердиться в период снижения накала американо-российского соперничества, вызванного отвлечением США на решение более неотложных, нежели центральноазиатские, проблем. Учитывая это, Москве имеет смысл активизировать «точечное» военно-политическое и экономическое сотрудничество со странами региона, вдохнуть новую жизнь в далеко еще не исчерпавшие свой потенциал организации – ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, инициировать сотрудничество с региональными и международными силами с целью отражения действующих и потенциальных вызовов и угроз.

4) Даже в случае возвращения талибов к власти полномасштабной войны между Афганистаном и республиками Центральной Азии не предвидится. Не произойдет и коллапса в регионе после вывода из Афганистана сил коалиции, поскольку именно иностранные войска являются здесь главным фактором политической нестабильности. В более широком контексте наличие иностранных войск или их отсутствие не влияют коренным образом на стабильность центральноазиатских государств, потому что главные угрозы и вызовы их безопасности имеют не внешний, а внутренний характер.

-
- ¹ Цит. по: *Ивашев Н.* Наркотики как оружие. – РБК Daily. 10.09.2008.
- ² *Эйвазов Дж.* Антитеррористическая кампания и новые тенденции геополитики и безопасности в региональных системах Центральной Азии и Кавказа // Центральная Азия и Кавказ, 2002, №4, с.22.
- ³ Joint Statement on the meeting between President Obama and Kazakhstan President Nazarbayev, April 11, 2010.
URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-statement-meeting-between-president-obama-and-kazakhstan-president-nazarbayev>
- ⁴ Kucera J. Central Asia: Washington to Expand Traffic on Northern Supply Route. Опубликовано 18.11 2010. Постоянный адрес:
<http://www.eurasianet.org/node/62402>
- ⁵ Матвеев А. Вашингтону приглянулась Киргизия // Военно-промышленный курьер. № 12 (238), 31.03.–06.04.2010.
- ⁶ ИТАР-ТАСС, 10.09.2010
(<http://www.itar-tass.com/level2.html?NewsID=15479496&PageNum=0>)
- ⁷ Лукин О. Новое русло газовой реки // Туркменистан. Ашхабад, 2010, № 12.
- ⁸ <http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/35741.html>
- ⁹ Kremlin's growing relationship with Islamabad. – Pakistan patriot. 27.07.2010.
URL: <http://www.pakistanpatriot.com/?p=32079>

**КИТАЙ-АФГАНИСТАН:
НОВАЯ РЕДАКЦИЯ СТАРОЙ ИГРЫ?**

Сегодня, как и всегда, Китай и Афганистан связывают добрые, дружественные отношения – «долгосрочное добрососедство, основанное на пяти принципах мирного сосуществования», и «традиционная дружба между двумя народами»; «Китай твердо поддерживает усилия Афганистана по защите своей независимости и мира»¹. Президент Афганистана Х. Карзай регулярно посещает Китай, который в январе 2002 года стал первой страной, где он побывал в качестве главы Переходной администрации. В июне 2006 года лидеры двух государств подписали в Пекине Договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между КНР и ИРА. В августе 2008 года Х. Карзай участвовал в церемонии открытия летних Олимпийских игр в Пекине. Следующий официальный визит он нанес в КНР в марте 2010 года. Афганская сторона неизменно подчеркивает важную и конструктивную роль КНР в регионе, благодарит Китай за щедрую помощь в деле мирного восстановления страны².

При этом в Пекине стараются публично не вспоминать, что еще десять с небольшим лет назад едва не пошли на признание режима талибов. Дело в том, что вскоре после захвата движением «Талибан» Кабула китайцы, продолжая признавать законное правительство Афганистана, вступили в закрытые контакты с экстремистами. В декабре 1999 года между Китаем и талибскими властями было подписано секретное соглашение о подготовке в КНР афганских летчиков. В феврале 1999 года в Кабуле побывала делегация МИД КНР, а в начале 2000 года Пекин посетил заместитель министра иностранных дел правительства талибов. Обсуждались вопросы торгово-экономического сотрудничества, проговаривалась возможность осуществления чартерных рейсов по маршрутам Урумчи-Кабул и Урумчи-Джелалабад. Это обусловило особую позицию Пекина

по введению международных санкций против талибов. Делегация КНР воздержалась при голосовании резолюции СБ ООН 1333, дав понять, что Китай не допустит международных наблюдателей на свою территорию. Во время дискуссий по Афганистану в ООН, в рамках «шанхайской пятерки» и на других международных форумах в 1999–2001 гг. китайские дипломаты пытались убедить своих коллег в целесообразности «трезво взглянуть на вещи» и перестать добиваться международной изоляции режима талибов, который, дескать, доказал свою жизнеспособность³.

В отношениях с Кабулом китайскую сторону интересовало также получение от движения «Талибан» гарантий того, что с территории Афганистана не будет исходить угроза стабильности западных районов КНР. Видимо, у Пекина были данные об участии с середины 80-х годов в отрядах афганских моджахедов уйгурских экстремистов, об их связях с Усамой бен Ладеном, а также о том, что вооружение и взрывные устройства для террористов в Синьцзяне контрабандой поставляются в КНР из Афганистана⁴.

Знали китайцы и о том, что только за годы правления талибов в террористических центрах на территории Афганистана прошли военную подготовку более 1000 китайских уйгуров, которые затем активно привлекались к участию в боевых действиях против «Северного альянса» на стороне талибов и подрывной деятельности против КНР и центральноазиатских государств⁵. Ставка была очевидной – «задобрить» экстремистов из движения «Талибан», ценой дипломатической поддержки и экономической помощи обезопасить себя от импорта терроризма.

Не вызывает сомнения, что руководство КНР координировало свою «игру» с региональным союзником Китая – Пакистаном, главным спонсором режима талибов. Именно этим – наряду с традиционной инерцией внешнеполитического механизма КНР – можно объяснить тот факт, что события 11 сентября 2001 года, заставшие Пекин врасплох, не сразу отрезвили лидеров Поднебесной. Поначалу там еще отказывались признавать, что придется смириться с новым геополитическим раскладом, питали иллюзии насчет возможности помочь пакистанцам сохранить контроль над ситуацией в Афганистане в своих руках. Накануне развертывания антитеррористической операции США против талибов Китай достаточно неуклюже выска-

зался за скорейшее начало межафганского диалога и создание в Афганистане коалиционного правительства с участием всех заинтересованных сторон, назвав это единственным путем к достижению мирного урегулирования афганской проблемы. Пекин солидаризировался с мнением Исламабада о нежелательности проведения силовых акций одним государством, поддержал пакистанскую идею создания коллективных многонациональных сил с участием мусульманских стран. В этот период Китай призывал международное сообщество не поощрять борьбу народностей, на которые опирается «Северный альянс», против титульной нации – пуштунов, большая часть которых, мол, стоит на стороне движения «Талибан».

Китайцы до последнего не могли поверить в то, что игра проиграна. Рассчитывая на сохранение у власти в Афганистане хотя бы «умеренных» талибов, накануне перехода Кабула в руки антиталибской коалиции Пекин обратился к «Северному альянсу» с призывом не вступать в оставленный сторонниками муллы Омара город, пока не будет решен вопрос об этнически сбалансированном составе нового правительства страны.

Однобокая ориентация на Пакистан и попытка решения проблемы собственной безопасности путем «сделки» с талибами не только не привели к желаемому для Китая результату, но и серьезно подорвали международный престиж страны. Объявление Вашингтоном, а вслед за ним и всем мировым сообществом войны талибам поставило Пекин в весьма затруднительное положение.

Если в части борьбы с терроризмом Китай незамедлительно и однозначно поддержал США и присоединился к антитеррористической коалиции, то в отношении операции в Афганистане им были выдвинуты многочисленные оговорки и условия. Они включали следующие требования: решение о проведении военной акции должно быть принято СБ ООН; операция должна проводиться в соответствии с Уставом ООН и общепризнанными нормами международного права; в случае проведения военной операции силами НАТО альянс должен проконсультироваться с неевропейскими государствами, чьи интересы будут при этом затронуты; для осуществления силовых действий необходимы четкие и недвусмысленные доказательства террористической деятельности и конкретные цели для акций возмездия; при проведении антитеррористической операции следует избегать жертв среди мирного населения; дей-

ствия по борьбе с терроризмом не должны вести к дестабилизации международной обстановки, к возникновению гуманитарных кризисов; произвольное расширение рамок антитеррористической операции недопустимо; нельзя отождествлять терроризм с какой-либо религией или культурой, с определенным государством или народом; борьба с терроризмом должна носить комплексный характер, не ограничиваясь лишь военными средствами, следует вскрывать и устранять коренные причины терроризма как явления; нельзя допускать двойных стандартов, все участники антитеррористической коалиции должны поддерживать усилия друг друга по искоренению терроризма и сепаратизма; ввод войск в Афганистан не должен вести к закреплению там на длительный срок военного присутствия США.

Такая позиция дала основание западным СМИ усомниться в последовательности и искренности политики Пекина, которая на фоне однозначной поддержки антиталибской кампании большинством членов международного сообщества и впрямь выглядела двусмысленной. Не принесла она особых внешнеполитических дивидендов и самому Китаю, так как выполнения ряда условий он так и не смог добиться.

Наладив взаимодействие с США и другими западными странами в борьбе с терроризмом, Пекин так и не предоставил американцам своих военных аэродромов, не открыл транзитный маршрут доставки грузов для нужд Международных сил содействия безопасности, не пошел на сотрудничество с НАТО. В афганской кампании против талибов и «Аль-Каиды» Китай остался в большей степени сторонним наблюдателем, нежели заинтересованным участником.

За минувшие десять лет внутри Афганистана и вокруг него произошло много событий. Многие изменилось и в китайско-афганских отношениях, которые приобрели характер устойчивого политического партнерства и экономического сотрудничества.

Двусторонние контакты на высшем и высоком уровнях поддерживаются регулярно и выглядят вполне безоблачно. Китай позитивно настроен в плане подключения Афганистана к ШОС в качестве наблюдателя, высказывается за повышение роли ШОС в деле укрепления безопасности и возрождения экономики ИРА.

Практически отношения между странами основываются на китайской экономической помощи Кабулу. В 2006 году Китай выделил Афганистану пакет финансовой помощи в размере

10 млн. долл. США, в 2007 г. – 11 млн. долл. США на развитие инфраструктуры (энергетика и водоснабжение). В 2008 году подписаны два соглашения о китайской помощи ИРА – на сумму 7 млн. долл. США на восстановительные проекты и ввозе пшеницы на 4 млн. долл. США, соглашения о торгово-экономическом и технико-экономическом сотрудничестве, об авиаперевозках, о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства. В 2010 году Кабулу выделен очередной транш помощи на сумму 24 млн. долл. США (общий объем помощи за восемь лет – 155 млн. долл.). Одновременно Пекин списывает афганские долги – уже прощено более 20 млн. долл.

При мизерном объеме взаимной торговли (около 250 млн. долл. США в 2010 г.) китайские компании медленно, но верно насыщают внутренний рынок своими товарами (китайский экспорт составляет в товарообороте более 95%). В этой ситуации китайцы, следуя своей обычной тактике, пошли на заключение соглашения о введении льготного налогообложения при импорте в КНР отдельных видов товаров афганского производства.

Внутри Афганистана работают крупные и более мелкие китайские компании. Например, национальный лидер в области информационных технологий корпорация «Хуавэй» помогает афганцам создавать цифровую телефонную сеть. При китайском содействии строятся автомобильные дороги, школы, больницы. Китай готовит у себя военные и гражданские кадры для ИРА. В Кабульском университете открыт Институт Конфуция.

Это – внешняя сторона, так сказать, «витрина» двусторонних отношений. Гораздо более важным является вопрос о стратегии Китая в регионе. Он особенно актуален в свете объявленных США планов начала вывода из Афганистана основной части контингента МССБ, а также ведущихся между правительством ИРА и Вашингтоном переговоров относительно подписания двустороннего соглашения о стратегическом партнерстве. Перспектива заключения такого соглашения, предусматривающего, судя по всему, создание постоянных американских военных баз на территории Афганистана, вызывает в Пекине серьезное беспокойство.

В этой связи ключевым является вопрос о том, насколько заинтересован Пекин в сохранении власти Х. Карзая в Афганистане. Что потеряли бы и что выиграли китайцы от возвраще-

ния к власти в Кабуле движения «Талибан», и без того контролирующего более 70% территории страны? Для ответа на эти вопросы попробуем разобраться, какие факторы определяют политику КНР в афганских делах.

Главными в политике Китая в Афганистане выступают факторы геополитического порядка. Руководство КНР нуждается в создании благоприятных внешних условий для обеспечения успешного внутреннего социально-экономического развития страны, реализации магистральной цели превращения Китая к середине текущего столетия в мощную процветающую державу. Это постулат, сформулированный еще Дэн Сяопином и остающийся «альфой и омегой» внешнеполитической стратегии КНР. В этом контексте Пекин заинтересован в дружественном окружении и рассматривает отношения с соседними странами именно через эту призму. Однако на нынешнем этапе к этой задаче добавляется еще целый ряд приоритетов, обусловленных нарастающей в эпоху глобализации конкуренцией за политическое влияние, экономическое присутствие на мировых рынках, контроль над сырьевыми ресурсами, финансовыми потоками, транспортными коммуникациями и т.п. Нестабильность в регионах по периметрам китайских границ, естественно, мешает реализации этих приоритетов. Способно ли правительство Х. Карзая обеспечить стабильность в Афганистане?

В своей оценке современной геостратегической обстановки Китай исходит из того, что основными задачами США на обозримую перспективу будут оставаться сохранение их военно-политического и экономического доминирования в мире, гарантированный доступ к ключевым источникам энергетических ресурсов и транспортным артериям. Китай рассматривается в Вашингтоне как потенциальный соперник, способный бросить вызов американской монополии, что делает сдерживание Китая одной из основ глобальной политики США. Следовательно, закрепление американцев в Афганистане воспринимается китайскими стратегами в качестве части масштабной стратегии по окружению КНР, усилий по проникновению в стратегически важный центральноазиатский регион и реализации концепции Большой Центральной Азии⁶. Правительство Х. Карзая является вынужденным союзником США в осуществлении этих планов. Вывод напрашивается сам собой: избавить Афганистан от военного присутствия США мог бы только реванш доморощен-

ных антиамериканских сил в опоре на поддержку региональных государств.

Последние десять лет КНР проводит в регионе в целом более взвешенную, чем до 2001 года, политику, которая включает в себя как поддержание тесных отношений с Пакистаном, так и выстраивание стратегического партнерства с Индией, взаимодействие с Россией в Центральной Азии, осторожное сотрудничество с Ираном. Но политика США в регионе «Аф-Пака», прежде всего их стремление диктовать свою волю Кабулу и Исламабаду, серьезно путает Китаю карты. Естественно, в Пекине хотели бы оторвать Пакистан от США, а для этого были бы готовы помочь Исламабаду удовлетворить свои региональные амбиции – восстановить бывшее влияние на Кабул, снова стать субрегиональным «гегемоном». Это позволило бы, помимо прочего, сбалансировать растущую мощь Индии (в том числе ослабить ее влияние в афганских делах) и заставить Дели больше считаться с китайскими интересами.

Другая движущая сила китайской внешней политики – экономические факторы. Афганистан – богатейшая природная кладовая, и Китай, нуждающийся в полезных ископаемых для поддержания высоких темпов своего промышленного развития, весьма в них заинтересован. В 2007 году корпорация «Китайская металлургическая группа» за 3,4 млрд. долл. США получила право на разработку в провинции Логар меднорудного месторождения «Айнак», по оценкам советских геологов, одного из крупнейших в мире. В районе рудника планируется построить электростанцию мощностью 400 мегаватт и разработать угольный разрез, проложить железнодорожную ветку для вывоза руды в КНР через Ваханский коридор, а также возвести необходимую жилищно-бытовую инфраструктуру для специалистов и рабочих (речь идет о создании 100 тыс. рабочих мест)⁷. Ожидается, что китайские инвесторы в ближайшие годы вложат в этот проект не меньше 10 млрд. долл. США⁸.

Афганистан занимает стратегическое положение между Китаем и Пакистаном, расположенным на побережье Индийского океана. Реализация крупных экономических проектов в ИРА, прокладка транспортных коммуникаций в Афганистане и Пакистане позволили бы Пекину обеспечить себе выход к арендованному Китаем пакистанскому порту Гвадар, а также качественно повысить эффективность стратегии развития «китайского Запада» – Синьцзян-Уйгурского автономного района и

западных провинций КНР⁹. Экономическая повестка дня Поднебесной требует военно-политической стабильности приграничных стран и лояльности соседей.

Складывается впечатление, что Китай стремится реализовать в Афганистане сразу две древние схемы достижения успеха – стратагемы № 14 («позаимствовать труп, чтобы вернуть душу», или стратагему возрождающегося Феникса) и № 3 («убить чужим ножом», или стратагему алиби)¹⁰. Суть и первой, и второй в общем-то проста. Для начала Пекину необходимо было восстановить свои позиции в Афганистане, придать отношениям с новыми властями в Кабуле новый «фасад», при этом продолжая продвигать свои мало изменившиеся интересы. Старое вино было налито в новые мехи, новые башмаки пошли по старой дорожке. Между тем нельзя исключать, что руками талибов Китай в духе традиционной тактики «сидящего на горе и наблюдающего за битвой двух тигров» втайне рассчитывает устранить американское присутствие в Афганистане, тем самым расчистив себе путь для осуществления комплекса многоплановых целей.

Однако пока Пекин не дает правительству Х. Карзая никаких поводов для беспокойства, продолжая оказывать ему последовательную поддержку. Состоявшийся в мае 2011 года визит в КНР министра иностранных дел ИРА З. Расула подтвердил высокий уровень взаимного доверия и приверженность сторон договоренностям о расширении китайской экономической помощи и наращивании инвестиций в афганскую экономику. Позиции Китая в Афганистане укрепляются, а умение Пекина ладить с любой властью получило новое подтверждение. Большая игра продолжается.

¹ «China's Foreign Affairs. 2004 Edition» // Department of Policy Planning, Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China, с.76

² www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t822232.htm

³ Ahmed Rashid. China Forced to Expand Role in Central Asia // *Central Asia-Caucasus Analyst*, 19.07.2000.

⁴ Ahmed Rashid. Taliban Temptation // *Far Eastern Economic Review*, 11.03.1999, vol. 162, No. 10.

⁵ Gaye Cristoffersen. Constituting the Uyghur in U.S.-China Relations: The Geopolitics of Identity Formation in the War on Terrorism, 02.09.2002, www.ccc.nps.navy.mil

⁶ Вхождение в Афганистан поможет улучшить имидж Китая // Хуаньцю шибао, 19.12.2009.

⁷ Вайнс М. Китай готов крупно вложиться в Афганистан // New York Times, 07.01.2010; Niklas Norling. The Emerging China-Afghanistan Relationship // www.cacianalyst.org; Орлов Д. Китайцы захватывают Афганистан // www.rosbalt.ru/main/2010/10/20/782205.html

⁸ www.afghanistan.ru/doc/20077.html

⁹ Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения. М. 2010, с. 55–57

¹⁰ Х. фон Зенгер. Стратегемы: о китайском искусстве жить и выживать. – М.: Прогресс, 1988, с. 57, 213.

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОБЛЕМА АФГАНСКИХ НАРКОТИКОВ

Одной из основных стратегических задач созданной в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) является поддержание и укрепление безопасности и стабильности, совместное противодействие терроризму, сепаратизму, экстремизму, а также незаконному обороту наркотиков и другим видам транснациональной преступности на широком евро-азиатском пространстве, которое географически охватывают Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан¹. Политическая целесообразность создания такого объединения была продиктована принципиальными изменениями в этой части мира после распада Советского Союза и возникшими в этой связи новыми реалиями, сопряженными с новыми угрозами и вызовами.

В этом контексте наибольшие угрозы для стабильности в регионе вызывает турбулентная и пока далекая от разрешения конфликтная ситуация в Афганистане. Фокусирование особого внимания международного сообщества на эту страну в связи с вводом в нее иностранных войск, началом антитеррористической операции и свержением режима талибов в 2001 году, сразу придало дополнительный внешнеполитический вес и ШОС, а соответственно, и дополнительный интерес к ее деятельности.

Многолетнее вооруженное противостояние в Афганистане несет в себе значительный дестабилизирующий потенциал для сопредельных районов, прежде всего Центральной Азии², а растущая неделимость европейской, евро-атлантической и евразийской безопасности выводит афганскую проблематику на передний план общемировых проблем³. Затяжной конфликт в этой стране самым негативным образом сказывается на находившейся в состоянии многолетнего кризиса экономике, а также социальной структуре этой страны, что создало дополнительные благоприятные условия для фактического обеспечения «открытого неба» многочисленным террористическим

структурам, как региональным, так и международным во главе с «Аль-Каидой». Слабость нового правительства Кабула обусловила и сохранение, а впоследствии и новый взлет индустрии нелегального производства и распространения наркотиков в качестве одной из основных материальных составляющих подрывной и террористической деятельности антиправительственных сил. Ранее доходы от производства наркотиков были одной из основных составляющих финансовой платформы режима талибов и тесно связанных с ним международных террористических структур, включая «Аль-Каиду». К рубежу 2000 года в стране производилось до трех четвертей всего мирового опиума. Однако летом того же года талибы, находясь под жестким международным давлением, но остро нуждаясь во внешней гуманитарной помощи, были вынуждены ввести контроль за посевами опийного мака и индийской конопли – коннабиса⁴.

Противодействие распространению наркотиков с территории Афганистана в ближайшей и среднесрочной перспективе останется в ряду важнейших приоритетов ШОС⁵. Пристальное внимание к этой проблеме со стороны государств – ее членов как на национальном, так и на коллективном уровне обусловлено прежде всего тем, что именно геополитическое пространство Организации испытывает особое давление со стороны нелегального наркотрафика и тесно завязанных на него международного криминала и организованной преступности. Территория ШОС не только стала основным транзитным маршрутом, но и все более расширяющимся рынком распространения и потребления наркотиков афганского происхождения. Наркобизнес, оказывая активную финансовую подпитку оппозиционным правительству ИРА⁶ силам, способен играть такую же деструктивную роль в соседних регионах к северу от Афганистана, превращаясь в серьезную угрозу для стабильности и национальной безопасности расположенных в этом ареале государств – членов Шанхайской организации сотрудничества⁷.

Усугубляющейся проблемой для национальной безопасности стран ШОС становится и растущая наркозависимость некоторых слоев их населения, особенно молодежи. Наибольшее давление со стороны нелегального наркотрафика из Афганистана испытывает Россия, которая в последние годы занимает первое место в мире по уровню потребления наркотиков. Если от их употребления в мире ежегодно погибают до 100 тыс. человек, то почти треть из них – в России. На территорию страны

ежегодно нелегально ввозятся сотни тонн афганского опиума, из которых удастся задерживать не более десятой части⁸. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП), в 2009 году число наркоманов в стране составляло 2,5 млн. чел., при более 5 млн. лиц, потребляющих наркотики. Это было практически в два раза больше, чем в 2002 году⁹, т. е. до свержения режима талибов в Афганистане. Основной поток наркотиков в Россию идет через Казахстан и Чуйскую область Кыргызстана. События 2010 года обозначили хрупкость стабильности в этой стране, что делает ее дополнительно уязвимой и перед давлением со стороны нелегального наркобизнеса.

Растет потребление героина и в Китае (в 2009 году более 2 млн. чел.), и к этому же времени на его долю приходилось 13% всей контрабанды афганских наркотиков. Соответственно, на долю Узбекистана на этот же период приходилось около 3% при 130 тыс. потребителей¹⁰. По данным Международного комитета по контролю за наркотиками, общее количество героина, потребляемого в странах Центральной Азии, составляло почти 340 тонн.

По мнению некоторых аналитиков, активные меры, предпринимаемые в последнее время правительствами Ирана и Пакистана по дополнительному укреплению своих границ с Афганистаном, могут привести к тому, что нелегальные потоки контрабанды наркотиков из этой страны будут дополнительно переориентированы на северные, т.е. центральноазиатские маршруты контрабанды. На этом фоне нельзя также исключать возможность возвращения российских пограничников на таджикско-афганскую границу (о чем в конце 2010 года появились сообщения) с целью ее более плотного прикрытия от нелегального наркотрафика с юга. В этом же контексте дополнительную актуальность приобретает и договоренность между семью государствами-членами Содружества независимых государств (СНГ) о создании Центральноазиатского регионального информационного центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, большинство участников которого одновременно являются и членами ШОС¹¹.

Афганское правительство осознает глубину и серьезность всех – как внутренних, так и внешних – составляющих проблемы наркотиков в стране, их взаимосвязь и взаимоувязку. При существенном содействии мирового сообщества оно предпринимает значительные усилия по противодействию производству

и нелегальному распространению наркотических средств. Ряд международных структур, таких как УНП ООН, Евросоюз и ОБСЕ, также реализуют в стране свои проекты. Работа ведется на основе разработанной правительством Кабула Национальной антинаркотической стратегии, а также через Целевой фонд поддержки провинций страны, запретивших на своей территории опиумное производство. Деятельность властей на данном направлении и координация соответствующих международных контактов поглощаются специально созданным министерством по борьбе с наркотическими средствами. До последнего времени все усилия по борьбе с нелегальными посевами под наркотические вещества существенно ослаблялись и отсутствием соответствующего мандата у МССБ.

Стратегические задачи всех программ направлены на ликвидацию производства в стране опиума как отрасли экономики, на активное поощрение крестьян и фермеров к отказу от нелегального производства опиума, в том числе путем предоставления им соответствующих альтернатив, обеспечения доступа к кредитованию и к обработке земли, а в более широком контексте – на обеспечение в стране безопасности и правопорядка, всемерное совершенствование системы и механизмов государственного управления. В рамках этой стратегии особо выделяется значение регионального антитеррористического сотрудничества, а также усилия по сокращению спроса на наркотики в странах – потребителях¹².

Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые усилия на национальных и многосторонних уровнях, а также реализацию ряда программ по оказанию соответствующего содействия правительству Афганистана, проблема пока далека от разрешения. Наркотрафик из южного подбрюшья ШОС не только не ослабевает, но и имеет тенденцию к росту, и сегодня его объем колеблется в пределах 3 млрд. дол. Основные районы наркопроизводства в Афганистане расположены в его южных и юго-восточных, практически почти не контролируемых правительством районах (среди которых особое место занимают провинции Гильменд и Нангархар). Примечательно, что в последние годы резко увеличилась и доля северо-восточных провинций. Среди них лидирует Бадахшан¹³, имеющий непосредственный выход на такие государства – члены ШОС, как КНР и Таджикистан, а также на нестабильные районы северо-запада Пакистана.

В целом в последние годы производство опиума в Афганистане увеличилось более чем в сорок раз, составив до 90% общемирового (при режиме талибов было 75%). Если в 2001 году оно колебалось в пределах 200 тонн, то в 2008 году – около 8 тыс. тонн при пике производства в 2007 году в 8,2 тыс. тонн¹⁴. «Северный маршрут» вывоза афганских наркотиков через Центральную Азию в Россию¹⁵ является одним из наиболее мощных. При этом террористические группировки «Аль-Каида» и «Талибан», а также достаточно тесно связанные с ними оппозиционные группы из Центральной Азии не только всемерно поощряют, но и фактически открыто побуждают производство афганского героина и марихуаны, в том числе в интересах финансирования своего противостояния с правительством¹⁶.

Несмотря на некоторое временное сокращение в Афганистане общих посевов под опиумный мак¹⁷, усилия мирового сообщества в конкретном сотрудничестве с Кабулом по противодействию посевам опиумного мака до последнего времени не приносили значительных результатов. Вместе с тем о каком-либо реальном прорыве пока говорить рано. В числе основных внутренних причин такой ситуации – общая нестабильность в Афганистане, которая, несмотря на значительные усилия ООН и международной коалиции, имеет тенденцию к дальнейшему обострению. Дополнительные неопределенности в ситуации в Афганистане и вокруг него вносят и предполагаемые планы США и НАТО о постепенном, начиная с лета 2011 года, выводе иностранных войск из ИРА. Среди важнейших причин такого положения – неустойчивость государственных структур как в центре, так и в провинциях. Восстановление же разрушенной десятилетиями гражданской войны национальной экономики серьезно тормозится не только общей нестабильностью, но и конфликтом интересов различных структур и сегментов афганского общества, бюрократическими препятствиями и массовой коррупцией. Без обеспечения внутренней стабильности и форсированного решения политических и экономических аспектов урегулирования, без нахождения по ним конкретных компромиссов, с одной стороны, и без достижения практического консенсуса в действиях всех внешних сил в Афганистане – с другой, добиться перелома ситуации крайне сложно.

В числе внешних факторов афганской наркопроблемы – несовпадения либо тактические различия в подходах или, как минимум, отсутствие четкой согласованности в деятельности

международного сообщества на антинаркотическом треке ИРА¹⁸. Каждая из активно присутствующих в Афганистане внешних сил, начиная от крупных мировых держав и региональных соседей до международных и региональных структур, вырабатывает и реализует здесь собственные «повестки дня». А они далеко не всегда совпадают в масштабах и конкретной направленности. Вместе с тем постепенно наблюдается определенная тенденция к преодолению такой ситуации. Показательным примером этого может служить проведенная в ноябре 2010 года антинаркотическая операция Коалиционных сил (КС) при содействии Федеральной службы по контролю за наркотиками (ФСНН) России. Операция, которая поначалу с некоторой настороженностью была встречена властями Кабула, впоследствии получила их должную оценку¹⁹.

Юридической основой для совместных действий государств-членов ШОС в противодействии наркоугрозе и связанной с ней наркопреступности является заключенное в 2004 году Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров²⁰. Составленное с учетом как основополагающих документов самой Организации, так и соответствующих международно-правовых актов, оно определило общие правовые рамки взаимодействия «шестерки» при выработке стратегии и совместных мер антинаркотической борьбы. Конкретное сотрудничество осуществляется непосредственно между соответствующими ведомствами государств-членов. В интересах имплементации Соглашения было принято решение о регулярных совещаниях руководителей антинаркотических ведомств стран-участниц Организации.

На начальном этапе стороны концентрировали внимание прежде всего на выработке общих консолидированных подходов к имплементации Соглашения, и сотрудничество осуществлялось прежде всего через обмен информацией, опытом работы и совместную подготовку кадров. На первом совещании руководителей антинаркотических ведомств в декабре 2004 года в числе других приоритетов в борьбе с контрабандой наркотиков из Афганистана особое внимание было обращено на необходимость широкого использования операции по методу «контролируемая поставка» в целях выявления и привлечения к ответственности активных участников преступных группировок и отдельных лиц. Параллельно упор был сделан и на необ-

ходимость активизации профилактических мероприятий по оздоровлению наркоситуации в самих государствах-членах ШОС. Впереди предстоит значительная работа по созданию единого банка законодательства стран «шестерки» в сфере борьбы с наркобизнесом, в том числе для последующей разработки предложений по дальнейшей гармонизации и унификации соответствующих национальных законодательных актов.

Актуальность для стран ШОС проблематики наркотрафика из Афганистана проявляется и в неизменном присутствии этой тематики в повестке дня всех ежегодных саммитов Организации. Декларация саммита глав государств ШОС 2009 года, выразив серьезную озабоченность сложной ситуацией в Афганистане и связанными с ней общими для мирового сообщества угрозами незаконного оборота наркотиков, терроризма, трансграничной организованной преступности, призвала к расширению географии антинаркотического сотрудничества и активизации взаимодействия с государствами-наблюдателями при ШОС, Афганистаном и другими заинтересованными странами, а также региональными и международными структурами, в первую очередь с ООН и ее специализированными учреждениями²¹. Аналогичная Декларация 2010 года акцентировала внимание на бесперспективности решения проблемы Афганистана только силовыми методами, особо подчеркивала, что мир и стабильность в стране являются решающим фактором обеспечения безопасности, а также устойчивого социально-экономического развития всего региона. Значимое место занимала и констатация поддержки усилий государств-членов ШОС, принимающих участие в осуществлении проектов экономической реконструкции ИРА во взаимодействии с международными институтами и другими заинтересованными сторонами²². Все это предопределяет реальную возможность многоцелевого международного сотрудничества в Афганистане и в более широком контексте, в том числе на треке противодействия наркопроизводству и наркотрафику.

На основании решений высших органов ШОС – саммитов Глав государств и совещаний глав правительств, в разные годы рассматривались такие актуальные вопросы, как 1 – разработка предложений по формированию единого Перечня наркотических средств, подлежащих национальному контролю в государствах – членах ШОС, 2 – налаживание анализа наркоситуации и выявление ее тенденций, в том числе, для разработки

совместных мер по пресечению трафика и созданию вокруг Афганистана «антинаркотических поясов безопасности». В конкретном плане немаловажное значение имеет также задача расширения рабочих контактов и сотрудничества с соответствующими международными и региональными структурами, объединения усилий структур ШОС с такими региональными организациями, как СНГ, ОДКБ, АСЕАН, с которыми подписаны двусторонние документы о сотрудничестве. Особое внимание уделяется ООН и ее профильным структурам. Солидной основой для такого сотрудничества, придания ему системного и субстантивного характера стали Резолюция A/RES/64/183 64-й сессии ГА ООН от 23 февраля 2010 года и Совместная декларация о сотрудничестве между Секретариатами ШОС и ООН, которая была подписана весной того же года в Ташкенте.

В этих целях и исходя из поставленных на саммите 2010 года задач по углублению координации действий в интересах эффективной реализации Конвенции ШОС против терроризма и Программы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2010–2012 годы, осенью 2010 года Региональная антитеррористическая структура (ПАТС) ШОС заключила Протокол о сотрудничестве с Центральноазиатским региональным информационным координационным центром (ЦАРИКЦ). Планируется оформить аналогичный документ и с региональным отделением УНП ООН. В его основную задачу будет входить координация по противодействию использованию средств от реализации наркотиков для финансирования терроризма. В развитие этого направления деятельности ШОС ведется также работа над рамочными документами о сотрудничестве Секретариата ШОС с УНП ООН, а также Международным комитетом по контролю за наркотиками (МККН).

Немаловажное значение для сотрудничества в рамках Организации на треке противодействия незаконному обороту афганских наркотиков имело проведение в 2009 году под эгидой этой Организации специальной международной конференции. Рассмотрев эту проблему во взаимной увязке с терроризмом и организованной преступностью, она одобрила совместный с Афганистаном План действий по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью, а также совместные Заявление и Декларацию. В итоговых материалах высоко оценивались достижения правительства ИРА по сокращению производства опиумного мака,

обращалось внимание на необходимость наращивания региональных и международных усилий в этом направлении. Была отмечена также позитивная роль Международных сил содействию безопасности (МССБ) в оказании помощи Кабулу в обеспечении стабилизации в стране. Особо выделялось также, что успешная борьба с террором, производством и оборотом наркотиков требуют сочетания силовых мер и целевых социально-экономических программ. В конкретном плане были подчеркнуты необходимость активизации подготовки соответствующих афганских кадров и значение работы ЦАРИКЦ. Высказана поддержка инициативы по реализации ряда региональных экономических, прежде всего транспортных проектов, что способствовало бы большему вовлечению Афганистана в хозяйственную структуру региона. Одновременно отмечалась необходимость более тесного сотрудничества международного сообщества в оказании помощи ИРА при безусловной центральной роли ООН²³.

На проведенной по следам конференции первой встрече руководителей антинаркотических ведомств государств «шестерки» для более предметной проработки указанных вопросов была достигнута договоренность о формировании такого института, как Совещание старших должностных лиц в качестве постоянной экспертной рабочей группы. Весной 2010 года были запущены также четыре рабочие группы: по совершенствованию договорно-правовой базы сотрудничества, по правоохранительной деятельности, по контролю за прекурсорами, а также по снижению спроса на наркотики. Совещание старших должностных лиц в мае 2010 года распределило конкретные обязанности среди стран-участниц, а также рекомендовало к подписанию рамочную Антинаркотическую стратегию на 2011–2016 годы.

Планируется, что этот важный документ предусматривает согласованные подходы в сфере противодействия наркоугрозе и основные направления долговременного оперативного сотрудничества в рамках Организации, а также дополнительно нацелит стороны на расширение контактов с региональными и субрегиональными организациями. Значительное место будет предусмотрено для комплекса совместных мероприятий по сокращению оборота, а также немедицинского потребления наркотиков на территории государств – членов. Это положение представляется весьма своевременным и актуальным, поскольку совершенно очевидно, что разрешить проблему нарко-

тиков, в том числе афганского происхождения, невозможно без мер противодействия их потреблению, а также без ужесточения соответствующих внутренних законодательств. Принятие Стратегии означало бы переход сотрудничества государств – членов ШОС в сфере противодействия наркотикам, в том числе из Афганистана, на новый практический этап. Этот документ мог бы также придать дополнительный импульс антинаркотическому сотрудничеству стран ШОС и с Афганистаном, в том числе, в рамках созданной в 2005 году Контактной группы и на базе документов Московской конференции 2009 года.

Осознавая невозможность мобилизовать должный отпор наркотическим и другим вызовам без комплексного решения афганской проблемы, страны «Шанхайской шестерки» исходят из бесперспективности решения конфликта в ИРА исключительно военными средствами, выделяют необходимость решения острейших экономических и социальных проблем и вовлечение в этот процесс самих афганцев с учетом исторических и этнических особенностей страны. В ШОС подчеркивают значение дальнейшей активизации деятельности уже созданных на антинаркотическом направлении рабочих органов, отмечают актуальность продолжения разноплановых усилий по созданию эффективного механизма противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров²⁴.

Антинаркотическая стратегия ШОС нацелена на то, чтобы придать движению на этом направлении дополнительный импульс. В этом же плане представляется полезным также всемерно повышать внимание со стороны международных сил в ИРА к противодействию производства и транснационального оборота наркотиков во взаимодействии с правительством ИРА, соседними и другими заинтересованными государствами. Конечной целью этого должна быть борьба с наркоугрозой из Афганистана по всей цепочке производства и распределения наркотиков, на что обращалось особое внимание в Ташкентской Декларации глав ШОС летом 2010 года²⁵. При этом наглядно просматривается практическая сопряженность соответствующих положений Декларации и Стратегии.

Совершенно очевидно, что только совместные усилия всех вовлеченных в ИРА сил могут принести реальные плоды как для стабилизации обстановки в этой стране и перехода к мирной жизни, так и для решения проблемы наркоугрозы с ее тер-

ритории. Такие призывы все более отчетливо звучат как в официальных документах ШОС последнего времени, так и на многих представительных международных конференциях, обсуждающих весь комплекс нынешней проблематики Афганистана, включая производство и распространение наркотиков с его территории²⁶. Активная совместная линия мирового сообщества и Кабула в сфере борьбы с незаконным наркопроизводством серьезно подорвет и финансовые источники подпитки международного терроризма и героиновой агрессии, способных стать самым серьезным вызовом не только региону ШОС и всей Центральной Евразии, но и в более широком международном контексте. Серьезность такого положения нашла отражение в резолюции 1943 Совета Безопасности ООН от 13 октября 2010 года, которая квалифицировала незаконное производство, оборот и торговлю как угрозу международному миру и стабильности²⁷.

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Ст.1 Цели и задачи // Идти в ногу со временем. Избранные документы ШОС. – Пекин, 2006, с. 32.

² Su Chang. Impact of Changing Afghanistan on Central Asian Security. С. 108–113. Euro-Asian Social Developments Studies, #15 (Oct.1), 2009. The State Council of PRC. Beijing.

³ Прямая сопряженность приоритетов ШОС с задачами, которые стоят в области безопасности также и перед ОБСЕ, прослеживалась в том, что проблематика Центральной Азии и содействие решению «затяжных» конфликтов были провозглашены одним из основных приоритетов председательства Казахстана в этой Организации в 2010 году: «Сегодня понятие европейской безопасности включает в себя не только традиционную Европу и евро-атлантические связи, но также общее пространство Евразии». Программа председательства Республики Казахстан в ОБСЕ в 2010 году. www.OSCE2010.kz.

«We recognize that the OSCE, as the most inclusive and comprehensive regional security organization in the Euro-Atlantic and Eurasian area, continues to provide a unique forum, operating on the basis of consensus and the sovereign equality of States, for promoting open dialogue, preventing and settling conflicts, building mutual understanding and fostering co-operation». Astana Commemorative Declaration Towards a Security Community. OSCE Summit. Astana 2010.

⁴ The Developing Drug Situation in Afghanistan. С. 2–3. Drug Production in Afghanistan: A Challenge to International Community. International Forum Moscow, June 9–10, 2010.

⁵ См.: Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств – членов ШОС. Душанбе, 25.11.2010. www.sectesco.org

⁶ Выступление министра по борьбе с наркотическими средствами Афганистана З.А. Мокбель Усмани на Международном форуме «Афганское наркопроизводство: вызов мировому сообществу». Москва, 9–10 июня 2010, с. 5.

⁷ Beijing, Moscow join hands to fight drug trafficking // China Daily. Beijing, 25.11.2010.

⁸ Пресс-конференция директора Федеральной службы по контролю за наркотиками России В. Иванова в Пекине // China Daily. Beijing, 25.11.2010.

⁹ World Drug Report 2009. UNODC Vienna, Austria; www.rondon.org

¹⁰ Всемирный доклад о наркотиках, 2010 год. Резюме. Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). Вена. С. 15, 16.

¹¹ www.infoshos.ru

¹² Afghanistan National Development Strategy. Prioritization and Implementation Plan. mid 2010-mid 2013, Volume 1. С. 9, 42–44.

В декабре 2010 года в Москве подписан Меморандум о сотрудничестве между РФ, Афганистаном, Таджикистаном и Пакистаном о сотрудничестве в антинаркотической сфере. – www.infoshos.ru

¹³ The Developing Drug Situation in Afghanistan. Drug Production in Afghanistan: A Challenge to the International Community. International Forum. Moscow, June 9–10, 2010. С. 3, 5. В северных районах страны находятся до 500 наркотических центров и лабораторий (China Daily, 25.11.2010).

¹⁴ См. Хатаев А.Ц. Единство целей и искренность в сотрудничестве – залог успеха в борьбе с транснациональными наркотиками // Вестник Академии общественной безопасности МВД России. 2010, № 1, с. 71. ISSN 1997-1001/.

¹⁵ Более подробно о маршрутах афганского наркотрафика см: The Developing... С. 6, 97.

¹⁶ Интервью с министром по борьбе с наркотическими средствами Афганистана З.А. Мокбелем. www.afghanistan.ru

¹⁷ Если пик приходится на 2007 год – 193 тыс. га, то в 2009 году общая площадь посевов опийного мака в ИРА снизилась до 123 тыс. га.

См.: The Developing Drug Situation in Afghanistan... С. 8–9. По утверждению министра по борьбе с наркотическими средствами Афганистана З.А. Мокбеля, на сегодняшний день 20 провинций страны полностью очищены от выращивания наркотиков. – www.afghanistan.ru

¹⁸ Хатаев А. Указ. соч., с. 72.

¹⁹ Интервью с министром по борьбе с наркотическими средствами Афганистана З.А. Мокбелем. – www.afghanistan.ru

²⁰ Идти в ногу с веяниями времени. Развивать «Шанхайский дух». Избранные документы о ШОС (2). – Пекин, 2006, с. 269.

²¹ Екатеринбургская Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 16 июня 2009 г. // Идти в ногу с веяниями времени. Развивать «Шанхайский дух». Избранные документы о ШОС (111). – Пекин, 2010, с. 281–282.

²² Декларация десятого заседания Совета глав государств – членов ШОС. Ташкент 10–11 июня 2010 года. – Сайт ШОС. www.sectsco.org

²³ Декларация Специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС 27 марта 2009 года. Москва.

²⁴ Информационное сообщение о заседании Совета министров иностранных дел государств-членов ШОС 15 мая 2009 года. См.: Идти в ногу с веяниями времени, развивать «Шанхайский дух». Избранные документы о ШОС (3). – Пекин, 2010, с. 699.

²⁵ Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов ШОС. Ташкент, 10–11 июня 2010. – www.sectsco.org

²⁶ Declaration of the International Parliamentary Conference «OSCE and CIS: New opportunities and Prospects». St. Petersburg. October 28, 2010; Drug Production in Afghanistan: A Challenge to the International Community. International Forum. Moscow, June 9–10, 2010; Kabul International Conference on Afghanistan. 20 July 2010.

²⁷ [www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1943%20\(2010\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1943%20(2010))

**ИРАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В АФГАНИСТАНЕ
И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
ИРАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Иран во все исторические периоды существования Афганистана как независимого государства традиционно стремился к укреплению своего влияния в этой стране, которая рассматривалась иранцами как зона своих интересов. С этой целью Иран задействовал различные рычаги воздействия, которые позволяли в той или иной степени учитывать интересы Тегерана в соседнем Афганистане. Огромную роль в этом играло историческое прошлое, когда иранские и афганские земли находились в составе одних и тех же государственных образований, а главное – культурное иранское влияние, усиленное языковым сходством. В XX веке официальные дипломатические отношения между Ираном и Афганистаном были установлены еще в 1920 г., когда в Тегеране и Кабуле были открыты посольства обеих стран. По инициативе Афганистана иранское правительство 22 июня 1921 года подписало договор о дружбе с Афганистаном. Стороны подтвердили взаимное признание в качестве независимых государств, договорились об открытии афганского консульства в Мешхеде и согласовали вопросы, связанные с расширением торговли и взаимной выдачей преступников. Вместе с договором было подписано таможенное соглашение, ставшее первым подобным правовым актом для Афганистана. Вместе с тем договор не решил всех проблем двусторонних отношений, так как между странами оставались нерешенными многие вопросы, в т.ч. территориальные. В 1927 г. (28 ноября) был подписан договор о дружбе и безопасности и ряд последующих к нему протоколов, касавшихся главным образом территориальных споров, в урегулировании которых активно участвовала и Турция (например, Соглашение об определении границ 1934 г.). В июле 1937 г. в Тегеране Ираном, Турцией, Ираком и Афганистаном был подписан Саадабадский

пакт, получивший название Ближневосточной Антанты, который стал для Афганистана первым опытом участия в международном альянсе. Он был подписан сроком на 5 лет, содержал обязательство сторон уважать установленные границы, не вмешиваться во внутренние дела участников, не допускать на своих территориях деятельности организаций, имеющих враждебные цели по отношению к любой из стран-членов этого пакта. Хотя после начала Второй мировой войны созданный блок фактически распался, сама подготовка пакта потребовала урегулирования пограничных проблем, а после его подписания положила начало практике подписания соглашений относительно распределения между Ираном и Афганистаном вод р. Гильменд и дальнейшего урегулирования пограничных споров. В 1938 г. было утверждено Соглашение по результатам двухлетней работы пограничной комиссии, в 1939 г. подписано Соглашение по распределению вод р. Гильменд.¹ Таким образом, еще в период Реза-шаха все территориальные споры с Афганистаном были разрешены, и намечен правовой путь (через заключаемые договоры) относительно реки Гильменд, берущей начало в Афганистане. Нужно напомнить, что еще в конце XIX – начале XX века в районе этой реки работали английские комиссии, которые по-разному определяли принцип деления вод (одна из комиссий разделила 2/3 стока в пользу Ирана, другая – 2/3 в пользу Афганистана)², что делало и делает до сих пор эту проблему весьма актуальной. По соглашению 1939 г. сток вод делился пополам. После Саадабадского пакта Иран и Афганистан подписали также такие соглашения, как Почтовая конвенция (1938 г.) и Телеграфное соглашение (1939 г.).

В первое десятилетие после окончания войны внешние связи между Ираном и Афганистаном оказались фактически замороженными из-за нестабильной внутривнутриполитической ситуации в каждой из этих стран. В Иране это было связано с падением национальных автономий в Азербайджане и Курдистане, развернувшимся мощным движением за национализацию нефти, военным переворотом 1953 г., началом осуществления программы реформ «Белой революции», реализуемой в начале 60-х годов с большими трудностями. Для Афганистана главной в этот период являлась пуштунская проблема, грозившая и Ирану ростом нестабильности на его границах с Афганистаном и Пакистаном. Поэтому для Ирана в этот период в отношениях с Афганистаном основным направлением становится

(наряду с другими мусульманскими странами) участие в качестве посредника в снятии Пакистаном торговой блокады Афганистана. В 1960 г. в ситуации транзитной блокады Афганистана Пакистаном Иран подписал с Афганистаном торговое соглашение, крайне необходимое этой стране, о поставках нефтепродуктов, а также соглашение по транзиту. В 1962 г. состоялся визит в Афганистан и Пакистан иранского шаха Мохаммада Реза Пехлеви, который пытался примирить эти две стороны. Так как эта попытка не привела к отмене Пакистаном эмбарго на транзитные поставки в Афганистан, Иран в этом же году заключил с Афганистаном новое соглашение по транзиту, предоставляя льготные кредиты на оплату транзитных перевозок, а в 1963 г. Иранская национальная нефтяная компания взяла на себя обязательство поставлять ежегодно в Афганистан 33,5 тыс. т нефтепродуктов.³

В 1963 г. при посредничестве шаха вновь начались переговоры между Афганистаном и Пакистаном, которые уже не касались пуштунской проблемы. В результате были восстановлены дипломатические отношения между этими странами.⁴ Хотя в 60–70-е годы афганское направление внешней политики находилось на периферии интересов Ирана, тем не менее он всегда стремился удерживать Афганистан в зоне своего влияния. К этому времени значительно укрепившийся экономический потенциал Ирана дал ему возможность расширить в первую очередь торговые связи. С 1970/71 г. по 1974/75 г. оборот внешней торговли между Ираном и Афганистаном вырос в 2,4 раза, и, что важно для Афганистана, увеличились закупки Ираном афганских товаров – в 6,8 раза.⁵

Так как в структуре общего товарооборота преобладал иранский экспорт (без нефти), для Ирана стала расти значимость Афганистана с точки зрения рынка для своей растущей промышленности. Планы социально-экономического развития Афганистана, а также его стремление снизить зависимость от технико-финансовой помощи СССР создавали предпосылки и для более тесных кредитно-инвестиционных связей. После апрельского визита (в 1975 г.) в Иран президента Афганистана М. Дауда в Тегеране в мае того же года был подписан Меморандум о взаимопонимании, согласно которому Иран заявил о своей готовности оказать Афганистану финансовую и техническую помощь. На основании этого Меморандума в октябре 1975 г. во время официального визита в Тегеран министра

планирования Афганистана было подписано Соглашение (17 октября) о финансовой и технической помощи. По этому соглашению Иран выделял на льготных условиях кредит в 700 млн. долл. на финансирование проектов по созданию цементных, текстильных, бумажно-целлюлозных и деревообрабатывающих предприятий, а также на завершение строительства дороги до иранской границы. Кроме того, 10 млн. долл., также на льготных условиях, были выделены Ираном на создание в Афганистане экспортного банка, более 2 млн. долл. – на обустройство информационного центра.⁶ Иран также выделял кредит и оказывал техническую помощь в модернизации аэропорта в Кабуле и строительстве крупного мясокомбината (с поставками продукции в Иран). В программу Соглашения входило участие Ирана в строительстве железных дорог, плотин, сахарного завода, расширение товарооборота.

Укрепление в 1970-х годах экономического сотрудничества, участие иранского руководства в ликвидации транзитной блокады Афганистана способствовали и решению в этот период Гильмендской проблемы, которая к тому времени осложнилась строительством на р.Гильменд (на территории Афганистана) плотины и водохранилища, что затрудняло деление стока. В 1973 г. Афганистан согласился выпускать в русло реки определенное количество воды (22 куб. м/сек.) и разрешил приобретать дополнительно 4 куб. м/сек в год средней водности⁸, в 1978 г. это соглашение парламентами двух стран было ратифицировано.

К апрельской революции 1978 г. шахский режим отнесся крайне настороженно, был значительно усилен контроль за границей с Афганистаном, в том числе и для того, чтобы ограничить число беженцев. Некоторые из иранских великих аятолл также выступили против новой афганской власти. Однако и в самом Иране ситуация стала резко меняться, антишахское движение во второй половине 1978 г. стало разрастаться до общенациональных масштабов, и только после исламской революции в феврале 1979 г. руководство обеих стран стало определять параметры своих отношений. Хотя Афганистан уже 12 февраля 1979 г., т.е. на следующий день после свержения шаха, признал Временное правительство Ирана и приветствовал революцию в Иране, Тегеран лишь в мае 1979 г. заявил о том, что готов поддерживать дипломатические отношения с Афганистаном и не собирается экспортировать в эту страну

свою революцию⁹. Тем не менее Афганистан с его культурной общностью с Ираном, наличием шиитских анклавов объективно не мог не рассматриваться исламским руководством ИРИ в качестве возможного направления экспорта исламской революции. Это стало одним из факторов роста напряженности в отношениях двух государств.

Ситуация еще более резко осложнилась после ввода советских войск в Афганистан 27 декабря 1979 г. Иран отказался признать законность афганского правительства, отозвав своего посла из Кабула, и стал оказывать поддержку исламским силам в лице моджахедов, что не противоречило линии на экспорт исламской революции. Помощь оказывалась Ираном по разным направлениям. Он неоднократно обращался в международные организации с осуждением афганского режима и СССР, вступил в Постоянный комитет по решению афганской проблемы, разрабатывал планы по оказанию военной помощи моджахедам. Иранский меджлис принял закон о финансовой поддержке афганских мигрантов, численность которых только после ввода советских войск возросла на 1 млн. Кроме них в Иране оставалось также до 1 млн. трудовых мигрантов со времен шаха. Для мигрантов в Иране открывались специальные центры, из которых готовились кадры вооруженной афганской оппозиции, в первую очередь из числа шиитов, особенно хазарейцев. Основные центры афганской миграции располагались в Мешхеде, а также по границе с Гератом. Попытки ДРА нормализовать двухсторонние отношения Ираном отвергались. В 1981 г. Тегеран выдвинул свой план урегулирования, который предусматривал вывод советских войск, ввод вооруженных сил исламских государств, прежде всего Ирана и Пакистана, создание новой системы власти с участием представителей духовенства. После этого отношения с Афганистаном еще более обострились. Иран оказывал финансовую и военную поддержку моджахедам, несмотря на резкое падение экономического потенциала, связанного как с революционными потрясениями, так и восьмилетней войной с Ираком.

Окончание войны с Ираком совпало практически с выводом советских войск из Афганистана. После этого иранская политика в отношении Афганистана стала меняться в сторону сокращения военной помощи. После образования в 1992 г. Исламского Государства Афганистан Иран активизировал свои связи с ним на государственном уровне. Были установлены

в полной мере дипломатические отношения, в северных провинциях, находившихся под контролем Дустума (в Мазари-Шерифе), было открыто консульство ИРИ. В Герате структура власти, фактически отдельно от Кабула, была сформирована Исмаил-ханом, которого Тегеран поддерживал в период гражданской войны. В 1995 г. Иран в качестве президента Афганистана посетил Б. Раббани. Однако внутривнутриполитическая ситуация в Афганистане стала меняться в связи с появлением на политической арене в 1994 г. талибов, которые уже в 1995 г. захватили Герат и вынудили Исмаил-хана бежать в Иран. Туда же бежал в 1995 г. Г. Хекматъяр, а затем обосновалось и правительство Б. Раббани.

Таким образом, успехи талибов и занятие ими в 1996 г. Кабула вновь осложнили отношения двух стран. Иран занял резко негативную позицию в отношении талибов и провозглашенного ими эмирата, а после разгрома в 1998 г. иранского консульства в Мазари-Шерифе страны оказались на грани войны. Все связи между режимом талибов и ИРИ были прерваны. Иран стал оказывать помощь группировкам, продолжавшим вести борьбу с талибами, которые к 2000 г. установили контроль над большей частью территории Афганистана. После военного поражения хазарейской Партии исламского единства Афганистана иранцы стали оказывать помощь лидеру «Северного альянса» А.Ш. Масуду, а после его гибели – Объединенному фронту.¹⁰ Но одновременно Иран пытался установить нелегальные связи и с движением «Талибан», разрешив открытие неофициального представительства этого движения в начале 2000 г. в г. Торбете-Джам в Хоросане¹¹.

Новый этап во взаимоотношениях наступил в 2001 г. После военной операции 2001 г., а затем – военного свержения в 2003 г. режима Саддама Хусейна в соседнем Ираке, когда одной из главных проблем национальной безопасности Ирана стала дислокация вдоль границ значительного контингента иностранных войск, значение Афганистана для ИРИ особенно возросло. Осложнение со второй половины 2000-х гг. ситуации вокруг иранской ядерной программы, когда на повестку дня ставится вопрос о возможности военного решения иранской ядерной программы, актуализирует проблему использования для этих целей афганской территории. Кроме того, в иранской концепции национальной безопасности одним из важных ее направлений являлась борьба с наркотиками, поступающими

главным образом из Афганистана. Поэтому отношения с Афганистаном рассматриваются Ираном в настоящее время не только в контексте экономически выгодных связей, не только в контексте заявленной конституционной цели – приоритетного расширения сотрудничества с мусульманскими странами, но и в качестве проблемы собственной безопасности. Вероятно, именно поэтому в состав созданного в Иране Штаба по Афганистану входят главным образом представители силовых структур, а не экономических министерств или организаций: представители рахбара, МИД, министерства информации (разведки), министерства обороны, МВД, КСИР.

Иран, осудив террористические акты 11 сентября, признал необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Это было сделано не только на государственном, но и на религиозном уровне – через общие пятничные намазы, через заявления высших шиитских улемов. Конечно, антиталибская операция США объективно отвечала интересам Ирана. Еще перед началом военных действий Иран дал согласие на размещение вблизи своих границ с Афганистаном гуманитарной помощи, а уже в ходе операции – на размещение лагерей беженцев на своей территории. Были открыты воздушные коридоры для транспортных самолетов, поставляющих гуманитарные грузы. Один из первых гуманитарных грузов для Афганистана был отправлен в Герат, и его сопровождала группа иранских сотрудников. Иран полагал, что занятая им позиция поможет сохранить его влияние на развитие политической ситуации в Афганистане. При этом очевидная заинтересованность Ирана в ликвидации талибского режима была уравновешена официальным осуждением военной операции как до, так и после начала ее проведения, заявлениями о необходимости проведения антитеррористической акции под эгидой ООН. Иран не дал согласия на использование своего воздушного пространства и аэродромов для нанесения воздушных ударов США по Афганистану, своей территории для размещения наземных войсковых соединений. На чрезвычайной сессии ОИК Ираном была высказана резко негативная позиция по отношению к военным операциям в Афганистане.

После свержения режима талибов Тегеран активизировал свою деятельность по вопросам внутривнутриполитического урегулирования и по оказанию экономической помощи в восстановлении хозяйства.

Иран поддержал создание Временной администрации во главе с Х. Карзаем, участвовал в выработке Боннских соглашений в конце 2001 г. На Токийской конференции по Афганистану в январе 2002 г. ИРИ заявила о своей готовности оказать финансовую помощь в решении афганских проблем. Однако интересы нового афганского руководства и Ирана не совсем совпадали. Большая часть иранской помощи в начале 2000-х годов шла Герату (Исмаил-хану) и хазарейцам, что не содействовало укреплению власти центра и стимулировало развитие сепаратистских тенденций. Кроме того, в Иране находился Хекматъяр, лидер Исламской партии Афганистана, выступавший против присутствия иностранных сил в своей стране, а следовательно, против курса Х. Карзая. Политические противоречия между странами вновь стали нарастать. В этой ситуации Иран сделал выбор в пользу сохранения единства Афганистана и поддержки Х. Карзая. Иранская помощь Афганистану стала распределяться более равномерно, в Тегеране и Мешхеде были закрыты представительства Исламской партии Афганистана, а сам Хекматъяр был выслан из Ирана. В феврале 2002 г. ИРИ посетил Х. Карзай, в августе 2002 г. в Афганистан с официальным визитом прибыл президент Ирана М. Хатами. Странам удалось преодолеть наметившееся снижение уровня отношений. В январе 2005 г. состоялся визит в Тегеран высокопоставленной афганской делегации во главе с Х. Карзаем, по итогам которого были подписаны три соглашения. Одно из них касалось открытия дороги Догарун–Герат, другое – участия Ирана в энергетике Афганистана, третье – об обустройстве пограничных постов¹².

После избрания президентом Ирана Махмуда Ахмадинежада (с 2005 г.) афганскому направлению иранской политики стало уделяться гораздо большее внимание, чем раньше, особенно по мере осложнения отношений Ирана с США и странами НАТО из-за иранской ядерной программы. Постоянными стали встречи президентов двух стран, обмен делегациями на самых разных уровнях. Отношения с Афганистаном в настоящее время Иран выстраивает по всем направлениям, он реализует свои интересы и связи с Афганистаном как на двусторонней основе, так и в рамках региональных организаций и международных проектов, особенно в области проектов донорской и экономической помощи.

На Токийской конференции по Афганистану Тегеран заявил о выделении в качестве помощи 560 млн. долл. на 5 лет.

В 2001/2–2002/3 гг. им было выделено 382 млн. долл., в 2003/4–2008/9 гг. – 154 млн. долл.¹³ Свои обязательства Иран в основном выполнил. В 2009/10 г. на его долю сумма официальной донорской помощи была определена всего в 1,5 млн. долл. (из 5 млрд. долл.), которые до конца года так и не были освоены.¹⁴ Помимо официальной помощи ИРИ выделяет и дополнительные суммы афганскому правительству. Так, во время визита в Афганистан иранского президента М. Ахмадинежада в декабре 2010 г. Х. Карзай признался, что в течение длительного времени Кабул негласно получал от Тегерана значительные суммы на «административные расходы» канцелярии президента¹⁵.

Значение Ирана в восстановлении и развитии Афганистана проявляется не в выделении донорской помощи, она по сравнению с другими источниками не столь значительна, а в направленности ее распределения, в реализации конкретных экономических проектов. С самого начала восстановительного периода Иран стал направлять свои средства не столько на гуманитарные операции, как другие страны, сколько на развитие промышленности, сельского хозяйства, инфраструктурных отраслей, в первую очередь в западных провинциях (Герат, Фарах и Нимруз).

С начала 2000-х годов Иран и Афганистан начали разрабатывать проект создания совместной комиссии по экономическому сотрудничеству, а также совместной торговой палаты. В 2004 г. все вопросы были окончательно согласованы. Достигнуто соглашение об установлении межбанковских связей, пересмотре тарифов в торговле между двумя странами, о режиме работы таможенных терминалов на ирано-афганской границе, предоставлении льгот с целью привлечения инвестиций иранского частного сектора в экономику Афганистана. С марта 2005 г. сессии этой комиссии, которая возглавляется министрами финансов обеих стран, проходят регулярно. В ноябре 2010 г. состоялась 3-я сессия комиссии. Начиная с 2003 г. в Кабуле регулярно стали проводиться иранские торгово-промышленные выставки, и соответствующие выставки были организованы в Тегеране.

Ведется постоянная работа на разных уровнях по выработке различного рода соглашений и меморандумов, определяющих перспективные направления экономического сотрудничества. Так, в 2006 г. был подписан меморандум о сотрудничестве в области автомобильного и железнодорожного транс-

порта, а также меморандум о сотрудничестве в сфере энергетики и водного хозяйства, определивший направления развития двусторонних контактов в данной области на ближайшую перспективу.

Особенно важным для афганской экономики является восстановление и дальнейшее развитие промышленного потенциала. Как правило, развитие промышленных проектов начинается с поставок соответствующей продукции, а затем организации производства на месте. Так, с 2005 г. запущен проект с иранской автомобильной компанией «Иран Ходро», включающий экспорт в Афганистан продукции этого крупнейшего производителя автомобилей в Иране, а затем и организацию производства. По соглашению между «Иран ходро» и афганской «Афган отомобил» иранская компания поставляет в Афганистан 4 тыс. автомашин, включая легковые автомашины, пикапы и автобусы.¹⁶ В 2008 г. на повестку дня поставлен вопрос об открытии сборочного предприятия.¹⁷ Начата сборка тракторов на базе поставок Тебризского тракторного завода. С помощью Ирана был построен асфальтовый завод в Тулукане, административном центре афганской провинции Тахор, и иранские фирмы участвовали в работах по асфальтированию города.

Большое внимание уделяется Ираном проектам в области сельского хозяйства, что в немалой степени объясняется тем, что приграничные с Ираном провинции являются важнейшими районами сельскохозяйственного производства, и сама культура их сельского хозяйства, включая традиции орошения, тождественна иранской культуре ведения сельского хозяйства. Иран участвует в восстановлении ирригационной системы, водоснабжения, поставляет необходимую сельскохозяйственную технику и удобрения. Первая плотина, построенная после 2001 г., была возведена иранскими компаниями. Уже к началу 2004 г. в Герате с иранской помощью был открыт оросительный канал длиной 1200 км.¹⁸ К 2005 году были восстановлены водопроводные и ирригационные системы, построено 180 артезианских скважин в провинциях Герат, Кабул и Кандагар, введено в строй несколько центров механизации сельского хозяйства.¹⁹ В западных провинциях иранская сторона пытается заинтересовать сельскохозяйственных производителей в сокращении посевов мака.

Особенное значение придает Иран восстановлению разрушенной транспортной инфраструктуры. Только за 2001–2004 гг. им было завершено строительство автомобильной дороги

от иранского приграничного города Догарун до Герата общей протяженностью 205 км (по территории Афганистана – 125 км), в которую было вложено 50 млн. долл. В январе 2005 г. состоялось торжественное открытие этой трассы, на котором присутствовали президент Афганистана Хамид Карзай и президент Ирана Мохаммад Хатами. Чтобы превратить Догарун в крупный транзитный пункт, в Иране проводится реконструкция автодорог до порта Чахбахар. Построен мост «Милак», что дало возможность перенаправить часть грузов через иранский Заболь, разгрузив Догарун. Из транспортных проектов, сооруженных при содействии ИРИ, следует назвать также две шоссейные дороги: Герат–Эсламкала и Герат–Меймене. Реализуются также положения подписанного ранее трехстороннего соглашения (Иран–Узбекистан–Афганистан) о создании транс-афганского коридора Термез–Мазари-Шариф–Герат с последующим выходом на иранские порты.

В 2009 г. Иран завершил строительство железнодорожной ветки Хаф–Герат, предусматривающей для Афганистана доступ не только к портам ИРИ в Персидском заливе, но и к магистралям, ведущим в Туркмению и другие страны Центральной Азии. Иран полностью профинансировал строительство этой дороги, больше половины трассы которой проходит по афганской территории. Ведутся работы иранской компанией по прокладке железнодорожных путей по маршруту Хаф–Санган. (Стоимость подписанного контракта составляет 20 млн. долл.).²⁰ Рассматривается проект по продолжению этой дороги до границы с Таджикистаном.

Большое место в экономическом сотрудничестве занимает энергетика. В 2003 г. Иран ввел в эксплуатацию ЛЭП от г. Тейебад до Герата (стоимостью 2,3 млн. долл.), в 2004 г. вступила в строй ЛЭП (протяженностью 185 км) от электростанции в Торбете-Джам (Иран) до Герата (стоимостью 14 млн. долл.). В 2006 году Иран заключил соглашение с Афганистаном и Таджикистаном о строительстве 500-киловольтной линии электропередач от строящихся ГЭС на реке Вахш в Таджикистане в Кундуз и далее через Герат в Мешхед. Одновременно были снижены цены на поставки иранской электроэнергии в Афганистан. В 2004 г. было подписано соглашение с иранской компанией «Азараб» на модернизацию ГЭС «Пули–Хумри». Руководство ИРИ также обязалось выделить Афганистану финансовые средства на строительство двух ТЭЦ.

В условиях фактического слома всей финансовой системы Афганистана в начале 2000-х годов остро стоял вопрос о финансовых инструментах экономического сотрудничества, в т.ч. о кредитовании деятельности иранских государственных и частных компаний. К 2004 г. в Афганистане действовало уже 25 иранских компаний, и только объем частных инвестиций в афганскую экономику составлял 11 млн. долл. В 2004 г. Центральный банк Афганистана выдал лицензию на открытие банка «Афганистан Ариан банк», в создании которого приняли участие такие крупнейшие иранские банки, как «Мелли» и «Садерат». Открыто несколько отделений банка «Мелли», в Герате действует иранская финансовая компания «Ахдафе нур» (финансирует промышленные и энергетические проекты).

Одним из приоритетных направлений ирано-афганских отношений остается развитие двухсторонней и транзитной торговли. Если в первой половине 2000-х годов Иран являлся одним из важнейших торговых партнеров Афганистана, то со второй половины он стал утрачивать свои позиции главным образом за счет роста транзитных потоков из Пакистана и Индии. При этом показатели объемов афгано-иранской торговли, хотя и отличались значительными колебаниями, в целом имели повышательную тенденцию, а снижение удельного веса Ирана в товарообороте объяснялось более быстрым ростом внешней торговли Афганистана в целом и ростом торговли с Китаем, Индией и странами СНГ. В афганском экспорте доля Ирана составляла в 2007/8 г. всего 1,2%, в 2008/9 г. – 2,7%, а в импорте Афганистана: в 2007/8 г. – 4,8%, в 2008/9 г. – 6,6%. Объемы легальной торговли Афганистана с Ираном в 2000-е годы характеризовались следующими данными (в млн. долл.)²¹:

Годы	Товарооборот	Импорт (вкл. ре-экспорт)	Экспорт
2002/3	117	116	1,0
2003/4	110	108	2,0
2004/5	127	123	4,0
2005/6	197	194	3,0
2006/7	194	189	5,0
2007/8	144	138	6,0
2008/9	224	209	15,0

Афганистан имеет отрицательный внешнеторговый баланс практически со всеми странами, Иран не является исключением. При этом в данные Центрального банка Афганистана и Статистического Управления Афганистана включен только легальный импорт из Ирана, фактический гораздо выше, и, возможно, выше отрицательное сальдо торгового баланса²². Основными статьями афганского экспорта в Иран являются миндаль, кунжут, семечки арбуза. Иран экспортирует в Афганистан черные металлы (до 25% всего экспорта), нефтепродукты и масла (13–14%), цемент (до 10%), станки и оборудование (более 5%), шины, средства гигиены и др. Для Ирана афганский рынок интересен главным образом с точки зрения расширения своего ненефтяного экспорта и сферы приложения капитала.

Важное место во внешней торговле занимает транзитная торговля. Основная масса грузов поступает через Пакистан, но значительное место занимает и Иран, через который в Афганистан поступают грузы из портов Персидского залива, из Турции. Ираном обустроен и оснащен ряд таможенных пунктов. Так, иранской компанией установлена специальная аппаратура системы «АСИ-КУДА» на таможнях в Кабуле, Джелалабаде, Тархуме (крупнейшая таможня на границе Афганистана и Пакистана), Герате и Исламкале, адаптировано программное обеспечение системы под афганское таможенное законодательство, проведено обучение местных специалистов для работы на этой аппаратуре²³. Соответствующее соглашение о транзите через Иран было подписано еще в 2003 г. и в целом успешно исполнялось. Но в декабре 2010 г. проблема транзита в Афганистан через Иран осложнилась из-за того, что Иран стал задерживать грузы с нефтепродуктами. Это была своеобразная реакция на утяжеление наложенных санкций: в 2010 г. на него были наложены санкции не только СБ ООН, но более жесткие санкции США, ЕС и многих других стран, которые касались, в том числе, запрета на поставки в Иран бензина. И если раньше он мог получать необходимый ему бензин из третьих стран, главным образом через Дубай, то к концу 2010 г. к санкциям присоединились и Объединенные Арабские Эмираты. На границе с Афганистаном скопились тысячи бензовозов. При этом через территорию Ирана бензин поставлялся в Афганистан, где стояли войска тех стран, которые инициировали наложение санкций. По некоторым данным, почти 40% всего топлива, которое потребляется в настоящее время в Афганистане, идет на нужды коалиционных войск.

При этом через Иран поставляется 30% всех потребляемых в Афганистане нефтепродуктов. Блокада Ираном поставок вызвала в декабре многократный рост цен, массовое закрытие заправочных станций.²⁴

К этой проблеме добавилась проблема беженцев. Хотя число депортированных Ираном беженцев в декабре 2010 г. – январе 2011 г. не превысило 40 человек, в Герате и Кабуле прошли массовые антииранские демонстрации. «Топливный» кризис был разрешен в начале февраля 2011 г. после того, как афганская сторона заверила, что бензин, получаемый по транзиту через Иран, будет использоваться только на внутреннее потребление.²⁵

Свое присутствие в Афганистане стал постепенно наращивать иранский бизнес. Сведения о числе действующих в Афганистане иранских компаний сильно варьируют. В середине 2000-х гг. только частных иранских компаний насчитывалось 50²⁶, общее число частных и государственных иранских компаний со 100%-м иранским капиталом превысило 70. Кроме того, было создано более 50 смешанных компаний с участием иранского капитала. Афганский бизнес также проявляет активность в наращивании экономических связей с Ираном. В 2006 г. в Тегеране был создан Союз предпринимателей и инвесторов Афганистана, который значительное внимание уделяет участию афганских инвесторов в различных выставках, рекламированию афганских товаров.

Одним из важнейших направлений политики Ирана в отношении Афганистана является противодействие потоку афганских наркотиков. Сотрудничество в этой области стало обретать конкретные формы после того, как в 2006 г. Иран посетил афганская делегация во главе с министром по борьбе с наркотиками Х. Кадери, которая побывала в Тегеране и Мешхеде, а также на нескольких пограничных постах в провинции Хорасан²⁷. Иранская сторона получила разрешение на открытие в Кабуле, Герате и Кандагаре представительств Штаба по борьбе с наркотиками. Иран оказывает материальную помощь семьям афганских пограничников, погибших в столкновениях с наркоконтрабандистами в районе афгано-иранской границы.

На границе с Афганистаном Иран держит значительные силы охраны правопорядка, армии и КСИР. Сформированы специальные пограничные бригады. Иранской стороной организованы и оснащены (на сумму около 2 млн. долл.) необходи-

мой инфраструктурой 25 полицейских пограничных постов. Периодически проводятся совместные операции пограничных подразделений Ирана и Афганистана по зачистке приграничных с Ираном районов в провинциях Герат, Фарах и Нимруз от террористических групп и контрабанды наркотиков.²⁸ Только за 2010 г. было перехвачено 400 тонн наркотиков²⁹, но довольно значительная часть продолжает поступать в Иран.

Еще одной важной проблемой является проблема беженцев. До 1978/79 г. причины эмиграции афганцев в Иран были в основном экономическими. Массовая их иммиграция началась после апрельской революции 1978 г., усилилась после ввода советских войск и достигла пика в результате захвата власти талибами. В Иране, по разным подсчетам, находилось более 2,5 млн. афганских беженцев, 60% которых составляли таджики и хазарейцы (по состоянию на 2002 г.). После падения режима талибов Иран поставил вопрос об их репатриации. В 2002–2003 гг. в Женеве были подписаны трехсторонние соглашения между ИРИ, Афганистаном и Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев о порядке репатриации.³⁰ Согласно первому соглашению, срок добровольной репатриации был установлен до августа 2002 г., но так как афганские беженцы затягивали процесс регистрации для их отправки, второе соглашение продлило срок добровольной репатриации до марта 2005 г. В Иране были открыты Центры добровольной репатриации³¹. Эти центры организовывали возвращение беженцев, оказывали медицинские услуги.

До марта 2005 г. Иран осуществлял добровольную репатриацию. Однако согласно переписи 2006 г., в Иране осталось 1,2 млн. афганцев. Большая их часть находилась в Тегеране (около 400 тысяч), Хоросане (170 тысяч), Исфагане (более 141 тысячи), Белуджистане (более 112 тысяч).³² Иран неоднократно по просьбе афганской стороны продлевал сроки добровольной репатриации, установив окончательной датой апрель 2010 г. По некоторым оценкам, по состоянию на сентябрь 2010 г. численность мигрантов уменьшилась всего до 940 тысяч.³³ Это только официально зарегистрированные беженцы. Министр внутренних дел ИРИ во время своего визита в Кабул в марте 2011 г. заявил, что по данным МВД Ирана, еще почти 2 млн. афганцев проживают в Иране нелегально. Целью визита являлась проблема беженцев, острая как для Ирана, где растет уровень безработицы, так и для Афганистана, не

готового обустроить вновь прибывающих репатриантов. Иран согласился временно продлить сроки возвращения, разработать программу, нацеленную на то, чтобы узаконить пребывание афганских граждан в Иране.³⁴

Достаточно сложной остается проблема распределения вод Гильменда. Соглашение 1973 г. в целом выполнялось, но не регулярно, перебои с подачей воды участились в результате войны с талибами. Ситуация усугублялась резкими колебаниями стока Гильменда. Во время режима талибов иранские части перешли границу и углубили 30 км русла реки, что привело к увеличению стока в Иран, но уменьшению стока в оросительные системы Афганистана. Талибы в 1999 г. перекрыли шлюзы водохранилища. В результате озера Хамун-Пузак и Хамун-Сабари, расположенные в приграничной зоне, и озеро Хамун-Гильмен, полностью находящееся на территории Ирана, а также впадающая в него р.Хирманд (приток Гильменда) практически пересохли. За три года были уничтожены многие пастбища и сельскохозяйственные угодья, песком засыпаны сотни деревень в результате участвовавших песчаных бурь. После падения режима талибов в результате договоренности, достигнутой во время визита президента Ирана М. Хатами в Кабул в 2002 г., доступ воды из водохранилища Каджаки в Гильменд был открыт. Периодически шлюзы то открывались, то закрывались. В настоящее время достигнута договоренность, что продолжают действовать нормы соглашений 1973 г. Но проблема распределения водных ресурсов окончательно не решена и остается действенным средством давления Афганистана на Иран.

Так как в результате гражданской войны была разрушена практически вся инфраструктура образования и здравоохранения, ИРИ приняла активное участие в ее восстановлении. Иран построил несколько школ, обеспечивал школы учебными пособиями, выделял стипендии афганцам для обучения их в вузах Ирана. Однако под влиянием американских военных властей почти все учебники были изъяты и заменены пакистанскими учебниками на языке урду.³⁵ Вместе с Японией Иран построил (в Кандагаре и Зарандже) два центра профессиональной подготовки.

Ираном построен культурный комплекс в Кабуле, в котором созданы условия для обучения и постоянного проживания студентов, в том числе университет, медресе, больница, мечеть,

спортивные комплексы. В 2006 г. культурно-образовательный центр был открыт также в Герате.

Подписано соглашение между Ираном и Афганистаном о сотрудничестве в сфере науки и культуры. Согласно этому соглашению, иранская сторона выделяет квоты для обучения афганских студентов в вузах Ирана, направляет своих преподавателей в учебные заведения Афганистана. Совместные научные конференции, семинары и выставки стали постоянным элементом ирано-афганского сотрудничества.

Конечно, особое внимание иранская сторона уделяет строительству объектов не только культурного, но и религиозного характера. Культурно-религиозные центры стали создаваться в различных городах Афганистана. Безусловно, Иран стремится усилить свое культурное влияние, используя исторически сложившуюся культурную и языковую общность.

Учитывая потребность молодого афганского рынка в новых информационных технологиях, правительство ИРИ совместно с Международным союзом электросвязи подписало с руководством Афганистана соглашение о создании в Кабуле современного Института связи и информационных технологий. Основную часть средств на выполнение этого проекта (более 5 млн. долл.) выделяет иранская сторона.³⁶ Иранская компания «Мохабераде Иран» участвовала в прокладке оптико-волоконной связи между Ираном и Гератом. В настоящее время реализуется проект по созданию единого оптоволоконного кольца в Южном Афганистане, исполнителем которого является иранская компания «Шахид Канди», которая выиграла также тендер на прокладку цифровой телефонной связи в Кабуле.³⁷

Несмотря на заинтересованность Ирана в развитии военно-технического сотрудничества с Афганистаном, в подготовке военных специалистов, зависимость правительства Х. Карзая от Вашингтона делает это направление взаимоотношений практически невозможным, а также сдерживает развитие сотрудничества в области борьбы с террористическими группировками.

В заключение хотелось бы остановиться на основных точках совпадений интересов двух стран и их противоречиях.

Безусловно, что Афганистан является для Ирана зоной жизненных интересов прежде всего потому, что угрозы безопасности Ирану во многом связаны со стабильностью этого соседнего государства. Иран заявлял, что для обеспечения этой

стабильности он готов сотрудничать в различных форматах и с самыми разными организациями, вплоть до НАТО.³⁸ Многие зарубежные эксперты также признают, что для Ирана в Афганистане больше всего важны не идеологические интересы, а стабильность.³⁹

Наиболее негативную реакцию Ирана вызывает нахождение в соседней стране воинского контингента. Возможное усиление военной группировки за счет сокращения военного контингента в Ираке усиливает обеспокоенность Ирана. Тем не менее представляется, что в настоящее время, когда вновь усиливается движение талибов против центрального правительства, не контролирующего полностью ситуацию в стране, вывод войск из Афганистана не отвечает реальным интересам Ирана. В районах традиционного иранского влияния (Герате, Гильменде) достигнут достаточно оптимальный баланс взаимопонимания. На Гаагской конференции 2009 г. по Афганистану Иран заявил о своей позитивной оценке новой стратегии США относительно Афганистана и готовности оказывать помощь странам, участвующим в экономическом развитии Афганистана⁴⁰. Если в 2009 г. Иран отказывался от встреч специальных представителей по Афганистану, инициатором проведения которых явился Б. Обама, то в девятой встрече в конце 2010 г. Тегеран принял участие⁴¹.

Хотя Иран поддерживает с правительством Карзая активные связи, не исключено, что он по мере усиления позиций разветвляющегося движения исламской оппозиции попытается установить контакты с некоторыми из группировок этого пока окончательно не сформировавшегося движения. Нужно иметь в виду, что несмотря на официальное запрещение деятельности Исламской партии Афганистана, отделения этой партии продолжают работать, в частности в Мешхеде и Захедане.

Иран принимает активное участие в экономическом восстановлении Афганистана, является реальным партнером по многим проектам, от сельскохозяйственных до инфраструктурных. Намеченные проекты перспективны для Ирана и повышают его интерес к устойчивости афганской государственной и экономической системы. Наиболее значительным противоречием в экономической области является реализация Трансафганского газопровода, который объективно сокращает шансы Ирана на продвижение своего газа на пакистанский и индийский рынок. Подписанное представителями Туркмении, Афга-

нистана, Пакистана и Индии в декабре 2010 г. в Ашхабаде межправительственное соглашение о соединении газопроводов⁴² ставит под вопрос экспорт иранского газа в восточном направлении. Хотя Трансафганский проект трудно реализуем, он активно лоббируется США и является реальным конкурентом газопроводу «Мир» из Ирана в Пакистан и далее в Индию. Несмотря на давление США на Пакистан и Индию с целью заморозить реализацию этого проекта, соглашения по которому уже были подписаны, Иран выполнил свою часть соглашения, и газопровод от месторождений Ирана к пакистанской границе уже построен, и забор газа на пакистанской стороне периодически осуществляется. Достаточно сложной, как было показано выше, остается и проблема беженцев. Таким образом, каждое из направлений отношений Ирана с Афганистаном имеет свои положительные и негативные последствия с точки зрения заинтересованности Тегерана в поддержании стабильности в соседней стране, но общий баланс интересов – от экономических до идеологических – склоняется для ИРИ в сторону укрепления стабильности центрального правительства Афганистана, особенно в условиях расширения нового движения талибов, активизации террористической деятельности белуджских организаций на границах с Ираном. Иранскому руководству в последние годы, несмотря на противодействие США, удалось поднять уровень политического доверия в отношениях с Афганистаном и значительно укрепить в этой стране свои экономические позиции. Это усиливает внешнеполитические позиции Ирана как страны, участие которой необходимо для решения афганской проблемы, что позволяет иранскому руководству снизить степень изолированности в результате усиливающейся со стороны мирового сообщества политики санкций.

¹ Iran Almanac 1966. Tehran. С. 289.

² Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана. – М.: МГУ, 1990. С. 9–10.

³ Афганистан. Справочник. – М., 2000. С. 120.

⁴ Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. – М., 2004. С. 326.

⁵ Расчет по: Iran Almanac 1976. – Tehran, 1976. С. 284–285.

⁶ Iran Almanac 1976. – Tehran, 1976. С. 130.

⁷ Там же. С. 131.

-
- ⁸ Водные ресурсы Афганистана. – Ташкент, 2008. С. 15.
- ⁹ Ушаков В.А. Иран и мусульманские страны. – М., 1999. С. 66.
- ¹⁰ Афганистан и сопредельные страны. – М., 2003. С. 15.
- ¹¹ Столповский О. Иран и Афганистан: больше, чем соседи. – www.iimes.05.08.2009.
- ¹² Кузнецов С.Н. Последние тенденции в ирано-афганских отношениях. – www.iran.ru. 11.03.2006.
- ¹³ Деловой Афганистан. Т.2 // Полпред. 2005. С. 6–7.
- ¹⁴ Islamic Republic of Afghanistan. Central Statistics Organization (CSO). Afghanistan Statistical Yearbook 1388. (2009/10). С. 216. – www.cso.gov.af.
- ¹⁵ Арунова М.Р. К иранской «финансовой помощи». – www.iimes.ru, 31.10.2010.
- ¹⁶ Rosinvest.com. 22.11.2005.
- ¹⁷ Polpred.com. Обзор прессы. Афганистан. 15.11.2008.
- ¹⁸ Iran.ru. 20.02.2004.
- ¹⁹ Столповский О. Иран и Афганистан: больше, чем соседи. – www.easttime.ru. 05.08.2009.
- ²⁰ Богуславский А.Я. Ирано-афганские отношения на современном этапе. – www.iimes.ru. 08.08.2009.
- ²¹ Da Afghanistan Bank. Annual Economic and Statistical Bulletin 1387 (2008/2009). С. 114. – www.centralbank.gov.af.
- ²² Данные по внешней торговле различаются даже в официальных источниках. Так, по данным ЦСУ Афганистана, импорт в 2007/8 г. составлял 18 млн. долл., т.е. в три раза превышал данные ЦБ Афганистана.
- ²³ Богуславский А.Я. Ирано-афганские отношения на современном этапе. – www.iimes.ru, 08.08.2009.
- ²⁴ Медкович Н. Топливный кризис. – Iimes.ru, 26.01.2011.
- ²⁵ Trend.az. 02.02.2011.
- ²⁶ Кузнецов С.Н. Последние тенденции в ирано-афганских отношениях. – www.iran.ru, 11.03.2006.
- ²⁷ Арунова М.Р. Афганская политика ИРИ // Роль и место Ирана в регионе. – М., 2007. С. 149.
- ²⁸ www.mehrnews.com, 06.03.2011.
- ²⁹ www.mehrnews.com, 07.03.2011.
- ³⁰ Подробно о деятельности Представительства Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) в Иране см.: Осипов В. Беженцы в Иране. – www.iimes.ru, 30.10.2010.

-
- ³¹ Было открыто 10 таких центров: 2 в Тегеране, по одному в Мешхеде, Захедане, Куме, Исфагане, Кермане, Ширазе, Йезде и Араке // Афганистан и сопредельные страны. С. 20.
- ³² Натаедже тафсили саршомарее оуми нофус ва москен. 1385. С. 129.
- ³³ Осипов В. К проблеме беженцев в Иране. – www.iimes.ru, 24.10.2010.
- ³⁴ www.afghanistan.ru, 11.03.2011.
- ³⁵ Афганистан и сопредельные страны. С.18.
- ³⁶ Арунова М.Р. Афганская политика ИРИ // Роль и место Ирана в регионе. – М., 2007. С. 151.
- ³⁷ www.Afghanistan.ru/doc/16351
- ³⁸ Взгляд. Деловая газета, 11.02.2009.
- ³⁹ Greg Bruno, Lionel Beehner. Iran and the Future of Afghanistan. – www.cfr.org, 30.03.2009.
- ⁴⁰ Представитель США на этой конференции дал на это своеобразный ответ, сказав, что США « не планируют просить Иран ни о какой помощи Афганистану».
- ⁴¹ Осипов В. Об участии иранского представителя в международной встрече по Афганистану. – www.iimes.ru, 22.10.2010.
- ⁴² Вартанян А. О некоторых аспектах иранской экономической дипломатии в Афганистане. – www.iimes.ru, 22.12.2010.

ПАКИСТАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С 1947 г., когда был образован Пакистан, взаимоотношения этого государства с Афганистаном были сложными и противоречивыми. Их наполняли самые разнообразные события, которые вели от относительно нормальной и спокойной обстановки к обострению напряженности и разрыву дипломатических, торгово-экономических связей, вплоть до вооруженных столкновений на пакистано-афганской границе. Изменения ситуации в соседней стране обуславливали и соответствующий динамизм политики Пакистана на афганском направлении.

На протяжении всей относительно короткой истории пакистано-афганских отношений они оказывали многостороннее влияние на внутреннюю и внешнюю политику обоих государств. Это происходит сейчас, и, без сомнения, будет иметь место и в будущем. Трудно найти соседние страны, которые так сильно воздействовали бы друг на друга, как Пакистан и Афганистан.

Вовлеченность Пакистана в афганские события, которые имеют международный характер, выводят Пакистан на глобальный уровень, повышают его роль и значимость. Благодаря этому обстоятельству внешнеполитическая деятельность Пакистана очень активна и значительна – она существенно превосходит реальный внутренний потенциал государства. Влияние афганских событий способствует радикализации националистических и религиозных настроений пакистанского населения.

Сложности формирования пакистано-афганских отношений

Пакистан и Афганистан – страны, имеющие много общих проблем как позитивного, так и негативного характера. К числу последних относится проблема Пуштунистана – вероятно, главный раздражитель их взаимоотношений. Она сформирова-

лась еще в отношениях между Афганистаном и колонией Британской Индией. Когда возник вопрос о создании Пакистана, афганская правящая элита пыталась добиться пересмотра соглашения о «линии Дюранда» 1893 г., в соответствии с которым была проведена граница между Афганистаном и Британской Индией, разделившая пуштунские племена на две части. Заявления Кабула о том, что из двух участников данного соглашения остался только один и поэтому этот документ утратил законную силу, руководители Пакистана парировали тем, что новое государство наряду с Индией является правопреемником бывшей Британской Индии и все заключенные ею договоры остаются в силе до тех пор, пока не будут отменены или изменены новыми соглашениями.

Афганистан не принял подобную позицию. Именно поэтому осенью 1947 г. он, выступив в одиночку, проголосовал против членства Пакистана в ООН. Кабул никогда не признавал существования государственной границы с Пакистаном по «линии Дюранда» (более 2400 км), поддерживал сепаратистские движения пакистанских пуштунов, призывая их к созданию независимого Пуштунистана. В свою очередь и Пакистан оказывал помощь оппозиционным силам в Афганистане. Противники правящих режимов в обеих странах находили убежище в соседнем государстве.

Полярные подходы сторон к вопросу о Пуштунистане делают его практически неразрешимым. Прошло уже более шестидесяти лет, в обеих странах произошли серьезные общественно-политические изменения, сменились поколения лидеров, но, как говорится, «воз и ныне там». На протяжении всей истории пакистано-афганских отношений данное противоречие нагнетало негативную обстановку между Исламабадом и Кабулом, было главным препятствием на пути развития их сотрудничества, затрудняло урегулирование различных двусторонних проблем. При этом важно иметь в виду, что при всех внешних различиях эти проблемы, по сути, имеют общее для обеих стран содержание (внутренняя нестабильность, оборот наркотиков, контрабанда, преступность, беженцы и др.). Без сомнения, не будь такого раздражителя, как пуштунский вопрос, многие из отмеченных проблем были бы решены общими усилиями или, по крайней мере, значительно утратили остроту.

Под влиянием многих факторов, включая пуштунский вопрос, пакистано-афганские отношения развивались крайне не-

ровно. Резкие обострения сменялись нормализацией ситуации. Так, в связи с обострением пуштунской проблемы в сентябре 1961 г. последовал разрыв дипломатических и экономических отношений. Нарушение торговых связей нанесло обеим странам серьезный экономический ущерб. В начале 1963 г. в результате проведенных переговоров были достигнуты соглашения о восстановлении дипломатических и экономических отношений.

В то же время пакистанский президент Мухаммад Айюб-хан выступил с идеей создания пакистано-афганской конфедерации. Это предложение было сделано в соответствии с подходом Исламабада к урегулированию пуштунской проблемы и, разумеется, было отвергнуто афганской стороной. В последующие годы пакистано-афганские отношения носили более или менее ровный характер. Подобное течение было резко нарушено революционным переворотом в Кабуле в апреле 1978 г. и последующими событиями.

Пакистано-афганские отношения после Апрельской революции 1978 г.

После Апрельской (или Саурской) революции 1978 г. в Афганистане Исламабад признал новое правительство в соседней стране. Помимо всего прочего, Пакистан пытался в новой обстановке найти пути для благоприятного для себя решения пуштунского вопроса, поскольку при предшествовавшем правительстве во главе с президентом Мухаммедом Даудом это было невозможно¹. В условиях растущих трудностей кабульского режима Исламабад настойчиво призывал его к широкому сотрудничеству на основе признания государственной границы. Особенно успешно для Пакистана переговоры шли при правительстве Хафизуллы Амина в 1979 г. Пользуясь его крайне тяжелым положением, Пакистан, по свидетельству очевидцев событий, смог склонить афганского руководителя к решению вопроса о признании «линии Дюранда» государственной границей между двумя государствами². Но удачное для Исламабада течение событий было прервано убийством Х. Амина и вводом советских войск в Афганистан в конце 1979 г.

Линия поведения Пакистана в отношении Афганистана кардинально изменилась. Теперь он видел главную задачу в проведении жесткой конфронтации с афганскими властями

во главе с Бабраком Кармалем, в широкой и всесторонней поддержке оппозиции («муджахедов»), обеспечении ее победы и установлении в этой стране дружественного режима. В рамках решения этого вопроса предполагалось урегулирование проблемы Пуштунистана. Разумеется, подобный курс Пакистана определялся не только проблемой Пуштунистана.

Использование Пакистаном муджахедов имело предпосылки. По словам В.Я. Белокреницкого, пакистано-афганский исламистский коридор начал складываться еще с 1975 г., когда в Афганистане был раскрыт антиправительственный заговор исламистов и в Пакистан эмигрировали руководители основных оппозиционных организаций и антиправительственных сил – Гульбеддин Хекматъяр, Бурхануддин Раббани и Ахмад Шах Масуд³. Вероятно, еще перед заговором они прошли военную подготовку в пакистанском Пограничном корпусе, которым командовал Насирулла Бабар. Уже в качестве губернатора Северо-Западной пограничной провинции (современная провинция Хайбер-Пахтунхва) он же принял этих муджахедов после их бегства из Афганистана в 1975 г.⁴ Именно эти лидеры стали ядром исламистского сопротивления советскому контингенту в Афганистане.

Курс Пакистана, его положение как «прифронтового государства» обеспечили ему большие политические и экономические дивиденды. Во-первых, Пакистан превратился в центральный элемент борьбы международной коалиции с расширением влияния СССР. На его территории были созданы базы и лагеря по подготовке военных формирований афганской оппозиции, которые обеспечивались оружием, поставляемым из-за рубежа. В пакистанском городе Пешавар обосновались штаб-квартиры политических партий, выступавших против кабульского правительства. Здесь же в феврале 1980 г. оппозицией было образовано временное правительство Афганистана. Кроме того, Пакистан стал представителем мусульманских государств по «афганскому вопросу» в международных организациях.

Во-вторых, с начала 1980-х годов через Пакистан осуществлялись главные поставки вооружений, медикаментов и продовольствия для муджахедов. В отсутствие транспарентности часть этой помощи не доходила до афганцев, оставаясь в Пакистане. С Пакистана были сняты санкции, наложенные прежде западными странами за развитие военной ядерной программы. Возродился военно-экономический альянс Пакистана и США.

Вашингтон после свержения шахского режима в Иране сделал Пакистан основным проводником своих интересов в регионе. Америка предоставила Пакистану несколько крупных военнотехнических займов на льготных условиях⁵. Щедро поставляли финансовую и экономическую помощь государства Ближнего Востока.

Одновременно в Пакистане имели место и отрицательные последствия его политики в отношении Афганистана. В стране росла инфляция и увеличивался внешнеторговый дефицит. Быстро повышалась внешняя задолженность Пакистана⁶. Пребывание на пакистанской территории большого числа афганских беженцев (более 3 млн. человек) привело к возникновению серьезных проблем экономического, социального, политического и даже экологического порядка. В стране необычайной остроты достигла проблема наркомании, до этого практически здесь не существовавшая. Наконец, Пакистан оказался буквально наводнен оружием.

Все это осложняло ситуацию в стране, вызывало недовольство населения. Не было единства и внутри правящей верхушки: часть ее выступала за неизменность прежнего курса в отношении Афганистана (президентская группировка, фундаменталистские партии, могущественная Общевойсковая разведка – ОВР). Большей гибкости требовали многие общественные организации и политические партии.

Проявлением этих обстоятельств стало изменение позиций Исламабада в отношении переговорного процесса с Кабулом. Первые годы он отвергал какие-либо переговоры, но затем (в 1982 г.) дал согласие на такие переговоры в Женеве при поддержке специального представителя Генерального секретаря ООН. Первоначально Пакистан стремился свести эти переговоры к достижению соглашения о выводе советских войск из Афганистана. Однако затем согласился принять комплексную формулу, включающую обязательства двух сторон о невмешательстве во внутренние дела друг друга. В ходе переговоров Исламабад стремился оказать давление на Кабул, поставив решение проблемы государственной границы в качестве условия подписания документов по итогам Женевских переговоров. Он настаивал на включении в текст соглашений слов «международно-признанные границы», имея в виду «линию Дюранда». Для афганской делегации это было неприемлемо. В результате дипломатических усилий удалось изменить эту

формулу на «границы друг друга», после чего стороны подписали соглашения⁷.

С вступлением в действие Женевских соглашений в мае 1988 г. и выводом советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. был достигнут важный рубеж в выполнении основной стратегической задачи Пакистана, которая заключалась в том, чтобы, улучшив позиции в Афганистане, создать стратегическую глубину для противоборства с основным противником – Индией⁸. Следующей целью Пакистана стал приход муджахедов к власти в Афганистане. Стремясь к достижению этой цели, Пакистан пошел на нарушение Женевских соглашений, поскольку он продолжал оказывать поддержку муджахедам для устранения «коммунистического правительства» в Кабуле и захвата власти⁹.

Пакистан и афганское движение «Талибан»

С падением правительства Мухаммада Наджибуллы в апреле 1992 г. и захватом муджахедами Кабула был пройден еще один этап по реализации стратегического плана Исламабада. Оставалось образовать коалиционное правительство муджахедов, в котором фаворит Пакистана – группировка Г. Хекматьера, опираясь на свой военно-политический вес и располагая поддержкой США, Пакистана и других стран, должна была занять преобладающее положение. Однако именно решение этой задачи оказалось делом крайне сложным и практически недостижимым. Начать с того, что захват власти муджахедами не усилил позиций Пакистана в этой стране.

В стане победителей развернулась ожесточенная вооруженная борьба за власть. Конкуренты разделили между собой Кабул, а затем и всю страну на зоны контроля. Постоянно создавались и рушились направленные друг против друга коалиции бывших соратников. Действия по примирению соперников, в которых активное участие принимали пакистанские официальные лица, религиозные деятели, политические лидеры, позитивного результата не принесли. В ходе острых разборок слабели военно-политические позиции группировки Г. Хекматьера.

Стало очевидным, что в существующих в Афганистане условиях невозможно не только установление дружественного Пакистану режима, но и вообще урегулирование конфликтной

ситуации и достижение мирной жизни. А именно в этом Пакистан был крайне заинтересован. В изменившихся международных условиях афганский конфликт утратил глобальный характер, а Пакистан потерял былую значимость для Запада, следствием чего явилось сокращение ему материальной помощи. США с 1990 г. прекратили военную и почти всю экономическую помощь Пакистану. А ему были необходимы средства, в частности, на содержание афганских беженцев, которые не хотели возвращаться на объятую гражданской войной родину, на поддержку своих сторонников в Афганистане. Длительная нестабильность в соседней стране оказывала негативное воздействие на внутреннюю ситуацию в Пакистане. Множилось число террористических актов, которые в большинстве своем имели «афганский след». Попытки пакистанских властей удалить из страны наиболее экстремистски настроенных муджахедов не увенчались успехом и лишь обострили ситуацию. Огромный поток контрабандных товаров, включая наркотики, наносил ущерб экономике, другим сферам жизни пакистанского общества, его международному престижу.

Хаос и крайняя нестабильность внутри Афганистана не позволяли Пакистану пользоваться своим положением «морских ворот» для новых независимых государств в Центральной Азии. Проекты прокладки дорожных магистралей, нефте- и газопроводов, линий электропередачи через Афганистан в Пакистан оставались нереализованными.

Потребность в скорейшем разрешении кризисной ситуации в Афганистане и невозможность достичь этого при существовавшем раскладе военно-политических сил обусловили содействие Пакистана появлению в Афганистане в 1994 г. новой силы — движения «Талибан». Его костяк составили учащиеся (талибы) религиозных школ, открытых для афганских беженцев в Пакистане. Основу движения составляли бывшие муджахеды. Участвовали в его создании отставные и находящиеся на службе пакистанские военные¹⁰. Движению покровительствовал влиятельный отставной военный Насирулла Бабар, занимавший пост министра внутренних дел в правительстве Беназир Бхутто (он называл талибов «своими детьми»¹¹). Руководство «Талибана» было связано с фундаменталистской партией Пакистана «Джамиат-и-улами-и ислам» («Общество мусульманских богословов»). В этническом отношении это движение было представлено главным образом пуштунами.

Основной причиной подобной политики Пакистана в тот период была уверенность Исламабада в том, что с его помощью талибы принесут в Афганистан единство и стабильность. Данному политическому выбору Пакистана способствовал также рост в Пакистане исламистского фундаментализма и экстремизма, что нашло выражение в победе Мусульманской лиги Наваза Шарифа на парламентских выборах 1997 г.¹² Эта партия была значительно лояльнее к исламистским организациям, чем ее главный соперник – Пакистанская народная партия во главе с Б. Бхутто. Хотя еще до этих политических перемен политическое руководство Пакистана, очевидно, под влиянием ОВР постепенно склонялось к поддержке «Талибана»¹³. Наконец, Исламабад рассчитывал, что талибы как исламорадикалы, фундаменталисты и консерваторы, согласно традиции, будут ставить религиозное единство выше этнонационального, что поможет ослабить движение за Пуштунистан.

Власти Пакистана просчитались в очередной раз. Во-первых, талибам не удалось захватить всю афганскую территорию – Северный альянс удержал на севере страны районы, пользуясь поддержкой России, Ирана и Индии¹⁴. Во-вторых, талибы все больше отдалялись от взрастивших их пакистанцев, влияние последних уменьшалось; талибы становились все более самостоятельными и менее управляемыми. Одновременно в их стане росло влияние иностранных наемников, которые представляли значительную силу. И наконец, в третьих, с течением времени «Талибан» все больше приобретал крайне экстремистский характер и подпадал под влияние «Аль-Каиды». Пути талибов и Пакистана все больше расходились. Важно, что талибы в подавляющем большинстве были пуштунами и, несмотря на свой крайний исламизм, вовсе не хотели отказываться от источника силы, каким представлялся пуштунский национализм. В этом вопросе они не шли на какие-то уступки Пакистану. Так, руководство талибов отказалось принять пакистанское предложение о признании «линии Дюранда» в качестве межгосударственной границы¹⁵.

Тем не менее Пакистан в течение довольно длительного периода оставался одним из немногих сторонников государства талибов «Исламского эмирата Афганистана» и оказывал ему политическую, дипломатическую, экономическую и военную помощь. Только три государства – Саудовская Аравия,

ОАЭ и сам Пакистан официально признавали новое афганское государство.

Поскольку талибский Афганистан был непризнанным государством, то все его международные дела и связи осуществлялись через Пакистан. Последний отстаивал интересы Кабула в различных международных организациях. Все важные сообщения из Афганистана передавались через пакистанские СМИ. Исламабад участвовал в организации многочисленных встреч представителей враждующих сторон, общественных и государственных деятелей иностранных государств. Исламабад оказывал помощь ООН и ее специальному представителю в налаживании переговорного процесса по Афганистану, содействовал проведению диалога между противостоящими афганскими сторонами. Пакистанское руководство приложило немало усилий по налаживанию переговоров по формуле «6+2» (шесть граничащих с Афганистаном государств – Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, – и две великие державы – Россия и США). Естественно, что, действуя таким образом, Исламабад стремился, во-первых, обеспечить соблюдение своих интересов в Афганистане и, во-вторых, повысить свою значимость на международной арене в связи с афганскими делами.

Однако эти цели не были достигнуты Пакистаном. После того, как в 1998 г. Пакистан провел ядерные испытания, страна оказалась в международной изоляции. Вновь были введены санкции против Пакистана. Его лишили полноправного членства в Содружестве. Осложнились отношения не только с соседними Ираном и Индией, но и бывшим стратегическим партнером – США. Этому способствовала своеобразная позиция Пакистана по проблеме присутствия международных террористов на территории Афганистана, прежде всего Усамы бен Ладена, которого талибы отказывались выдать США. Пакистан стремился дистанцироваться от этой проблемы, указывая на то, что она – «внутреннее дело Афганистана»¹⁶. Тем самым Пакистан демонстрировал негласную поддержку международного терроризма.

Пакистан фактически превратился в страну-изгоя. Трудности такого положения создавали возможность будущего расхождения с «Талибаном». Так или иначе, крутое изменение курса в отношении этого движения после террористического акта в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. в определенной мере было подготовлено предшествовавшими событиями.

Смена курса Пакистана после 11 сентября 2001 г.

В начале XXI в. под влиянием внешних событий произошел крутой перелом стратегического курса Пакистана, существенно изменилось его положение на международной арене, резко улучшились отношения с США и другими западными державами. В то же время внешние события негативно сказались на внутрисполитической ситуации, вызвав взрыв недовольства мусульманского населения Пакистана, рост исламского экстремизма и терроризма; впервые в истории страны ее власти начали борьбу с исламизмом.

Изменение своей афганской политики было для Пакистана крайне трудным делом. Оно произошло под жестким давлением со стороны США, представитель которых Ричард Армитейдж, заместитель государственного секретаря, пригрозил бомбардировками Пакистана в случае его отказа поддержать США¹⁷.

Пакистан и движение «Талибан» – вчерашние союзники, – стали врагами, а с прежним противником – Северным альянсом предстояло налаживать отношения так же, как и со стоящими за ним Россией, Ираном и Индией. При этом Пакистан стремился уберечь талибов от полного разгрома и ослабить роль Северного альянса. Была выдвинута идея о приведении к власти в Афганистане так называемых «умеренных талибов», способных заменить прежнее руководство движения «Талибан». Кстати, к этой идее позитивно отнеслись и в США, которые также не хотели единовластия Северного альянса. В печатных изданиях того времени сообщалось о тайной встрече представителей талибов во главе с Вакилем Ахмадом Муттавакилем с государственным секретарем США Коллином Пауэллом, которая прошла в октябре 2001 г. в Исламабаде¹⁸.

В дальнейшем Пакистан, опасаясь усиления Северного альянса, выступал против взятия «северянами» Кабула до формирования новых органов власти, а затем – за демилитаризацию афганской столицы. Пакистан прилагал меры по усилению «пуштунского» элемента во Временной афганской администрации. Вопросы «продвижения» пуштунов на политическую сцену Афганистана обсуждались на встрече летом 2003 г. на военно-воздушной базе близ Кветты между представителями пакистанской ОВР, американского ФБР и группой талибов¹⁹.

Пакистан, который в период сотрудничества с талибами разделял их негативное отношение к бывшему королю Захир Шаху, теперь изменил свою позицию и полностью поддерживал афганского экс-короля. Исламабад положительно отнесся к назначению одного из пуштунских лидеров – Хамида Карзая главой Временной афганской администрации.

В то же время пакистанское руководство стремилось установить связи и с другими афганскими политическими группами и прежде всего с наиболее сильной из них – Северным альянсом. Во время конференции в Бонне представителей основных политических сил Афганистана в конце 2001 г., где формировалась Временная афганская администрация, пакистанский президент Первез Мушарраф заявил о поддержке создания в Афганистане правительства на широкой основе и о признании Северного альянса и всех входящих в него групп. Такому шагу предшествовал политический диалог между Исламабадом и руководством Северного альянса; контакт между ними был инициирован при посредничестве Ирана и Турции и получил одобрение США²⁰.

Исходя из собственных интересов, Исламабад не сразу полностью поддержал США. Некоторое время он пытался занимать некую «среднюю линию». Его переходу к более активным действиям содействовало понимание того, что участие в антитеррористической кампании могло открыть перед Пакистаном широкие перспективы сотрудничества с западным миром, улучшение политического имиджа страны на мировой арене, освобождение от тяжелых санкций.

Втягивание Пакистана в антитеррористическую кампанию в Афганистане происходило постепенно. Началось с прекращения поставок в Афганистан нефтепродуктов, транзитной торговли, заморозки банковских счетов талибских лидеров. Затем была закрыта граница с Афганистаном (насколько это было возможно в условиях сложного рельефа). Происходило и свертывание дипломатических отношений Исламабада с правительством талибов. Пакистанское представительство в Кабуле было закрыто вскоре после событий 11 сентября 2001 г. Новая дипломатическая миссия начала свою работу в Кабуле при новом режиме в январе 2002 г. Пакистанские консульства были открыты в Джалалабаде, Кандагаре, Мазари-Шарифе. Осенью 2001 г. прекратило свою деятельность посольство талибов в Пакистане. После падения Кабула в конце ноября 2001 г.

Исламабад объявил о разрыве дипотношений с режимом «Талибан» (Пакистан сделал этот шаг последним из трех государств, признававших правительство талибов).

Наладилось сотрудничество американских и пакистанских спецслужб. В начале 2002 г. имел место крупный успех совместной акции двух спецслужб – задержание в Пакистане второго по значению человека в «Аль-Каиде» – Абу Зубейды. Благодаря кооперации пакистанских и американских специальных служб удалось также арестовать Халида Шейха Мохаммада сначала в Карачи, а затем в Равалпинди (2002 и 2003 гг.), Рамзи бин Аль Шибха в Карачи (2002 г.), муллу Абдуллу Гхани Барадара в Карачи (2010 г.) и других.

Пакистан предоставил США свободу действий в своем воздушном пространстве. Американцы получили четыре авиационные базы на пакистанской территории, что имело большое значение для США и их союзников.

США были удовлетворены действиями Пакистана в Афганистане. Уже в конце сентября 2001 г. Дж.Буш объявил о снятии санкций с Пакистана. Затем США отсрочили выплату процентов по пакистанскому внешнему долгу, предоставили ряд льготных займов. Америка открыла свои рынки для пакистанской продукции. Кроме экономической помощи в Пакистан стала поступать техника двойного назначения и некоторые виды оружия. В 2004 г. США предоставили Пакистану статус основного союзника вне структуры НАТО (союзники США этой категории в военных отношениях с Вашингтоном пользуются режимом наибольшего благоприятствования). Вслед за Америкой важные шаги навстречу Пакистану сделали и другие его традиционные доноры – Япония, Канада, МВФ и др. В результате финансово-экономическое положение страны заметно улучшилось²¹.

Изменилось и внешнеполитическое положение Пакистана, который вышел из международной изоляции. Исламабад сделался местом важных международных встреч, настоящей Меккой для лидеров многих стран. Президент П. Мушарраф стал желанным гостем во многих столицах. За короткий срок он посетил США, Китай, Японию, Непал, Казахстан и многие другие страны. В феврале 2003 г. состоялся его визит в Москву. В 2002 г. Пакистан был избран непостоянным членом Совета Безопасности ООН. В начале 2004 г. он вновь стал полноправным членом Содружества.

Развитие пакистано-афганских отношений в новых условиях

Пакистан и Афганистан проявили интерес к развитию двусторонних отношений сразу после формирования нового афганского правительства во главе с Х. Карзаям. В феврале 2002 г. состоялся первый визит Х. Карзая в Пакистан, а в самом начале апреля того же года последовал визит П. Мушаррафа в Афганистан. В ходе переговоров стороны подтвердили намерение не позволять использовать свои территории друг против друга. Были достигнуты соглашения о совместной борьбе с производством и сбытом наркотиков, а также с терроризмом. Обе стороны договорились о возобновлении транзитной торговли. По просьбе Кабула Исламабад согласился открыть для товаров, направляемых в Афганистан, порт Касим на побережье Аравийского моря, а также снизить транспортные пошлины для афганских товаров. Достигнуто соглашение о восстановлении основных наземных транспортных магистралей и воздушного сообщения. Важным было участие Пакистана в Международной конференции, которая завершилась 22 декабря 2002 г. принятием Кабульской декларации о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей – Пакистана, Ирана, Китая, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Вместе с многими странами Пакистан участвует в восстановлении инфраструктуры и энергосистемы соседнего государства.

Серьезные экономические трудности препятствуют осуществлению давно вынашиваемого международного проекта прокладки газо- и нефтепровода из Туркменистана через Афганистан в Пакистан (раньше главным препятствием была военнополитическая ситуация в Афганистане). Три страны пытаются привлечь к осуществлению проекта Индию. Впоследствии к газовой нитке планируется подключить и узбекский газ. Успешно сотрудничают Пакистан и Афганистан в рамках Организации экономического сотрудничества (ОЭС), в которую входят десять стран Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и которая активизировала свою деятельность в последнее время.

Между тем отношения между Пакистаном и Афганистаном далеко не безоблачны: между ними существуют сложные проблемы. Главная из них – непризнание Кабулом «линии Дюранда».

Были и другие раздражители в отношениях двух соседних стран. Пакистан с большой опаской наблюдал за ростом влияния в Афганистане своего главного противника – Индии. Последняя имела преимущества перед Пакистаном не только экономического, но и политического порядка. Индия всегда выступала против талибского режима, имела хорошие отношения с Северным альянсом. В Исламабаде считали, что, пользуясь этим, Индия ведет в Афганистане антипакистанскую деятельность. Открывшиеся во многих афганских городах индийские консульства представлялись форпостами этой деятельности²².

Со своей стороны, Кабул обвинял Пакистан в медлительности действий против талибов; в том, что нападения последних на афганскую территорию осуществляются через афгано-пакистанскую границу, что талибы получают поддержку из северо-западных пуштунских районов Пакистана и там же скрывшиеся от правосудия талибы получают убежище, кров, пищу. Утверждалось также, что именно здесь находятся и лидер талибов мулла Омар и руководитель «Аль-Каиды» Усама бен Ладен. Опровержения Исламабада и заверения, что им делается все необходимое, чтобы талибы не использовали пакистанскую территорию как плацдарм для нападения на афганских и американских военных, не убеждали афганскую сторону в том, что Пакистан принимает все меры для пресечения трансграничного терроризма. В свою очередь Пакистан заявлял, что Кабул нарушает имеющиеся договоренности между двумя странами об обмене информацией о передвижении талибов и боевиков «Аль-Каиды».

В такой обстановке любые случайные и ошибочные действия одной стороны рассматривались другой стороной как преднамеренные и вызывали с ее стороны резкую реакцию. В апреле 2003 г. Соединенным Штатам пришлось вести переговоры с пакистанскими властями относительно имевших место конфликтов на афгано-пакистанской границе. 8 июля 2003 г. в ответ на заявление афганских официальных лиц о вторжении пакистанских регулярных частей на сопредельную афганскую территорию и столкновении с афганскими подразделениями произошло нападение на посольство Пакистана в Кабуле, которое было после этого закрыто. Х. Карзай выразил сожаление в связи с этим фактом и принес извинения П. Мушаррафу. Стремясь быстрее урегулировать конфликт между основными союзниками по антитеррористической кампании, свои посреднические услуги предложила ООН. Однако конфликт был уре-

гулирован на двустороннем уровне, и 21 июля пакистанское посольство в Кабуле возобновило свою работу.

В дальнейшем произошло заметное улучшение отношений между двумя соседними странами. Этим непосредственно занялись их высшие государственные деятели, а также ответственные американские чины. Важными были результаты работы трехсторонней комиссии в составе представителей Афганистана, Пакистана и США, созданной после вооруженных столкновений на афгано-пакистанской границе. На заседании 3 декабря 2003 г. стороны подтвердили свое стремление укреплять стратегическое сотрудничество в борьбе с терроризмом. Были проанализированы результаты проведения операций против боевиков «Аль-Каиды», «Талибана» и группировки Г. Хекматъяра. Принято решение усилить взаимодействие и укрепить связь между афганскими, пакистанскими и американскими воинскими подразделениями, расположенными в приграничных районах, а также создать подкомиссию по координации и обмену разведывательной информацией.

Руководители Пакистана и Афганистана во время официальных визитов и рабочих встреч подчеркивали необходимость укрепления сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, обеспечения безопасности, недопущение использования территории двух стран друг против друга. П. Мушарраф неоднократно заявлял, что борьба с незаконным проникновением боевиков через афгано-пакистанскую границу является приоритетом для Исламабада. Исламабад и Кабул договорились интенсивно развивать экономические и торговые связи, расширять сотрудничество в реализации программ по восстановлению хозяйства Афганистана, особенно в областях образования, здравоохранения, дорожного строительства, реконструкции дорог, банковского дела, финансов и почтовых служб. Пакистан предложил свое содействие в реализации в Афганистане ряда проектов, среди которых – создание свободных промышленных зон, строительство цементных заводов, предприятий по производству стройматериалов, химических удобрений, сахара, других продуктов питания, а также лекарств. В августе 2003 г. прошло заседание совместной пакистано-афганской комиссии по экономическим вопросам, на котором были конкретизированы планы экономического сотрудничества. На следующем заседании комиссии в январе 2004 г. было принято решение увеличить объем двусторонней торговли до 1 млрд. долларов.

Проходили встречи руководителей соответствующих ведомств двух стран. Министры внутренних дел занимались проблемами взаимодействия в борьбе с контрабандой оружия и наркотиков, незаконной иммиграцией. Министерство просвещения Пакистана обязалось оказать помощь в строительстве школ. Транспортные организации договорились о сотрудничестве в восстановлении основных магистралей Чаман–Джалалабад, Чаман–Кандагар, Торхам–Кабул, Чаман–Герат. Важной договоренностью на правительственном уровне было решение создать «горячую линию» для оперативного решения конфликтных ситуаций, возникающих на границе между двумя странами. Во время визита в Афганистан премьер-министра Пакистана М.З.Х. Джамали в январе 2004 г. помимо вопросов военнополитического характера были обсуждены проблема беженцев и перспективы их репатриации. Было достигнуто соглашение о постепенном освобождении всех пакистанцев, воевавших на стороне талибов и сидящих теперь в афганских тюрьмах; Пакистан, в свою очередь, обещал освободить афганцев, находящихся за различные проступки в его тюрьмах. Афганской стороне были переданы 100 новых автобусов и 200 грузовиков в качестве помощи разрушенному хозяйству. Были обсуждены программы реализации выделенной Пакистаном ранее (на конференции в Токио) помощи в сумме 100 млн. долларов.

В целом взаимодействие Афганистана и Пакистана осуществлялось по четырем основным направлениям – борьба с наркобизнесом, экономическое сотрудничество, возвращение беженцев и военное взаимодействие в борьбе с терроризмом. Результаты на первом направлении, пожалуй, самые неутешительные. И дело здесь не только в отсутствии должного внимания к этой проблеме, недостатке ресурсов, коррупции и т.д. Главное, что эта проблема в условиях данного региона не решается путем даже самого жестокого принуждения. Она, по сути, представляет собой экономическое явление, и преодолеть ее можно лишь посредством больших инвестиций в сельское хозяйство страны, что сделает более выгодным производство обычных культур. Пока же этого нет, и «южный поток» наркотиков из Афганистана к пакистанским морским портам остается серьезной опасностью для всего мира.

Экономическое сотрудничество между Пакистаном и Афганистаном развивается в целом успешно, но размеры его не очень значительны, что определяется ограниченными возмож-

ностями обеих стран. Существенным достижением в этой области стало подписание пакистано-афганского соглашения о транзитной торговле в октябре 2010 г., а также меморандума о взаимопонимании по вопросу создания пакистано-афганского железнодорожного сообщения в июле 2010 г. Но настоящим прорывом в этой сфере было бы сооружение отмеченных выше газовых и нефтяных магистралей. Их роль выходит далеко за экономические рамки, они существенно содействовали бы решению социально-политических проблем этих стран, укреплению межгосударственных связей в регионе.

Более успешно решается третья проблема – возвращение афганских беженцев на родину. Этому способствуют более стабильная по сравнению с прошлым периодом обстановка в стране, материальная помощь мирового сообщества, реализация с 2002 г. программы ООН «Добровольная репатриация беженцев».

Разумеется, самой главной проблемой для Пакистана является его вовлеченность в военную сферу антитеррористической кампании в Афганистане. Как отмечалось, Пакистан пошел на широкое участие в этой сфере, кроме посылки своих войск в Афганистан. Вся военная деятельность Пакистана была связана с другими участниками антитеррористической коалиции, но, естественно, ее сердцевину составляло сотрудничество Пакистана с Афганистаном и США. Для координации деятельности, прежде всего военной, была создана трехсторонняя американо-афгано-пакистанская комиссия, которая обсуждала общую деятельность трех стран, текущие вопросы, проблемы материально-технического снабжения, проведения совместных операций, координации деятельности разведслужб и т.д. Для избежания пограничных конфликтов в рамках трехсторонней комиссии была проведена работа по отработке лучшего взаимодействия в борьбе с передвижениями террористов в приграничных районах. В частности, представители трех стран посетили ряд пунктов на спорных участках по «линии Дюранда». Специалисты из США провели с помощью аппаратуры глобального позиционирования рекогносцировку на местности с целью фиксации точного местоположения пограничных постов и недопущения инцидентов, связанных с пересечением американскими войсками или самолетами пакистанской границы²³. На программу укрепления пограничной охраны Пакистана и усиления его правоохранительных органов США предоставили 73 млн. долл. В ходе реализации программы Пакистану были переданы военно-транспортная

техника, оборудование ближней и дальней связи. Сюда были направлены специалисты для обучения сотрудников местных спецслужб современным методам борьбы с террористами.

Соединенные Штаты включили широкую антитеррористическую помощь Исламабаду сначала в стратегию «Усилить на Пакистан» («Surge Pakistan»), а затем «АФ-ПАК», означавшую взаимозависимость проблем безопасности в Афганистане и Пакистане. В соответствии с этими стратегиями США начали наносить удары по территории Пакистана с помощью беспилотных летательных аппаратов (БЛА). Интенсивность ударов постоянно растет: 2 удара в 2006 г., 3 – в 2007 г., 34 – в 2008 г., 43 – в 2009 г. В 2010 г. таких ударов было нанесено более сотни²⁴. В результате этих атак было убито уже более 1000 человек, из которых только две трети – боевики, а одна треть – мирные жители. Это означает, что в результате каждой операции американских БЛА на территории Пакистана погибает 3–4 мирных жителя и 7–8 боевиков. Если смерть последних не вызывает возражений в Пакистане, то гибель первых каждый раз приводит к массовым протестам и резким выступлениям официального Исламабада. Это объясняет, почему сторонников «Талибана» не становится меньше – каждое убийство мирного жителя в Афганистане и Пакистане является своеобразным «кровавым призывом» поддержать талибов.

Вместе с тем использование БЛА США на территории Пакистана, очевидно, не является нарушением его суверенитета. Согласно сообщениям ряда СМИ, в январе 2008 г. прошла встреча президента П. Мушаррафа, начальника штаба сухопутных войск Ашфака Первеза Кияни, директора национальной разведки США Майкла Макконнела и директора ЦРУ Майкла Хайдена, на которой было заключено американо-пакистанское соглашение о нанесении ударов БЛА США по целям на территории Пакистана без предварительного согласования с властями страны. Вероятно, базы БЛА США находятся не только в Афганистане, но и в Пакистане²⁵.

За фасадом пакистано-афганских официальных отношений

Некоторые эксперты считают, что поскольку Пакистан связывает свои ключевые интересы в Афганистане непосредственно с индийско-пакистанским конфликтом, он пытается рас-

смаатривать проблемы в Афганистане сквозь призму этого конфликта²⁶. К этим проблемам относятся афганско-пакистанский спор о границе, движение за создание государства Пуштунистан, состоящего из частей Афганистана и Пакистана, а также проблемы отношений с Соединенными Штатами, Ираном и среднеазиатскими государствами. Этот подход представляется довольно узким. Во-первых, он не включает попытки политического руководства Пакистана нормализовать отношения с Афганистаном и Индией. На парламентских выборах 2008 г. и президентских выборах 2009 г. эта задача была объявлена приоритетом внешней политики у основных партий.

Во-вторых, помимо внешнеполитических интересов, есть и военно-экономические. Пакистан несет тяжелые потери от войны с терроризмом. Из-за военных действий на территории Пакистана, связанных с операцией в Афганистане, около 300 тыс. человек были вынуждены покинуть свои дома. К этим цифрам надо добавить афганских беженцев в Пакистане, давно сюда переместившихся, численность которых составляет более 3 млн. человек. Несмотря на существование программы по возвращению этих людей домой в Афганистан, большинство из них пока не намерено возвращаться в государство, охваченное войной.

В Пакистане более 12 тыс. мирных граждан погибли от рук террористов (2001–2010 гг.), активизировавшихся с начала военной операции в Афганистане. Погибло около 3 тыс. пакистанских военнослужащих²⁷. Из-за необходимости проводить военные операции в приграничных с Афганистаном районах Пакистан вынужден держать там военные подразделения численностью около 150 тыс. человек, сократив группировку на другом, традиционно считающемся опасным направлении – на Востоке, границе с Индией.

Пакистану оказывается серьезная финансовая помощь Соединенными Штатами, другими странами, а также Фондом поддержки коалиции и международной ассоциацией «Друзья Пакистана» (после наводнения 2010 г. помощь значительно увеличилась, хотя остается недостаточной для ликвидации последствий наводнения). Одни Соединенные Штаты оказали помощь Пакистану объемом более 15 млрд. долл. США (в 2001–2010 гг.), из которых около трети было направлено на решение задач, связанных с безопасностью и обороной.

Но открытым остается вопрос: компенсирует ли эта помощь те экономические потери, которые несет Пакистан из-за

войны в Афганистане. По оценкам эксперта Мохаммада Идриса Хана, восемь лет войны в Афганистане (2001–2009 гг.) стоили Пакистану 35 млрд. долл. США. Негативное влияние на экономику выражается в высокой инфляции (21% в 2009 г.), росте цен на продукты, а также в спаде производства в ряде секторов экономики, прежде всего в энергетике²⁸.

Война в Афганистане способствует росту сторонников радикальных, экстремистских и террористических организаций в Пакистане, что несет угрозу действующим институтам власти. Это дает право некоторым аналитикам говорить о возможности превращения Пакистана в исламистское государство (см., например, мнение одного из разработчиков стратегии «АФПАК» Брюса Риделя²⁹). Возможно, эта угроза не настолько реальна, как это представляется некоторым экспертам, однако полностью ее игнорировать не следует. Пугающим симптомом негативного развития в Пакистане является активизация и трансформация террористической деятельности, произошедшая в середине 2000-х годов.

Рост террористической активности начался в провинции Белуджистан, СЗПП (в 2010 г. переименована в Хайбер-Пахтунхва) и на Территории племен федерального управления (ТПФУ) под непосредственным влиянием событий в Афганистане, однако затем она распространилась по всему Пакистану. Центром афганских талибов и международных террористов в Пакистане первоначально стала Кветта, главный город провинции Белуджистан. Согласно докладу бывшего командующего американскими вооруженными силами в Афганистане Стэнли Маккриснала, в Кветте был сформирован совет, состоящий из 15 человек во главе с муллой Омаром, лидером «Талибана» — «Кветтская шура». Этот совет, по словам генерала, управляет военными операциями талибов на территории Афганистана³⁰.

Однако география арестов показывает, что большинство лидеров «Талибана» и «Аль-Каиды» были задержаны в Карачи, главном городе провинции Синда, который одновременно является финансовой столицей, главным портом и пуштунским эксклавом Пакистана. Очевидно, именно сюда переместились основные лидеры афганских талибов, о чем свидетельствуют аресты в 2010–2011 гг. не только муллы Абдуллы Гхани Барадара, заместителя муллы Омара, но и маулви Абдула Кабира, теневого губернатора афганской провинции Нангархар, муллы Мухаммада Хассана, бывшего министра иностранных дел талибского режи-

ма, муллы Абдула Кайюма Закира, отвечавшего за вооруженные действия талибской милиции, муллы Абдула Рауфа, бывшего руководителя северо-восточного оперативного командования «Талибана», муллы Ахмада Джан Ахундзады, бывшего губернатора афганской провинции Забул, муллы Мухаммада Юниса, бывшего командира кабульской полиции. Эти аресты позволяют говорить о широкой географии активности талибов в Пакистане³¹.

Талибы перешли к активным действиям и в самом Пакистане. В ряде районов провинции Хайбер-Пахтунхва и Территории племен федерального управления ТПФУ, протянувшейся вдоль границы с Афганистаном, они сумели создать параллельные органы власти, устранив террористическими методами соперников в племенной иерархии. В середине первой декады XXI в. в Пакистане сформировалось собственное движение талибов – «Техрик-и Талибан Пакистан» (ТТП).

В начале 2009 г. это движение попыталось укрепить свои позиции в Пакистане, воспользовавшись переходным периодом в стране, связанным с падением режима П. Мушаррафа. Новый президент Асиф Али Зардари, заручившись поддержкой основных политических сил, принял в феврале 2009 г. решение о мирном соглашении с талибами в долине Сват³², что означало введение законов шариата в этой области (одновременно Верховный суд освободил из-под стражи радикального религиозного лидера Абдул Азиза, открыто выступавшего за превращение страны в «истинно исламское» государство). Однако пакистанские талибы, воспринявшие это соглашение как признак слабости центральной власти, в апреле 2009 г. захватили соседний округ Бунер. Они пытались расширить зону контроля, изгоняя из захваченных населенных пунктов гражданскую администрацию и уничтожая племенных лидеров.

С начала мая 2009 г. Вооруженные силы Пакистана при разведывательной и авиационной поддержке США развернули широкомасштабную операцию, результатом которой стало вытеснение талибов из Свата и Бунера и перенос военных действий к границе с Афганистаном – в ТПФУ. Были уничтожены более тысячи экстремистов, включая Бейтуллу Масуда, лидера ТТП. Благодаря этой операции к осени 2009 г. была значительно сужена база талибов в Пакистане, что оказало положительное влияние на ситуацию в соседнем Афганистане. Действия Пакистана были поддержаны Соединенными Штатами, Афганистаном и другими странами.

Обобщая, можно выделить ближайшие конкретные цели политики Пакистана на афганском направлении:

- Снижение террористической угрозы для мирных граждан, государственных учреждений, военнослужащих.
- Нормализация ситуации в приграничных с Афганистаном районах, которая позволила бы, сократив там численность военной группировки, вернуть военных на места их постоянной дислокации (во многих случаях на границе с Индией).
- Улучшение ситуации в Афганистане, благодаря чему в эту страну могли бы вернуться беженцы.
- Ликвидация в экономике негативных последствий влияния «афганской проблемы».

На данном этапе достижение этих целей видится в Исламабаде возможным при условии, во-первых, длительного присутствия вооруженных сил США и других стран НАТО на территории Афганистана, хотя официально это не признается ввиду антиамериканских настроений «улицы». Поэтому Пакистан, который не был приглашен на Лиссабонский саммит НАТО 2010 г., приветствовал озвученный на нем план передать к 2014 г. ответственность за безопасность в Афганистане силовым ведомствам этой страны, выразив одновременно обеспокоенность относительно несоответствия этого плана реальной действительности³³.

Во-вторых, стабилизация ситуации в Афганистане представляется в Пакистане осуществимой только при его непосредственном участии в этом процессе и включении в этот процесс так называемых «умеренных талибов». В последнее время Пакистан ощущает, что его участие в афганских делах сознательно ограничивается западными странами, иллюстрацией чего стало решение НАТО не приглашать пакистанских представителей на Лиссабонский саммит. Вместо них приняли участие представители Объединенных Арабских Эмиратов. Шейх Абдулла бин Зайед Аль Нахайян, министр иностранных дел ОАЭ, заявил на саммите о текущих переговорах между ОАЭ и талибами³⁴. Таким образом, Пакистан теряет монополию на посредничество между талибами, с одной стороны, и США и НАТО, с другой.

Данные сигналы служат основой острого беспокойства Пакистана, опасющегося игнорирования его интересов в процес-

се стабилизации ситуации в Афганистане и роста влияния на это государство со стороны Индии и Ирана. От того, какую политику изберет Пакистан в данных условиях – помощь международным усилиям в Афганистане или препятствование им, – зависит не только успех этих усилий, но и развитие пакистано-афганских отношений в будущем.

¹ Еще будучи премьер-министром в 1953–1963 гг., М. Дауд был главным противником предложения М. Айюб-хана о создании пакистано-афганской конфедерации.

² Cordovez D., Harrison Selig S. Out of Afghanistan. The Inside Story of the Soviet Withdrawal. – New York, 1995. С. 43–44.

³ Белокреницкий В.Я. Из Пакистана и Афганистана в Центральную Азию. Пути распространения исламского радикализма // Афганистан в начале XXI века / Отв. ред. В.Г. Коргун. – М., 2004. С. 101.

⁴ Rashid A. Descent Into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. – New York: Penguin Books, 2009. С. 9.

⁵ Military Balance. 1986–1987. – L., 1987. С. 214.

⁶ Pakistan Economic Survey. 1982–1983. Statistical Annexure. – Islamabad, 1983. С. 185.

⁷ Козырев Н.И. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней. – М., 2010. С. 32.

⁸ Rashid A. Descent Into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. – New York: Penguin Books, 2009. С. 25.

⁹ Козырев Н.И. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней. – М., 2010. С. 69.

¹⁰ Strategic Analysis. N.D., November 1997. С. 1175.

¹¹ Musharraf P. In the Line of Fire: A Memoir. – London, 2006. С. 209–211.

¹² Бхутто Б. Примирение: Ислам, демократия, Запад. – М.: Сабина Пак ЛТД, 2008. С. 117.

¹³ Haqqani H. Pakistan Between Mosque and Military. – Washington, 2005. С. 240.

¹⁴ Rashid A. Descent Into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. – New York: Penguin Books, 2009. С. 25.

¹⁵ Приложение 6. Зуев А.Г. Позиция стран региона в отношении афганской проблемы // Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – М., 2000. С. 100.

¹⁶ Там же.

-
- ¹⁷ Musharraf P. In the Line of Fire: A Memoir. – London, 2006. С. 201.
- ¹⁸ The New York Times. N.Y., 15.10.2001; International Herald Tribune. Frankfurt, 02.11.2001.
- ¹⁹ Weekly Independent. Lahore, 19–25.06.2003.
- ²⁰ Dawn. Karachi, 18.10.2001.
- ²¹ Shahruxh Rafi Khan. Pakistan Under Musharraf (1999–2002). – Lahore, 2004. С. 129–159.
- ²² Defense Journal, October 2003. С. 86.
- ²³ Зарубежное военное обозрение. М., 2003, № 9, с. 76; Время новостей. М., 12.08.2003; Пульс планеты. Азиатско-Тихоокеанский регион. М., 31.10.2003, АК-10.
- ²⁴ Obama's other 'surge': US drone war in Pakistan // Dawn. 24 Dec. 2010.
- ²⁵ Pakistan: Agreement on U.S. Drone Attacks Reported; Other Developments // Facts On File News Services. February 28, 2008 (<http://www.2facts.com/PrintPage.aspx?PIN=2008451960>).
- ²⁶ Grare F. Pakistan Is a Regional Strategy Viable in Afghanistan? / Ed. By A.J. Tellis, A. Mukharji. Washington, 2010. С. 17.
- ²⁷ Ghani R. Pakistan: New Challenges // Voice of Karachi, 24.11.2010. По данным военных источников, за этот период погибло более 1000 человек и было ранено около 22 тыс. человек (Pakistan's Role in War on Terror. – Islamabad: National Defence University, 2011. С. 18).
- ²⁸ Khan M.I. Impact Of War on Terrorism on Pakistan's Economy // Gorkhapatra: The Rising Nepal (http://www.gorkhapatra.org.np/detail.php?article_id=32436&cat_id=7).
- ²⁹ Interview: Pakistan's 'Existential Threat' Comes from Within // Council on Foreign Relations, 06.05.2009 (http://www.cfr.org/pakistan/pakistans-existential-threat-comes-within/p19321?breadcrumb=%20%20%2Fpublication%2Fby_type%2Finterview).
- ³⁰ Walsh D. Strategic Balochistan becomes a target in war against Taliban // The Guardian, 21.12.2009.
- ³¹ Chishti A.K. Quetta Shura is now Karachi Shura // Daily Times, 20.01.2011.
- ³² Белокреницкий В.Я. Особенности внешнеполитического процесса в современном Пакистане // Ближний Восток и современность. Сб. статей. Вып. 41. М., 2010. С. 182–183.
- ³³ Pakistan cautiously backs NATO's Afghan plans // Daily Times, 22.11.2010.
- ³⁴ Ghani R. Pakistan: New Challenges // Voice of Karachi, 24.11.2010.

К.Г. Краснов, В.И. Сотников

АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ИНДИЙСКО-ПАКИСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Индийско-пакистанские отношения отличаются наличием глубоких противоречий. Это проявляется как в вопросах, являющихся предметом традиционных споров между Нью-Дели и Исламабадом (напр., «Кашмирская проблема»), так и в региональных проблемах. Афганистан в полной мере испытал и испытывает на себе соперничество Индии и Пакистана. Анализ отношений между этими тремя государствами позволяет взглянуть на афганскую проблему с точки зрения регионального подхода, под которым могут подразумеваться коллективные усилия по решению этой проблемы, предпринимаемые странами, которые имеют к ней отношение.

В начале 2010 г. на Западе такой подход представлялся неэффективным, поскольку все государства, которых касается афганская проблема, имеют свои интересы в Афганистане, прежде всего по проблемам безопасности. Соперничество между ними приобрело ярко выраженный характер в случаях Индии и Пакистана, Ирана и Соединенных Штатов. Есть также менее острые противоречия между Пакистаном и Ираном¹.

Несмотря на подобное отношение к региональному подходу к афганской проблеме, он представляется естественным элементом ее решения. Без «синхронизации» интересов соседних государств стабилизация ситуации в этой стране, очевидно, затруднительна. Пример Индии и Пакистана, явных государств-соперников, демонстрирует сложности на этом пути.

По разные стороны баррикад

Хотя Индия и Пакистан конкурировали в Афганистане с середины XX в., однако открытое соперничество между ними сложилось в 1990-е гг., когда Пакистан оказывал нескрываемое

мую политическую, военную и экономическую помощь талибам. Индия же кооперировалась с государствами, поддерживавшими Северный альянс, прежде всего с Ираном.

В середине 1990-х гг. окончательно сформировались две группы государств, оказывавших поддержку противоборствовавшим сторонам в Афганистане. Пакистан и Саудовская Аравия поддерживали талибов, Иран, Индия и Россия – Северный альянс. Однако важнейшей задачей для первой из этих групп было создание противовеса укреплению позиций Ирана, который рассматривался ими как политический и стратегический соперник в регионе. Для Пакистана и Саудовской Аравии эта задача становилась более актуальной по мере укрепления ирано-индийского сотрудничества.

Примером соперничества этих двух групп стали альтернативные дипломатические инициативы, предложенные с целью урегулирования ситуации в Афганистане. Так, по инициативе Ирана в октябре 1996 г. в Тегеране состоялась международная конференция «Друзей и соседей Афганистана» на уровне министров иностранных дел с целью поисков регионального решения афганской проблемы. В ней приняли участие Индия, Иран, Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Киргизия, представители ООН и Организации Исламская конференция (ОИК). Несмотря на возражения Пакистана, Иран пригласил на конференцию Индию.

Пакистан же, который последним получил приглашение на конференцию, отказался участвовать в ней, признав подобные мероприятия бесполезными до тех пор, пока сами афганцы не начали вести переговоры между собой². Не приняла участие в конференции и Саудовская Аравия. Это государство оказывало давление на Индию, пытаясь воспрепятствовать ее сотрудничеству с Ираном на афганском направлении.

Аргументация Пакистана, предлагавшего в качестве обязательного условия вести переговоры с талибами, была обусловлена его желанием играть главную роль в представлении интересов «Талибана» на этих переговорах, при этом активно содействуя ООН в налаживании диалога между талибами и Северным альянсом. Это желание было продиктовано интересом Пакистана исключить из переговорного процесса Индию.

Дипломатический успех для Пакистана означало начало в 1997 г. переговорного процесса в формате «6+2» (шесть граничащих с Афганистаном государств, Россия и США)³. Данный

формат был предложен президентами Узбекистана и Кыргызстана Исламом Каримовым и Аскармом Акаевым, однако Пакистан с энтузиазмом поддержал эту инициативу, поскольку она не подразумевала участия Индии.

Фактор недоверия

После терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. США потребовали от Пакистана оказать давление на талибов, поставив условием выдачу Усамы бен Ладена, главы «Аль-Каиды». Позиция Пакистана вызвала недовольство, с одной стороны, талибов и, с другой, – США. Он был вынужден изменить свою политику в отношении «Талибана», установив контакты с Северным альянсом, а также с поддерживающими его Индией и Ираном. Исламабад сумел наладить отношения и с новым правительством Афганистана во главе Хамидом Карзаем (президент с 2004 г.), который в своей внешней политике вынужден уделять внимание Индии и Ирану.

Однако возможности выработать подход к афганской проблеме в рамках региона так и не были реализованы ни Пакистаном, ни Индией. Этому препятствовали не только их двусторонние противоречия, но и давление со стороны США.

Несмотря на общность декларируемых интересов США, Пакистана и Индии по борьбе с терроризмом в Афганистане, эти страны до настоящего времени так и не смогли объединить антитеррористические усилия в Афганистане по ряду причин, помимо нежелания Пакистана признавать наличие индийских интересов в Афганистане.

Во-первых, США так и не предложили комплексную стратегию для Афганистана, направленную на решение не только военно-политических, но и социально-экономических задач⁴. Даже в военных вопросах существуют острые противоречия между политиками и военными.

В Индии и Пакистане подобная неопределенность не была понята. По мнению авторитетного индийского политолога Гопаласвами Партхасаратхи, объявление Б. Обамы о начале вывода войск из Афганистана в середине 2011 г., а также отсутствие взаимопонимания между госсекретарем Х. Клинтон и министром обороны Р. Гейтсом по этому вопросу негативно сказываются на перспективах стабилизации ситуации в Афганистане.

По мнению Г. Партхасаратхи, это наносит ущерб интересам как Афганистана, так и Индии, поскольку планы насчет скорого вывода войск США дают террористическим и экстремистским организациям надежду на то, что превращение Афганистана в безопасную базу для их деятельности – это вопрос времени⁵.

Вторая причина, затрудняющая сотрудничество США, Пакистана и Индии в Афганистане, по словам бывшего заместителя госсекретаря Николаса Бернса, заключается в том, что во внешней политике администрации Б. Обамы в целом и ее политике в Афганистане, в частности, Индия ныне играет менее важную роль, чем Пакистан и Китай⁶.

Многие представители государственных органов, экспертного сообщества и СМИ Индии полагают, что Белый дом, осознающий потенциал Индии в решении «афганской проблемы», не спешит признать и использовать его в рамках равноправного партнерства⁷. Такое отношение к Индии было, в частности, продемонстрировано на международной конференции по Афганистану, прошедшей в Лондоне в феврале 2010 г.

Очевидно, что в этом вопросе Соединенные Штаты проявляют осторожность ввиду опасений Исламабада, который рассматривает усилия Индии в Афганистане как деятельность, наносящую ущерб безопасности Пакистана. Снятию этих опасений, по мнению некоторых индийских авторов, должен способствовать отказ Нью-Дели от военного участия в стабилизационной стратегии в Афганистане. Кроме того, в Индии полагают, что серьезные озабоченности Пакистана могут быть сняты в рамках как двустороннего диалога между Индией и Пакистаном, так и четырехстороннего – между США, Индией, Пакистаном и Афганистаном⁸.

В-третьих, в Индии наблюдается недоверие не только к Пакистану, но и к Соединенным Штатам, которые, как предполагают в Нью-Дели, непоследовательны в борьбе с терроризмом, поскольку не ведут достаточно эффективную борьбу с экстремистскими и террористическими организациями, базирующимися в афганско-пакистанском приграничье, в Пакистане и Кашмире и представляющими угрозу безопасности Индии⁹. В Нью-Дели подозревают, что Вашингтон сознательно не делится с Индией информацией об этих организациях, которую можно было бы использовать для оказания давления на Пакистан.

Более того, в Индии высказываются опасения, что США и НАТО косвенно способствуют росту террористической угрозы в Афганистане, Пакистане и в регионе в целом. Одной из причин

этих опасений является проблема контроля вооружений в Афганистане. Так, из 242 тыс. единиц стрелкового оружия, переданного Соединенными Штатами афганским вооруженным силам в 2004–2008 гг., около 87 тыс. единиц (36%) считается пропавшими. В Индии полагают, что пропавшее оружие могло попасть к талибам из террористических организаций, некоторые из которых ведут свою деятельность и на территории Индии¹⁰.

Другой важной причиной опасений Индии является финансовая и военно-техническая помощь, которую оказывают США вооруженным силам и специальным службам Пакистана. По некоторым оценкам, после террористических актов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке финансовая помощь США Общевоинской разведке (ОВР) Пакистана составляла в некоторые годы до трети ее бюджета. Поскольку в Индии сохраняются подозрения в связях ОВР с экстремистами и террористами, высказываются предположения о том, что помощь США может частично перенаправляться в их организации¹¹.

Именно эти организации обвиняются Индией в организации терактов против граждан Индии на территории Афганистана, Кашмира и в самой Индии¹².

Интересы Пакистана и Индии в Афганистане: возможность «синхронизации»

Как видится, и Индия, и Пакистан заинтересованы в снижении террористической угрозы в Афганистане. Однако для Пакистана данный интерес связан с желанием Исламабада, во-первых, сократить численность военной группировки на границе с Афганистаном с тем, чтобы вернуть своих военнослужащих в районы постоянной дислокации на границах с Индией, и, во-вторых, уменьшить количество афганских беженцев в Пакистане.

В Индии основной угрозой, исходящей из Афганистана и Пакистана, является трансграничный терроризм. Говоря об интересах Индии в Афганистане, видимо, необходимо выделить следующие задачи:

- 1) противодействие терроризму и исламскому радикализму в Афганистане и регионе Южной Азии;
- 2) создание независимого афганского государства, не сотрясаемого внутренними вооруженными конфликтами;

- 3) развитие и укрепление в Афганистане и регионах Южной, Юго-Западной и Центральной Азии торгово-экономических связей, увеличение потоков транзита товаров (и особенно транзита энергоресурсов из центральноазиатских республик);
- 4) продление иностранного присутствия в Афганистане до тех пор, пока не будет полностью исключена возможность возвращения к власти талибов.

По мнению ряда индийских экспертов, обеспечение первых трех задач предусматривает противодействие деструктивной деятельности Пакистана на территории Афганистана, который, по мнению Нью-Дели, спонсирует терроризм, в том числе и на средства, которые он получает в рамках помощи от США и других стран. Пакистан же рассматривает деятельность Индии в Афганистане как подрывающую его интересы.

Если серьезные озабоченности Индии связаны с использованием Пакистаном террористических и радикальных организаций в спорном Кашмире, то опасения Пакистана связаны с продолжающимся, по мнению Исламабада, спонсированием Индией сепаратистских движений белуджей и пуштунов.

* * *

Сложившаяся ситуация позволяет некоторым экспертам говорить об индийско-пакистанской «непрямой войне» в Афганистане («проху war»). И хотя это выражение вошло в Военную доктрину сухопутных войск Индии (правда, в основном в связи с Кашмиром), признание их «непрямой войны» в Афганистане представляется деструктивным, поскольку данное понятие институционализирует двусторонние противоречия, ограничивая возможность учета интересов двух стран.

Сопоставляя интересы Индии и Пакистана в Афганистане, видится, что оба государства заинтересованы в снижении террористической угрозы при соблюдении интересов обеих сторон в регионе и Афганистане. Именно эти интересы, по всей вероятности, смогут позволить «синхронизировать» афганскую политику Индии и Пакистана, тогда как вопросы о послевоенном политическом устройстве, наоборот, затруднят.

На настоящий момент в присутствии вооруженных сил США и НАТО в Афганистане в разной степени заинтересованы и Индия, и Пакистан. Видимо, поэтому в двух южноазиатских

столицах с настороженностью восприняли заявление американского президента о грядущем выводе военных подразделений США из Афганистана.

Внешнее влияние могло бы способствовать преодолению политических разногласий между Нью-Дели и Исламабадом и выработке регионального подхода к афганской проблеме, однако при текущей политике Вашингтона в Южной Азии это представляется маловероятным.

¹ Tellis A.J. Implementing a Regional Approach to Afghanistan // Is a Regional Strategy Viable in Afghanistan? / Ed. By A.J. Tellis, A. Mukharji. – Washington, 2010. С. 117, 123–124.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 295.

⁴ Топычканов П.В. Выборы под дурманом // The New Times. 2009. Окт. 26. №38; Афганистан: проблема – не «Талибан», а отсутствие комплексной стратегии // Московский Центр Карнеги. 19.02.2010 (<http://www.carnegie.ru/ru/news/84102.htm>).

⁵ Parthasarathy G. Uncertainty in India-US relations // Business Line, 01.01.2010.

⁶ Libit D., Rozen L. Roemer key to U.S.- India relationship // Politico, 23.11.2009.

⁷ U.S-Europe ignoring India's role in Afghanistan to appease Pak // Indian Express, 09.02.2010.

⁸ Shenai N. The Critical U.S.-India Relationship // The American: The Journal of the American Enterprise Institute, 18.11.2009.

⁹ Curtis L. After Mumbai: Time to Strengthen U.S.-Indian Counterterrorism Cooperation // The Heritage Foundation: Backgrounder. 2008. Dec. 9. No. 2217. С. 8.

¹⁰ Kumar A. US War on Terror and Indian Security Interests // Institute for Defence Studies and Analyses, 11.12.2009. (http://idsa.in/idsacomments/USWaronTerrorandIndianSecurityInterests_akumar_111209).

¹¹ Ibidem.

¹² См.: Нессар О. Региональное соперничество и террористическая активность на Среднем Востоке // Формирование образа России в мире в контексте Афганского кризиса и создания системы региональной и глобальной безопасности / Сост. М.А. Шпаковская. – М.: РУДН, 2010. С. 241–248.

ИНДИЯ И АФГАНИСТАН В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Вот уже более двух десятилетий события внутри и вокруг Афганистана находятся в эпицентре политических и военно-стратегических интересов как соседних и близлежащих стран, так и держав, расположенных в иных геополитических регионах. Ситуация вокруг Афганистана резко обострилась после трагических событий 11 сентября 2001 г., так как именно на эту страну обрушилась кара за террористические акты, совершенные в Нью-Йорке и Вашингтоне, так как именно здесь, на контролируемой талибами территории нашел убежище идеолог и организатор этих преступлений Усама бен Ладен.

Немوتря на то, что при нынешнем межгосударственном разграничении и фактическом разделе Кашмира Индия лишилась общей границы с Афганистаном, эти страны находятся в едином геополитическом пространстве, поддерживают традиционные связи в политической, торгово-экономической и культурной областях. Индия рассматривает Афганистан как находящийся в сфере ее жизненных интересов. Стабильность, прекращение вооруженных столкновений внутри Афганистана, сохранение его территориальной целостности и незыблемости существующих границ – необходимые условия для нормализации обстановки во всем центральноазиатском регионе, для решения ряда внутренних проблем Индии, они являются важным фактором в ее взаимодействии с соседним Пакистаном. Для многонациональной, поликонфессиональной Индии как федеративного государства с тенденциями к сепаратизму в ряде стратегически важных регионов страны обострение ситуации в сопредельном Афганистане может стать серьезным фактором дестабилизации обстановки как внутри страны, так и на ее границах.

Отсутствие общей границы, казалось бы, снижало опасность дестабилизации внутренней обстановки в Индии и угрозу

ее национальной безопасности в связи с многолетними вооруженными столкновениями в Афганистане и внешним военным вмешательством в его внутренние дела. Индия и Афганистан разделены территорией Пакистана – государством, которое находится в состоянии длительной и временами острой конфронтации с Индией и которое оказывало всестороннюю поддержку силам, оппозиционным правящим режимам Кабула, включая исламских экстремистов из движения "Талибан". И хотя, как утверждал бывший посол Индии в Афганистане В. Катджу, Пакистан не является «фактором» в разработке афганской политики страны и Индия «не смотрит на Афганистан сквозь очки какой-либо третьей страны»¹, тем не менее в Дели не могут не учитывать роль Пакистана в развитии событий в Афганистане и вокруг него еще с конца 1970–1980 годов прошлого века. В противостоянии различных группировок в Афганистане Индия традиционно поддерживала в политическом и военном отношении Северный альянс, представленный преимущественно этническими таджиками, т.е. силы, враждебные Пакистану². Более того, руководство Индии не без оснований обвиняло Пакистан в том, что с его территории осуществлялось проникновение через линию контроля в штате Джамму и Кашмир боевиков для организации террористических действий на индийской территории, и значительная часть их – афганские моджахеды.

Наконец, свои действия в отношении Афганистана Индия осуществляет с учетом т.н. исламского фактора: населяющее ее «мусульманское меньшинство» насчитывает более ста двадцати миллионов. Поэтому приход к власти в Афганистане исламских экстремистов из движения «Талибан» по определению не мог не вызывать беспокойства Дели из-за опасения усиления роли радикальных исламских группировок в самой Индии. Она заинтересована также и в том, чтобы территория Афганистана впредь не использовалась как тренировочный лагерь для кашмирских боевиков и появилась реальная возможность осуществления контроля над потоками контрабанды, наркотиков и «грязных» денежных масс, проходящих через территорию Афганистана.

После дезинтеграции Советского Союза поддержание нормальных добрососедских отношений с Афганистаном стало для Индии необходимым условием развития ее связей с новыми независимыми государствами Центральной Азии. От ситуации в Афганистане зависят возможности развития экономиче-

ского сотрудничества Индии с центральноазиатским миром, так как через его территорию проходят все коммуникационные связи между Южной и Центральной Азией, которые могут облегчить Дели доступ к энергетическим ресурсам региона.

В период пребывания советских войск в Афганистане Индия, несмотря на принципиальную позицию осуждения всякого вооруженного вмешательства одного государства во внутренние дела другого, не выступала с прямым осуждением советского вторжения в Афганистан. После вывода советских войск из Афганистана и дезинтеграции Советского Союза позиции России и Индии по афганскому вопросу сблизились и в настоящее время очень близки или практически совпадают.

Еще в марте 1996 г., накануне визита в Индию тогдашнего министра иностранных дел России Е.М. Примакова, индийская газета «Хиндустан Таймс» отмечала сходство позиций России и Индии, осуждающих захват талибами значительной части территории Афганистана и вмешательство Пакистана, США и некоторых стран Персидского залива во внутренние дела страны, расценивая эти действия как угрожающие региональной безопасности и содействующие распространению исламского фундаментализма. Утверждение власти талибов расценивалось как в Москве, так и в Дели в качестве угрозы их стратегическим интересам в регионе. Россия и Индия выступили за мирное политическое урегулирование ситуации путем переговоров между враждующими группировками, осудили действия фундаменталистских и экстремистских сил и призвали страны региона воздерживаться от вмешательства во внутренние дела других государств.

Кроме России и Индии, прямое вмешательство Пакистана в афганские дела и поддержку им движения «Талибан» осудил и Иран, который заинтересован в формировании постоянно действующего торгового пути в республики Центральной Азии через территорию Афганистана, что невозможно без установления там стабильного режима. В этот проект вовлечена и Индия, которая в случае стабилизации обстановки в регионе сможет использовать планируемые торговые пути для выхода в районы Центральной Азии.

В ходе переговоров с министром иностранных дел Ирана Али Акбара Велаяти была подтверждена общность позиций двух стран в оценке афганской ситуации. Вице-президент Индии К.Р. Нараянан в ходе визита в Иран в конце октября 1996

г. заявил, что Индия и Иран должны совместными усилиями способствовать установлению мира в Афганистане и предотвратить укрепление стратегических позиций внерегиональных держав в этой стране и во всем регионе.

По инициативе Ирана в последних числах октября 1996 г. в его столице состоялась международная «Конференция друзей и соседей Афганистана» на уровне министров иностранных дел с целью поисков регионального решения афганской проблемы. В ней приняли участие Россия, Иран, Индия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Киргизия, представители ООН и ОИК. Характерно, что получивший приглашение последним Пакистан отказался от участия в конференции на том основании, что считает такого рода форумы бесполезными, пока сами афганцы не начали вести переговоры между собой.

Выступая 4 ноября 1996 г. в Хараре на брифинге, тогдашний министр иностранных дел Индии И.К. Гуджрал, в частности, отметил важность выдвинутой Ираном региональной инициативы созыва конференции и напомнил, что некоторые страны (он имел в виду Пакистан) выступали против участия Индии в региональных действиях по урегулированию афганской ситуации, и именно Иран настоял на ее привлечении как крупнейшей региональной державы, которая не должна оставаться в стороне от этих действий. В момент резкого обострения ситуации в Афганистане в связи с успешным наступлением талибов МИД Индии 12 октября 1996 г. выступил с официальным заявлением, в котором резко осудил казнь бывшего президента Наджибуллы, возобновление активных военных действий, утверждение исламской фундаменталистской и экстремистской идеологии и нарушения прав человека. Индия предоставила убежище членам семьи казненного президента. Индийское правительство подтвердило заинтересованность в единстве, независимости и территориальной целостности Афганистана и призвало к мирным переговорам между афганскими группировками без вмешательства внешних сил. В заявлении выражалась поддержка усилий ООН и готовность Дели участвовать во всех международных действиях, направленных на урегулирование ситуации в Афганистане.

16 октября 1996 г. постоянный представитель Индии в ООН Пракаш Шах на заседании Совета Безопасности выступил со специальным заявлением по поводу положения в Афганистане. Он напомнил, что Индия по-прежнему официально

признает правительство президента Б. Раббани. По мнению Дели, как только гражданская война в Афганистане закончится, великие державы и соседние страны должны договориться о том, что Афганистан не будет впредь использоваться внешними силами в своих интересах. Индия была одним из инициаторов проведения конференции по Афганистану под эгидой ООН, состоявшейся в ноябре 1996 г. в Нью-Йорке, в которой участвовали представители 19 государств, в том числе США, Пакистан, Иран, государства Центральной Азии (кроме Таджикистана), Турция, Китай, ведущие европейские державы и др. Индийский представитель К. Рангунатх выступил за предоставление народу Афганистана возможности самому решать свою судьбу, без всякого вмешательства извне, высказался за необходимость прекращения насилия и демилитаризацию Кабула с тем, чтобы создать условия для процесса политического урегулирования. Конференция высказалась за уважение единства, целостности и суверенитета Афганистана³.

События в Афганистане после падения режима Наджибуллы расценивались в Индии как противоречащие интересам ее безопасности еще и потому, что ситуация была использована Пакистаном, в том числе и с целью интернационализации кашмирской проблемы. После 1992 г. резко усилилось проникновение на территорию Кашмира афганских моджахедов-террористов, прошедших специальную подготовку в лагерях, расположенных на приграничной Индии территории Пакистана. Значительная часть западного оружия, поставлявшегося афганским моджахедам, была переправлена кашмирским сепаратистам, резко активизировавшимся в конце 80-х годов⁴.

Многие аналитики сходятся во мнении, что, несмотря на заявления о готовности принять активное участие в афганском урегулировании, на практике Индия была вынуждена играть скорее пассивную роль, что можно объяснить как стремлением Пакистана не допустить ее к процессу урегулирования, так и фактическим отсутствием у Дели реальных рычагов воздействия на ситуацию⁵.

С конца лета 1999 г. индийское руководство демонстрировало готовность перейти к более активной политике в отношении Афганистана. Так, 31 августа 1999 г. министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх в беседе с журналистами в Дели заявил о решении правительства А.Б. Ваджапайи пересмотреть официальную политику страны в отношении Афганистана и

перейти от видимого «безразличия» к необходимой «активности»⁶. Два высокопоставленных индийских дипломата в связи с этим были направлены в Вашингтон, где 2 сентября 1999 г. вели переговоры с помощником Государственного секретаря США по делам Южной Азии Карлом С. Индерфертом относительно мер противодействия активной подпольной террористической деятельности в странах региона после захвата талибами 90% территории Афганистана⁷.

Причины активизации и ужесточения политики Индии в отношении Афганистана кроются в вышедших за пределы страны и региона последствиях утверждения там у власти движения «Талибан», повлекшего за собой установление жесткого исламистского режима в их собственном понимании этого слова со всеми вытекающими последствиями, прежде всего для самой страны, а также для ее общения с внешним миром. Негативную реакцию в мире вызвали массовые нарушения прав человека на территориях, контролируемых талибами, в особенности в отношении женщин, положение которых возвратило их к периоду глубокого средневековья. Талибы открыто поддерживали «главного международного террориста» Усаму бен Ладена, который прочно обосновался в Афганистане и активно участвовал в борьбе против кабульского режима, на что крайне отрицательно реагировало мировое сообщество. Инициатором осуждения талибов вплоть до введения против них международных политических и экономических санкций выступили США, которые вместе с Саудовской Аравией и Пакистаном по существу создавали, а затем содействовали укреплению позиций движения «Талибан». Изначально расчет был на то, что победа талибов окончательно ликвидирует все последствия пребывания у власти «просоветского» режима и будет способствовать стабилизации положения в Афганистане, а сам их режим, по мнению представителей Госдепартамента США, «хотя и является фундаменталистским, однако не следует принципам антиамериканизма по типу иранского»⁸. Однако последующие действия талибов в Афганистане привели к отказу Вашингтона от поддержки движения «Талибан», а предоставление ими гостеприимства бен Ладену было воспринято с осуждением и беспокойством.

В результате бен Ладен был объявлен «врагом номер один» для США, которые потребовали его депортации в США, Египет или Саудовскую Аравию для начала над ним судеб-

ного процесса, а за помощь в его поимке было обещано 5 млн. долларов.

«Главный международный террорист», со своей стороны, объявил «джихад» двум странам – сначала Соединенным Штатам, а затем и Индии. Заявление о священной войне против Индии было сделано в начале октября 1999 г. в Джелалабаде. В нем, в частности, говорилось: «Нашими самыми большими врагами являются США и Индия, и мы должны преподать им хороший урок». Далее в заявлении сказано, что «действия Индии в Кашмире убийственны», и бен Ладен готов «помогать кашмирским моджахедам». При этом все «джихадские» соединения боевиков, в том числе и в Пакистане, должны объединиться в борьбе против двух государств – США и Индии.

Таким образом, Индия оказалась одним из объектов террористической деятельности, организуемой и вдохновляемой с территории соседних государств, и именно штат Джамму и Кашмир стал объектом открытых угроз вмешательства со стороны самых известных террористов – бен Ладена и афганских моджахедов.

Важнейшим фактором, определившим озабоченность Индии в связи с событиями в Афганистане, стало доказанное многочисленными свидетельствами участие проникающих из соседнего Пакистана афганских моджахедов в террористической деятельности на территории индийского штата Джамму и Кашмир.

Отдельные факты такого участия были известны еще в период войны в Афганистане в 80-х годах. Эта война привела к широкому распространению оружия по всему региону и вызвала эскалацию насилия. Моджахеды из Афганистана действовали в составе таких групп, как «Харкут аль-Ансар» и «Аль-Фаран», которые позднее, в 1995 г., оказались замешаны в захвате в Кашмире 5 западных туристов. Как сообщалось, такого рода «иностранцы» воинствующие группы могли проникать в Джамму и Кашмир только через территорию Пакистана⁹.

Численность боевиков афганского происхождения в Кашмире постоянно менялась. В сети Интернет имеется специальная индийская страница «Правда о Кашмире», на которой в марте 1999 г. была представлена статья «Талибан и Кашмир»¹⁰. Ее авторы приводят точку зрения ряда аналитиков в Кашмире и Индии, утверждающих, что в результате победы талибов в Афганистане увеличился приток в Кашмир ислам-

ских боевиков с целью участия в необъявленной войне против Индии. Однако авторы статьи полагают, что вряд ли кашмирцы с традиционной совместимостью и религиозной терпимостью населяющих Джамму и Кашмир мусульман, буддистов и индуистов будут готовы принять талибов со всеми их исламистскими экстремистскими и фундаменталистскими принципами и моралью. Для кашмирцев афганское владычество в Кашмире с 1752 по 1819 г. связано с воспоминаниями о терроре и жестокости, поэтому, как отмечается в статье, привлечение некоторыми экстремистскими группировками к участию в «необъявленной войне» в Кашмире талибов расценивается как «шокирующее и безответственное». Таким образом, талибам вряд ли удастся прочно укрепиться в Кашмире, создав там свои базы.

Это не означает, однако, что афганские моджахеды не участвовали и не участвуют в вооруженной борьбе на территории штата Джамму и Кашмир. Они находятся на территории Индии, однако их численность не так уж велика. Тот же источник приводит печальную статистику: процент афганцев из общего числа убитых в Кашмире иностранных наемников. Конечно, такого рода статистика не может прямо отражать реальное число наемников, участвовавших в военных действиях, однако некоторое представление по этим данным получить можно. Так, в 1993 г. афганцы составили 62% погибших, в 1994 – 42%, в 1995 г. их число снизилось до 14%, по-видимому, в связи с резким обострением борьбы внутри самого Афганистана. В 1996 г., уже после захвата талибами Кабула и большей части территории страны, их процент вновь поднялся до 41, а затем опять стал постепенно сокращаться, в 1997 г. – до 23% и в 1998 г. – до 19%.

С начала мая 1999 г. и в течение последующих трех месяцев в районе Каргил на севере индийского штата Джамму и Кашмир развернулись боевые действия между индийскими воинскими подразделениями и исламскими боевиками, которые перешли линию фактического контроля, разделяющую Индию и Пакистан, и таким образом незаконно вторглись на территорию Индии. В составе боевиков, помимо пакистанских военнослужащих и местных борцов за пересмотр существующего статуса штата Джамму и Кашмир, действовали прошедшие специальную подготовку в лагерях на территории Пакистана моджахеды из других исламистских государств, прежде всего из Афганистана, которые обучались не только в лагерях, но и непосред-

ственно в боевых условиях в разных частях мира – от самого Афганистана до Югославии, Таджикистана, Дагестана, Чечни и др. Участие афганских боевиков в антииндийских военных действиях в Каргиле неоднократно подтверждалось в сообщениях мировой прессы и информационных агентств. Об этом сообщило агентство Рейтер¹¹, лондонская газета «Экономик Таймс»¹², немецкая «Ди Вельт»¹³. Об этом писал в «Интернэшнл Геральд Трибьюн» известный эксперт по Среднему Востоку Селиг Харрисон¹⁴. Р. Шур пишет в голландской газете «Хандельсблат», что после окончания активной борьбы в Афганистане «у тысяч исламских борцов оказались развязаны руки для нового джихада, священной войны против индусских правителей исламской Кашмирской долины, для чего они обучались в дюжине лагерей и медресе (школ по изучению корана) таких фундаменталистских групп, как Лашкар-е-Тайаба и Хизб-уль-Муджахинидин, расположенных в пакистанском "Азад Кашмире" и Афганистане»¹⁵.

Известный индийский эксперт по проблемам обороны и безопасности бывший директор Института оборонных исследований и анализа Джасджит Сингх в статье «Четвертая война с Пакистаном» в числе причин, по которым Пакистан начал агрессию против Индии, называет, например, такую, как стремление установить с помощью моджахедов из движения «Талибан» коридор для военных поставок через Линию фактического контроля, перерезать и захватить дорогу от перевала Зоила до столицы Ладакха города Лех и таким образом осложнить доступ для индийской армии в район Ладакха. Кроме того, как считает Дж. Сингх, отряды моджахедов из движения «Талибан» могут использовать занятые Пакистаном позиции на высотах Драсс-Каргил-Баталик, чтобы занять Ладакх, а затем проникнуть в Кашмир с севера, в результате чего Индия с трудом сможет удержать район ледника Сиачин и сам Ладакх, а оттуда – прямой доступ в Кашмирскую долину¹⁶. Таким образом, пакистанские стратеги стремились в полной мере использовать готовых им служить афганских наемников.

В ходе военных действий боевики широко использовали западное оружие, включая ракеты «Стингер», поставлявшиеся США для борьбы против советских войск и «просоветского» режима в Афганистане. Так, индийская газета «Индиан экспресс», ссылаясь на официальные источники, сообщила, что проникшие на территорию Кашмира боевики, включая солдат

пакистанской армии и афганских моджахедов, использовали ракеты «Стингер», официально считавшиеся «исчезнувшими». ЦРУ предприняло попытку скупить оставшиеся после ухода советских войск «Стингеры» за 8 тыс. долларов каждый, но официальные источники сообщили, что им удалось обнаружить лишь их незначительную часть, а 120 штук объявлены «пропавшими». Именно эти ракеты использовались боевиками для противодействия индийским войскам, и именно этими ракетами были сбиты два индийских МИГа и вертолет МИ-17 индийских ВВС в ходе бомбардировок укреплений боевиков в конце мая 1999 года в районе Каргил¹⁷.

События в Каргиле и активное участие в них на стороне Пакистана афганских моджахедов стали той последней каплей, которая переполнила чашу терпения индийских руководителей и окончательно привела их к осознанию необходимости внести коррективы в политику в отношении Афганистана. Эти события совпали с объявлением бен Ладеном джихада одновременно Индии и США. По-видимому, с этим обстоятельством и было связано начало индийско-американских консультаций по Афганистану и разработка возможных действий относительно движения «Талибан». Таким образом, индийская и американская позиции в отношении Афганистана и движения «Талибан» объективно совпали. Следует вспомнить также, что, несмотря на давние союзнические отношения с Пакистаном, в момент индо-пакистанского конфликта в Каргиле США признали факт незаконного вторжения Пакистана на территорию Индии и поддерживали ее требования о немедленном выводе групп пакистанских воинских подразделений, боевиков и афганских моджахедов с индийской территории.

В течение первой недели после террористического акта 11 сентября 2001 г., во время которого погибло как минимум 250 индийцев, Индия заявила о готовности оказать поддержку США и Великобритании в осуществлении ими карательных акций в отношении талибов, включая предоставление возможности дозаправки самолетов антитеррористической коалиции на военных базах Индии. 29 сентября направлявшийся в Центральную Азию военно-транспортный самолет ВВС США «Геркулес С-130» совершил промежуточную трехчасовую посадку для дозаправки на базе индийских ВВС Палам близ Дели. Индийское руководство передало Соединенным Штатам разведывательные данные о деятельности руководства движения

«Талибан» и террористических групп, действующих на территории Афганистана, полученные из записей переговоров кашмирских боевиков с их агентами в Афганистане с использованием спутниковой связи. Наконец, Индия передала видеокассеты с записью занятий в тренировочных лагерях, расположенных на «пакистанской» части Кашмира, где в качестве мишеней для стрельбы использовались фотографии президента США Б. Клинтона. Индия была готова предоставить США и свои военные базы для постоянного базирования, однако необходимость в этом отпала в связи с активной поддержкой действий антитеррористической коалиции со стороны президента Пакистана генерала П. Мушаррафа, который таким образом – и достаточно успешно – добивался возврата тех времен, когда Пакистан выступал в качестве основной опоры американской стратегии в регионе. Это обстоятельство вызывало серьезную озабоченность Индии, которая рассчитывала на то, что активная борьба мирового сообщества с терроризмом поможет ей добиться официального осуждения Пакистана как пособника террористов в Кашмире, вынудит Исламабад принять меры для прекращения террористической деятельности на территории штата Джамму и Кашмир.

Заявив о поддержке антитеррористических действий США и их союзников, руководство Индии рассчитывало на определенные ответные действия и со стороны США. Действительно, Вашингтон пошел на снятие санкций с Индии (так же, как и с Пакистана), наложенных после осуществления ими в мае 1998 г. ядерных испытаний, и осудил террористические акты в Кашмире, однако более конкретной поддержки по кашмирской проблеме Индия не получила. Так, Дели был заинтересован в признании Кашмира зоной террористических действий, включения групп кашмирских боевиков в общий список наиболее опасных террористических группировок, блокировании банковских счетов исламистских кашмирских организаций, осуществляющих террористическую деятельность на территории Индии, наконец, в признании Вашингтоном причастности Пакистана к экстремистским действиям в Кашмире. Однако руководство США не учло эти просьбы Индии и не выступило с осуждением Пакистана, который, полностью поддержав «антитеррористический интернационал», вновь оказался в эпицентре американской политики и американских интересов в Южной Азии.

Индия принимала участие в переговорах руководителей стран – членов антитеррористической коалиции по проблемам

будущего политического устройства Афганистана. По мнению индийского руководства, Афганистан нуждается в правительстве, которое будет представлять все этнические группы и бороться с экстремизмом, терроризмом и наркобизнесом. Подчеркивалось, что Индия традиционно являлась близким партнером Афганистана в его стремлении к экономическому и политическому развитию, оказывала соседней стране разностороннюю помощь и всегда была готова сотрудничать с независимым, пользующимся широкой поддержкой населения, представляющим различные национально-этнические группы правительством Афганистана. Было принято решение о предоставлении Афганистану гуманитарной помощи, включающей один миллион тонн пшеницы, палатки, легкие и теплые одеяла, а также медицинской помощи и возможности реабилитации для жертв террора и военных действий на территории Индии. Она подтвердила готовность после установления на территории Афганистана мира и порядка участвовать в восстановлении его народного хозяйства, инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, главным образом под эгидой основанной в 1979 г. Индийской организации по вопросам технического и экономического сотрудничества. Индия рассчитывала на то, что в будущем Афганистан не будет культивировать на своей территории экстремизм или фундаментализм, не останется мировым центром по торговле наркотиками. «Нейтрализация» Афганистана как базы террористов, ликвидация тренировочных лагерей боевиков, ранее находившихся близ границ Джамму и Кашмира, а затем переместившихся на территорию Афганистана, напрямую отвечает интересам безопасности Индии.

Принимая решение об участии в «антитеррористическом интернационале», индийское руководство опасалось, что эти действия могут быть сознательно интерпретированы не как борьба с терроризмом, а как борьба с исламом, на что реакция индийских мусульман могла быть непредсказуемой. Правительство Индии еще в середине сентября 2001 г. дало указание полиции принимать необходимые меры для предотвращения столкновений между индусами и мусульманами в связи с поддержкой Индией намечавшихся действий Вашингтона против Усамы бен Ладена. Однако избежать антиправительственных выступлений исламистов, осуждающих официальную поддержку Дели карательных действий антитеррористической коалиции против ислама, не удалось.

После разгрома основных группировок талибов и установления в Афганистане режима, представляющего умеренные политические силы, Индия предполагала, что поддержка кашмирских боевиков, по крайней мере с этой стороны, может быть ограничена, что будет содействовать общей стабилизации обстановки в Кашмире и в стране в целом. Однако, если ситуация в Кашмире в последнее время имеет тенденцию к стабилизации, то это скорее связано с внутренними факторами, а не с прекращением поддержки талибами кашмирских боевиков.

Вырабатывая позицию по афганской проблеме, индийское руководство обсуждало эту проблему с Россией – стратегическим союзником Индии, также непосредственно заинтересованной в стабилизации обстановки внутри и вокруг Афганистана.

Традиционно Индия и Россия придерживались в целом сходных или близких позиций в оценке ситуации в Афганистане. Утверждение власти талибов расценивалось как в Москве, так и в Дели в качестве угрозы их стратегическим интересам в регионе. Совпали их взгляды и при обсуждении вопроса о будущем этой страны после ликвидации правления движения «Талибан».

В период резкого противостояния в Афганистане в связи с наступлением талибов и Россия, и Индия поддерживали Северный альянс. Как сообщила индийская газета «Хинду» 31 октября 2000 г., лидер Северного альянса Ахмад-шах Масуд высказывался за сотрудничество России и Индии в оказании помощи Северному альянсу в его противостоянии талибам. В октябре 2000 г. была создана совместная индийско-российская рабочая группа по Афганистану, которая регулярно проводит консультации и разрабатывает рекомендации по урегулированию афганской проблемы. 22 ноября 2000 г. Индия и Россия совместно обратились в ООН с предложением наложить санкции на режим талибов, если не будет прекращена политика насилия в самом Афганистане и не разорваны его связи с международным терроризмом.

В Москве и Дели регулярно проходят заседания совместной рабочей группы по Афганистану. Стороны обсуждают ситуацию в Афганистане и предпринимаемые мировым сообществом меры, направленные на восстановление страны. Россия и Индия высказывают озабоченность в связи с угрозой региональному миру и стабильности из-за террористической дея-

тельности на территории страны и в регионе и увеличением производства и незаконного оборота наркотиков. Решающим фактором в деле восстановления мира и стабильности стороны признают невмешательство внешних сил во внутренние дела Афганистана и активизацию роли ООН. Россия и Индия разделяют взгляды о необходимости формирования в Афганистане правительства, пользующегося широкой поддержкой основных слоев и групп населения страны.

Афганская проблема детально обсуждалась и обсуждается в ходе встреч на высшем уровне руководителей России и Индии. Руководство России считает, что Индия должна непосредственно участвовать в процессе урегулирования афганской проблемы, в решении будущего Афганистана. Стороны подписали Декларацию по борьбе с международным терроризмом; общность позиций по проблеме Афганистана отражалась в совместных документах, подписанных по итогам встреч на высшем уровне. Сотрудничество между Россией и Индией в решении проблемы сдерживания международного терроризма является важной составной частью российско-индийского стратегического партнерства.

События 11 сентября 2001 г. внесли серьезные коррективы в расстановку политических и военно-стратегических сил в регионе, в первую очередь в связи с мобилизацией всей американской военной мощи при поддержке соратников по антитеррористической коалиции из многих стран Европы, Азии и Америки против талибов. Как известно, военная операция против движения талибов при участии американских и британских вооруженных сил началась 7 октября 2001 г. Если на первом этапе военные действия ограничивались воздушными бомбардировками военных объектов, то примерно через месяц начались наземные операции. Войскам коалиции через два с половиной месяца удалось отстранить движение Талибан от власти, и во главе страны встал Хамид Карзай, утвержденный временным президентом Афганистана в июне 2002 г. на Лойа Джирга. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г., в Афганистане была развернута военная миссия НАТО (ISAF).

В январе 2004 г. на Лойа Джирга была принята новая конституция, и в октябре после президентских выборов Хамид Карзай был избран президентом страны, несмотря на то, что более 1,1 млн. голосов были признаны недействительными.

Россия и Индия активно сотрудничали с США и, как представляется, не только с целью уничтожения истоков и ростков терроризма, с которыми обе страны сталкиваются на своих собственных территориях, но и преследуя определенные геополитические и стратегические цели.

Проблемы будущего политического устройства Афганистана начали обсуждаться руководителями стран – членов антитеррористической коалиции еще до того, как с режимом талибов было покончено. Так, в начале октября 2001 г. Россию, Индию и Пакистан посетил с краткими визитами премьер-министр Великобритании Тони Блэр. В ходе переговоров с премьер-министром Индии А.Б. Ваджпаи стороны призвали к необходимости установления стабильной власти в Афганистане. А.Б. Ваджпаи заявил на пресс-конференции, что Афганистан нуждается в правительстве, которое будет представлять все этнические группы и которое «не будет экспортировать антиправительственную деятельность и экстремизм». Индия и Великобритания осудили любые формы терроризма, в том числе и в регионе Южной Азии.

11 октября 2001 г. тогдашний министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх выступил на пресс-конференции, посвященной развитию событий в Афганистане. Он напомнил, что Индия традиционно являлась близким партнером Афганистана в его стремлении к экономическому и политическому развитию, оказывала соседней стране разностороннюю помощь и всегда была готова сотрудничать с независимым, пользующимся широкой поддержкой населения, представляющим различные национально-этнические группы правительством Афганистана. Министр информировал о решении правительства Индии предоставить Афганистану гуманитарную помощь, в том числе один миллион тонн пшеницы, палатки, легкие и теплые одеяла, а также медицинскую помощь и возможности реабилитации для жертв террора и военных действий. Министр сообщил также о мерах, предпринимаемых правительством, для координации действий с другими странами, включая США, Великобританию, Россию, Китай, государства Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Тем временем ситуация внутри и вокруг Кашмира осложнилась, террористические действия не только не сократились, а расширились, напряженность в штате и в стране в целом сохранялась, что привело к резкому обострению отношений с Па-

кистаном. Террористические акты в Дели (нападение на здание парламента 13 декабря 2001 г.) и столице Кашмира Сринагаре, где при попытке захвата Законодательной ассамблеи штата погибло 38 человек, рассматриваются в Дели как организованные и осуществленные боевиками из исламских антииндийских группировок, базирующихся на территории Пакистана. Эти события привели к новому витку конфронтации между Индией и Пакистаном, который рассматривал и рассматривает все происходящее в Кашмире как законную борьбу его народа за самоопределение.

Индия же столкнулась с активизацией антиправительственных выступлений исламистов на всей территории страны, резко осуждающих официальную поддержку Дели карательных действий антитеррористической коалиции против ислама.

После разгрома основных группировок талибов и установления в Афганистане режима, представляющего умеренные политические силы, Индия предполагала, что поддержка кашмирских боевиков, по крайней мере с этой стороны, может быть ограничена, что будет содействовать общей стабилизации обстановки в Кашмире и в стране в целом. Однако этим надеждам, по крайней мере пока, не суждено было оправдаться, и проблема Кашмира продолжает оставаться нерешенной.

Индия заинтересована в укреплении позиций в Афганистане демократического, независимого, секуляристского и прогрессивного правительства, так как в противном случае Афганистан может вновь оказаться под контролем фундаменталистских сил. В этом случае Пакистан будет использовать его в качестве стратегического союзника против Индии, а обучающиеся в лагерях в пограничных районах между Пакистаном и Афганистаном боевики активизируют свою террористическую деятельность в Кашмире. Поэтому Индия прямо связывает развитие ситуации в Афганистане с проблемами обеспечения собственной безопасности. При обсуждении вопроса о возможных действиях в отношении Афганистана высказывается мнение, что Индии следует продолжать оказание политической, экономической и гуманитарной помощи, в частности расширить возможности обучения афганской молодежи в индийских высших и средних учебных заведениях, в том числе военных.

11 октября 2001 г. министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх информировал о решении его правительства предоставить Афганистану гуманитарную помощь, в том числе

один миллион тонн пшеницы, палатки, легкие и теплые одеяла и др. Индия выразила готовность оказать также медицинскую помощь и предоставить возможность реабилитации жертвам террора и военных действий, а позднее участвовать в восстановлении народного хозяйства страны, ее инфраструктуры, системы образования и здравоохранения. Возобновилась деятельность посольства Индии в Афганистане и вновь приняла пациентов финансируемая Индией крупнейшая в Кабуле больница имени Индиры Ганди.

Индия принимала активное участие в различных международных встречах и проектах по восстановлению и реконструкции Афганистана, включая встречу на министерском уровне в Токио; встречи группы поддержки Афганистана; заседания в Бонне; встречи в Женеве для обсуждения проблем восстановления структур безопасности Афганистана; встречу министров иностранных дел в Нью-Йорке для обсуждения ситуации в Афганистане, состоявшуюся 13 сентября 2002 г. Так, еще в середине января 2002 г. на токийской конференции доноров для Афганистана Индия заявила о предоставлении 200 млн. долларов и выразила готовность оказать помощь Афганистану в подготовке государственных служащих, в том числе дипломатов, полицейских и других служб безопасности, а также содействовать строительству школ и медицинских учреждений, развитию сельского хозяйства и внедрению современных информационных технологий.

Важным шагом в развитии отношений между Индией и Афганистаном стал состоявшийся в марте 2002 г. двухдневный визит в Индию афганской делегации в составе 20 человек во главе с руководителем Афганистана Хамидом Карзаем. Эта поездка была важна по целому ряду причин. Прежде всего теплый прием в индийской столице продемонстрировал заинтересованность и готовность Индии установить контакты и поддерживать отношения с новым временным руководством Афганистана, главой которого является пуштун по происхождению. Официальный представитель министерства иностранных дел Индии специально отметил заинтересованность его страны в «восстановлении традиционных тесных связей с пуштунами», разорванных в период правления талибов. Индийские аналитики обратили внимание на то, что перед посещением Дели афганский руководитель совершил поездку в Пакистан, цель которой, как они считают, – попытаться предотвратить

возможные действия Пакистана, направленные на дестабилизацию обстановки в Афганистане, и осложнение положения временного руководства страны, в том числе и в связи с укреплением афгано-индийских отношений. Особо подчеркивалось, что цель индийской дипломатии в Афганистане сводится не только к тому, чтобы свести до минимума влияние там Пакистана, но добиться того, чтобы Афганистан не превратился вновь в «трамплин для терроризма, направленного против Индии». В опубликованной в еженедельнике «Индия тудей» статье известный журналист С. Гупта ссылается на высказывание генерального секретаря ООН Кофи Аннана, по мнению которого Кабул должен придерживаться «паритета в его дипломатических связях с Индией и Пакистаном»¹⁸.

В ходе визита Х. Карзая индийская сторона подтвердила готовность оказывать Афганистану ощутимую экономическую и гуманитарную помощь, предоставить специальный дар в сумме 10 млн. долларов на неотложные нужды и оказывать содействие в подготовке дипломатов и сотрудников ведомства, обеспечивающего внутреннюю безопасность.

Обещания индийской стороны начали активно реализовываться в апреле 2002 г., когда в ходе визита в Дели представителей министерства транспорта Афганистана им были переданы первые двадцать пять из пятидесяти автобусов фирмы ТАТА для использования на улицах афганских городов, прежде всего Кабула. Остальные двадцать пять автобусов были переданы в середине июля 2002 г. (всего Индия предоставила 274 автобуса). Кроме того, 10 июля Индия направила правительству Афганистана 10 млн. долларов для обеспечения бюджетных расходов. Достигнута договоренность о передаче Индией трех самолетов для афганской гражданской авиакомпании «Ариана», а также о предоставлении необходимого оборудования для образовательного компьютерного центра. Первая группа афганских полицейских проходила курс обучения в Индии¹⁹.

В начале мая 2002 г. состоялся визит в Дели министра обороны Афганистана М.К. Фахима, который обсуждал со своим индийским коллегой Дж. Фернандесом перспективы сотрудничества в области обороны. Индийская сторона заявила о готовности оказать содействие Афганистану в создании и обучении его вооруженных сил, в том числе в использовании военной техники российского производства, например, танков Т-55 и др. Афганский министр посетил подразделения индийской

сухопутной армии и авиации в Бангалоре и Пуне, а также крупные государственные предприятия Hindustan Aeronautics Limited и Bharat Electronics Limited ²⁰.

10–12 августа 2002 г. Афганистан посетил министр иностранных дел Индии Яшвант Синха, причем он прибыл туда на одном из трех пассажирских самолетов, передаваемых Индией афганской авиакомпании «Ариана». Состоялись встречи руководителя индийского внешнеполитического ведомства с высшим руководством Афганистана, он посетил больницу им. Индиры Ганди и школу Хабибиа, куда были переданы подарки для учеников и оборудование для научных кабинетов школы. Была достигнута договоренность о том, что Индия дополнительно предоставит 4 млн. долларов для ремонта помещения, модернизации медицинского оборудования и закупок медикаментов для больницы им. Индиры Ганди. Кроме того, 7 афганских врачей были направлены для специального обучения во Всеиндийском институте медицинских исследований и увеличено число индийских врачей, работающих в кабульских медицинских учреждениях и больнице им. Индиры Ганди.

Индия выделила 1 млн. долларов для обновления оборудования лабораторий и создания центра информационных технологий в лицее Хабибиа, а также обеспечила полную реконструкцию этого престижного учебного заведения, в котором обучались многие афганские руководители. Была достигнута договоренность о поставках Афганистану 1 млн. тонн пшеницы, из которого 85517 тонн будут переработаны и поставлены в виде 9500 тонн специального печенья с высоким содержанием протеина для питания школьников.

В ходе пресс-конференции руководитель индийского МИДа сообщил, что посещение им Герата, Мазари-Шарифа и Кандагара продемонстрировало широкие возможности для дальнейшего сотрудничества с различными группами и слоями афганского общества и отдельными регионами страны. Он еще раз подтвердил заинтересованность Индии в сильном, объединенном, независимом и суверенном Афганистане, сотрудничество с которым будет развиваться в самых различных областях. Министр особо выделил такие сферы, как восстановление плотин и дамб, создание ирригационных систем, подготовка специальных образовательных программ для взрослых, обновление оборудования для диагностики и лечения в больницах, поставки современного оборудования для университетских ла-

бораторий, обучение специалистов в учебных и научных учреждениях Индии и др.²¹

2 декабря 2002 г. государственный министр по иностранным делам Индии Д. Сингх принимал участие в проходившей в Бонне конференции «Восстановление Афганистана, мира и стабильности», где еще раз были подтверждены планы Индии по оказанию помощи Афганистану.

Была также достигнута принципиальная договоренность об участии Индии в работах по восстановлению на территории Афганистана одного буддийского храма, одного гурдвара и одной мечети²².

Серьезной проблемой для развития экономики Афганистана и укрепления его связей с внешним миром, в том числе с Индией и государствами Центральной Азии, остается обеспечение торговых путей и коммуникационных связей в рамках региона, в особенности с учетом его географического положения и сложностей в отношениях с Пакистаном.

Расширение торговых отношений между Афганистаном и Индией осложняется тем, что прямые сухопутные пути проходят через территорию Пакистана, который часто блокирует транспортировку индийских товаров в Афганистан, включая и те товары, которые идут в рамках оказания экономической и продовольственной помощи. Поэтому приходится использовать пути через территорию Ирана или переправлять товары самолетами афганской авиакомпании «Ариана», совершающей полеты дважды в неделю. Такой путь является наиболее дорогостоящим. Не случайно министр иностранных дел Афганистана А. Абдулла выразил надежду, что противоречия между различными странами не будут отражаться на положении Афганистана, и развитие индо-пакистанских отношений в духе сотрудничества отвечает интересам всего региона²³.

Отвечая на специальный запрос в верхней палате индийского парламента, государственный министр по иностранным делам Индии В. Кханна заявил, что Пакистан препятствует транзиту через его территорию индийской гуманитарной помощи Афганистану, которая переправляется через иные доступные коммерческие каналы. Так, использование для поставок Афганистану дороги через иранский порт Бендер-Аббас занимает не менее 4–6 недель²⁴. Пакистанская сторона не дала разрешения на проезд через территорию Пакистана транспортных средств, предназначенных для на-

циональной армии Афганистана (всего предполагается поставить 300 автомашин)²⁵.

Пути преодоления этого препятствия стали предметом обсуждения на трехсторонней встрече представителей Индии, Ирана и Афганистана, которая состоялась 4–5 января 2003 г. в Тегеране. Обсуждались проблемы транзита, устранения барьеров на пути развития торговли, обеспечения безопасной, быстрой и недорогостоящей транспортировки грузов между тремя странами. По итогам встречи был подписан Меморандум о создании инфраструктуры для развития транзита и транспортировки товаров через пункты Чабахар (порт) – Милак – Деларам, что обеспечит доступ к территории Афганистана²⁶.

5–8 марта 2003 г. состоялся официальный визит в Индию вновь избранного президента Афганистана Х. Карзая, в ходе которого состоялись его встречи с высшим руководством страны. Ему был передан третий пассажирский гражданский самолет для использования авиакомпанией «Ариана». Было объявлено о предоставлении Индией дара в сумме 70 млн. долларов для реконструкции дороги Зарандж–Деларам. Достигнута договоренность о прохождении курса обучения в Индии группы из 250 афганских офицеров полиции и кадетов с июля по сентябрь 2003 г. Стороны подписали двустороннее соглашение о торговых преференциях, предусматривающее предоставление Индией 50–100% тарифных льгот для 38 наименований афганских товаров, таких как свежие и сухие фрукты, фисташки, семена, лечебные травы, драгоценные камни и др. Индия получила возможность беспошлинно поставлять такие товары, как черный чай, продукция фармацевтической промышленности, аюрведические и гомеопатические лекарства, рафинированный сахар, цемент и др. Х. Карзай выразил намерение использовать опыт Индии при формировании конституционной Лойа Джирга и проведении выборов в 2004 г.²⁷

19–23 октября 2003 г. председатель избирательной комиссии Афганистана вместе с представителем миссии ООН в Кабуле посетили Дели, где состоялись их переговоры с представителями избирательной комиссии Индии, цель которых – использование опыта Индии в подготовке и проведении выборов. Кроме того, правительство Индии направило 65 электронных избирательных машин для использования при формировании конституционной Лойа Джирга в декабре 2003 г. и четырех экспертов для оказания технической помощи в их использовании²⁸.

11 мая 2004 г. правительство Афганистана дало официальное согласие на начало банковских операций в стране Национального банка Пенджаба – одного из крупнейших в Индии.

Выступая в феврале 2004 г. на тему «Мир, стабильность и безопасность в Азии: взгляд из Индии», советник по национальной безопасности индийского правительства Баджеш Мишра отмечал, что для окончательной победы над терроризмом необходимо тесное международное сотрудничество в деле предотвращения взаимодействия террористических групп, базирующихся на Ближнем Востоке, в Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии. В этой связи Б. Мишра упомянул прежде всего о необходимости урегулирования обстановки в Афганистане. Отметив определенные позитивные сдвиги в развитии ситуации в Афганистане (укрепление позиций президента Х. Карзая, расширение восстановительных работ, намечающиеся в скором времени выборы и др.), он в то же время выразил серьезную обеспокоенность Индии в связи с активизацией талибов на юге и юго-востоке страны, продолжающимися вооруженными столкновениями между различными группировками, использованием территории Афганистана для концентрации и переправки оружия, боеприпасов, финансовых средств, обученных в специальных лагерях боевиков и т.д. в горячие точки не только соседних и сопредельных стран, но и государств Европы и Америки. Как считал Б. Мишра, страна переживает критический период истории, и мировое сообщество должно отнестись к развитию ситуации в Афганистане с особым вниманием²⁹.

Оказание Индией многосторонней помощи Афганистану не остается незамеченным в Пакистане. По мнению индийских аналитиков, отношения между Индией и Пакистаном и взаимодействие обеих стран с Афганистаном являются важными компонентами при решении проблем безопасности и стабильности Афганистана. Со стороны Пакистана наблюдается даже элемент соревнования с Индией в том, чья помощь масштабнее и заметнее.

В ходе визита в Кабул в августе 2003 г. пакистанский министр иностранных дел М.Х. Косури неоднократно комментировал оказание Индией помощи Афганистану и утверждал, что помощь со стороны Пакистана так же значительна, но не «столь заметна, как автобусы, перевозящие людей на улицах».

Более того, после открытия индийских консульских представительств в Герате, Мазари-Шарифе, Кандагаре и Джела-

лабаде пакистанские власти выступили с заявлениями о том, что Индия использует эти консульства для антипакистанской деятельности, в том числе и для подстрекательства местных армейских подразделений к вооруженным действиям против Пакистана. Комментируя эти заявления, индийский посол отметил, что сами Индия и Афганистан, а не «третьи страны» будут определять уровень и характер индийского дипломатического присутствия в стране. Афганский министр иностранных дел А. Абдулла, со своей стороны, заявил, что деятельность индийских консульств не выходит за рамки обычной дипломатической деятельности и «соответствует международным нормам и принципам»³⁰.

После произошедших в Индии политических перемен в мае 2004 г. президент Афганистана заявил о необходимости «как можно скорее» установить контакты с новым правительством в Дели. С этой целью 30 мая в индийскую столицу прибыл помощник президента Афганистана по вопросам национальной безопасности З. Расул, который встретился с министром иностранных дел Индии Натвар Сингхом и советником по национальной безопасности Дж. Н. Дикшитом. Стороны подтвердили взаимную заинтересованность в дальнейшем укреплении взаимодействия между двумя странами в политической и экономической областях и их готовность к совместной борьбе против терроризма и распространения наркотиков (2004–2011 гг.).

Серьезным испытанием для афганской политики Индии стало заявление президента США Барака Обамы о выводе с июля 2011 г. американских войск с территории Афганистана. Как считают аналитики, это действие американского президента имело целью не только ослабить критику в свой адрес со стороны «антивоенно» настроенных избирателей в своей собственной стране, но и стимулировать более активные действия со стороны соседей Афганистана, которые в большей степени испытывают на себе осложнения, связанные с нестабильностью в Афганистане³¹.

Заявление вашингтонского руководства вызвало широкие дискуссии в Индии относительно путей и методов сохранения и усиления ее влияния в этом стратегически важном регионе. В то же время в Дели высказывалась озабоченность в связи с «поспешностью» такого решения, следствием которого могла бы стать активизация усилий руководства в Кабуле, направленных на примирение с талибами, а сами американцы могут

принять преждевременное решение об окончательной передаче власти в руки правительства Карзая³².

Руководство страны, озабоченное перспективой развития событий в результате ухода американцев, высказало точку зрения о том, что Индия должна утвердить свое присутствие в Афганистане. Индо-афганские отношения носят долговременный характер, они базируются на позитивном отношении Афганистана и Индии друг к другу. Как отметил советник по национальной безопасности Афганистана Ранджин Спанта в беседе с индийским журналистом, «мы стремимся к расширению сотрудничества с Индией для того, чтобы укрепить способность Афганистана гарантировать свою безопасность»³³. Речь шла о дальнейшем расширении экономической помощи, развитии культурных связей, осуществлении в определенной степени символического проекта – строительства с помощью Индии нового здания парламента в Кабуле. Кроме того, высказывалась точка зрения о необходимости активизации осуществления программ обучения афганской национальной армии и гражданских лиц.

В то же время активизация усилий в Афганистане могла иметь и негативные для Индии последствия. Заполнение вакуума, оставленного после ухода американцев, чревато риском «увязнуть в афганском болоте» – это как раз то, чего хотели избежать США, заявив о сокращении своего присутствия в этой стране³⁴. Кроме того, как считает один из представителей высшего военного командования НАТО генерал МакКристал, усиление индийского политического и экономического влияния в Афганистане может привести «к усилению напряженности в регионе и спровоцировать Пакистан к принятию контрмер как в Афганистане, так и в Индии». Высказывалась точка зрения, что военные круги Пакистана могут спровоцировать афганских боевиков на антииндийские действия с целью «наказать» Индию за излишнюю, с их точки зрения, активность в Афганистане³⁵. Некоторые аналитики оценивают соперничество между Индией и Пакистаном в Афганистане как новую «Большую игру»³⁶. Пакистанские военные пытались убедить президента Карзая в том, что именно в их руках находится ключ к примирению с талибами. Индийская пресса в июне 2010 г. публиковала сообщения о том, что Исламабад организовал встречу в Кабуле Карзая и одного из лидеров талибов Сираджуддина Хаккани. Стороны подписали в июле

2010 г. ряд соглашений о политическом, стратегическом и торговом сотрудничестве³⁷.

Фактор Пакистана и индийско-пакистанских отношений, по мнению многих аналитиков, играет существенную роль в укреплении мира и стабильности в регионе и урегулировании афганской проблемы, которая может быть разрешена только на региональном уровне и, более того, одновременно с урегулированием индо-пакистанского спора по Кашмиру. Как считает Эрик Рандолф, именно проблема Кашмира остается центральной проблемой при оценке ситуации в регионе. Будучи кандидатом в президенты, Барак Обама призывал к «всеобъемлющему региональному решению» кашмирской проблемы, связывая ее с ситуацией на афгано-пакистанской границе. Однако впоследствии проблемы Индии и Кашмира не были включены в прерогативы вновь назначенного специального представителя президента США по Афганистану и Пакистану ныне покойного Ричарда Холбрука, и сделано это было по просьбе Индии, которая выступает против любого иностранного вмешательства в решение проблемы Кашмира. Кашмир не упоминался в выступлении Барака Обамы в начале декабря 2009 г.³⁸

Военное превосходство и лидерство в регионе не избавляет Индию от угрозы повторения террористических действий на ее территории до тех пор, пока не будет урегулирован кашмирский вопрос. В то же время международные позиции Индии как потенциальной великой державы 21 века укрепляются. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх сделал первый шаг навстречу возобновлению переговоров с Пакистаном, которые завершились подписанием в июле 2009 г. совместной декларации о борьбе с терроризмом. Как представляется, Индия должна делать все возможное для установления отношений доверия с Пакистаном ради укрепления хотя бы относительной стабильности в регионе. В то же время это не должно препятствовать оказанию Индией помощи Афганистану даже в том случае, если эти действия могут оказать негативное влияние на перспективы переговоров с Пакистаном по Кашмиру.

В ходе визита в Индию 6 ноября 2010 г. президент США Барак Обама высоко оценил усилия этой страны, направленные на оказание помощи в восстановлении Афганистана, отметив при этом, что опыт успешного развития сельского хозяйства в Индии может быть перенесен в аграрные районы Афга-

нистана. Как считает Обама, Пакистан должен стать партнером в этом процессе³⁹.

Как бы то ни было, администрация США озабочена перспективой развития ситуации в регионе Южной и Юго-Западной Азии и вокруг Афганистана после вывода американских войск. Задача заключается в том, чтобы сбалансировать роль Индии и Пакистана в Афганистане, в особенности в осуществлении плана примирения с талибами. По мнению эксперта из Heritage Foundation Лизы Кертис, сама по себе идея каким-то образом побудить Индию отказаться от активной вовлеченности в Афганистан и уступить место Пакистану в высшей степени «недальновидна и не имеет никакого стратегического смысла»⁴⁰. Напротив, США должны всячески поощрять экономическую и политическую деятельность Индии в Афганистане. Что касается обвинений Пакистана по поводу «излишней активности Индии в Афганистане» – строительства дорог вблизи пограничных районов, открытия новых дипломатических представительств и пр., то представитель американской администрации заметил, что Пакистан лучше бы не критиковал Дели, а сам активнее участвовал в восстановлении Афганистана. Бывший специальный представитель США в Афганистане Джеймс Доббинс считает, что США должны выработать четкую линию в отношении деятельности двух стран в Афганистане. Он считает также, что кашмирский конфликт вносит серьезные осложнения в возможности сотрудничества Индии и Пакистана в Афганистане⁴¹.

Пока же Индия в афганском вопросе сотрудничает с Россией и Ираном, которые разделяют ее оценки ситуации в Афганистане. Можно предположить, что региональный подход трех стран – Индии, России и Ирана не только отвечает интересам Индии в Афганистане в краткосрочном плане, но и поможет стабилизировать ситуацию в стране после ухода американцев. В начале августа 2010 г. секретарь по иностранным делам Индии Нирупама Рао обсуждала в Москве пути сотрудничества двух стран в Афганистане. Несмотря на голосование Индии с США против иранской ядерной программы в 2009 г., заместитель министра иностранных дел Ирана М.А. Фатоллахи в начале августа 2010 г. вел в Индии переговоры о координации усилий для стабилизации положения в Афганистане. Ранее стороны обсуждали перспективы использования иранского порта Чабахар для развития торговли Индии с Афганистаном и

Центральной Азией, минуя Пакистан. Цель трехстороннего сотрудничества – попытки предотвратить усиление влияния движения «Талибан» в Афганистане. Индия приветствует любую инициативу, которая может способствовать ограничению влияния талибов, а также Пакистана в Афганистане. Этому также может способствовать строительство индийским правительством дороги Зарандж-Деларам, которая свяжет Афганистан с Центральной Азией и Ираном, снизив зависимость от Пакистана. Совершенно очевидно, что ситуация в Афганистане будет стабилизироваться, если этому будут способствовать соседние страны, и именно Индия может играть в этом процессе решающую роль⁴².

Проблема Афганистана обсуждалась и на переговорах короля Саудовской Аравии и премьер-министра Индии, состоявшихся в Эр-Рияде 2 марта 2010 г. Лидеры двух стран призвали к сохранению суверенитета и независимости этой страны и поддержали усилия народа Афганистана по достижению стабильности и безопасности. Переговоры в Эр-Рияде и подписание ряда документов были расценены как начало нового этапа стратегического партнерства между двумя странами⁴³.

Регулярно проходят встречи на высшем уровне, в первую очередь премьер-министра Индии Манмохан Сингха и президента Афганистана Хамида Карзая. Стороны обсуждают дальнейшие меры по оказанию экономической помощи Афганистану для осуществления проектов строительства стратегических дорог, больниц и др. Индийские инженеры и рабочие принимают участие в создании инфраструктуры на территории Афганистана, что финансируется из Дели. В общей сложности в Афганистане работают 4 тыс. индийских специалистов⁴⁴. Индия возводит в Кабуле новое здание парламента и обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание в больницах по всей территории страны. В целом финансовая поддержка со стороны Индии за последние годы превысила 1,2 млрд. долларов США⁴⁵. Индия является одним из ведущих доноров по оказанию помощи Кабулу. Строительные работы осложняются неоднократными нападениями на строителей со стороны талибов, и правительство Афганистана приняло решение об усилении охраны индийских рабочих. Летом 2008 г. было совершено нападение террориста-смертника на здание индийского посольства в Кабуле, жертвами которого стали более 58 чел.⁴⁶ Кабул и Дели обвинили пакистанских агентов в причастности к этому тер-

рористическому акту. Этот вопрос обсуждался во время визита в Дели президента Афганистана Х. Карзая в августе 2008 г. По мнению М. Сингха, «была совершена атака на дружбу между Индией и Афганистаном. Мы не позволим терроризму встать на нашем пути». Президент Карзай отметил необходимость «объединения усилий для борьбы с угрозой терроризма».⁴⁷

Эта точка зрения была подтверждена и в совместном коммюнике по итогам визита президента Афганистана в Индию в январе 2009 г., куда афганский президент прибыл для выражения солидарности с Индией в связи с террористическим актом в Мумбаи. В ходе состоявшихся переговоров было подписано соглашение о сотрудничестве в области коммуникаций и энергетики; Индия передала в качестве дара 250 000 тонн пшеницы.⁴⁸

В январе 2011 г. Кабул посетил министр иностранных дел Индии С.М. Кришна, а президент Афганистана принимал участие в 11-й встрече на высшем уровне по проблемам устойчивого развития, состоявшейся в начале февраля 2011 г. в Дели. В ходе двусторонних переговоров стороны заявили о необходимости вывода иностранных сил безопасности из Афганистана и укрепления собственной афганской полиции и армии. Были рассмотрены направления экономического сотрудничества, осуществление совместных горных разработок и пр. В опубликованном совместном заявлении по итогам визита отмечалась важность традиционных встреч между руководителями двух стран. Индийская сторона подтвердила свою готовность участвовать в восстановлении Афганистана как сильного, независимого, демократического, мирного и процветающего государства. Руководители двух стран согласились, что «стратегическое партнерство между Индией и Афганистаном является важным фактором в укреплении мира и стабильности в регионе».⁴⁹

Развивая политическое сотрудничество с Афганистаном, Индия оказывает помощь в восстановлении его экономики, укреплении обороноспособности, формировании и обучении афганских вооруженных сил, руководствуясь интересами укрепления стабильности и безопасности в регионе, от ситуации в котором во многом зависят национальные интересы самой Индии. В то же время можно констатировать и определенную осторожность, которую проявляют представители индийского бизнеса в вопросах расширения капиталовложений в экономи-

ку Афганистана, видимо, из опасений, связанных с сохранением нестабильности в этой стране.

По мнению ряда экспертов, стратегическое партнерство между Индией и Афганистаном создает условия для ослабления влияния Пакистана на Кабул; Пакистан же ведет против Индии «необъявленную войну» в Афганистане. Газета «Хиндустан таймс» после террористического акта в Кабуле в феврале 2010 г., в результате которого погибли девять индийских граждан, указывала, что «цель этого теракта состояла том, чтобы заставить Индию уйти из Афганистана», что за этим актом стоит группировка «Лашкар-э-тайба», боевики которой организовали атаку на Мумбаи в ноябре 2008 г. Посольство Индии в Кабуле дважды подвергалось нападениям боевиков: в 2008 г. погибло более 40 человек, в 2009 г. – 17 человек; атакам подвергались гостиницы, в которых останавливались индийцы. Индийская печать сообщила даже о планировавшемся покушении на посла Индии в Кабуле Джаянта Прасада, за убийство которого было обещано заплатить 1,5 млн. долл. США⁵⁰.

Как известно, по инициативе президента России в 2009 и августе 2010 гг. состоялись встречи президентов РФ, Пакистана, Афганистана и Таджикистана для обсуждения проблем афганского урегулирования. Был поставлен вопрос о возможности привлечения к обсуждению проблемы ШОС и ОДКБ. По мнению Д.А. Медведева, в таком формате стороны «могут обсуждать все основные проблемы – от экономического взаимодействия до борьбы с наркотрафиком и терроризмом». Особое внимание было уделено «афганскому урегулированию, борьбе с террористической и наркотической угрозами, а также экономическому восстановлению Афганистана»⁵¹.

Накануне официального визита в Индию в декабре 2010 г. в интервью газете «Таймс оф Индия» президент РФ Д.А. Медведев заявил, что российско-индийское сотрудничество должно сыграть существенную роль в решении афганской проблемы, и выразил мнение, что Индия может принять участие в саммите «четверки», проводившейся в рамках Афганистан-Пакистан-Россия-Таджикистан. Российский президент отметил важность участия Индии в экономическом развитии региона, в том числе в осуществлении строительства транснационального газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия. Д.А. Медведев отметил значение заседаний российско-индийской рабочей группы по противодействию международному терро-

ризму, координационной группы советов безопасности, в ходе которых осуществляется обмен информацией по Афганистану⁵².

Индийское руководство неизменно заявляет о своей приверженности обязательствам по оказанию помощи Афганистану. Индийское внешнеполитическое ведомство в специальном заявлении подчеркнуло, что «индийская сторона останется верна своим долгосрочным обязательствам по восстановлению и развитию Афганистана. Индия продолжит оказывать поддержку правительству Афганистана в его стремлении построить сильное, независимое, плюралистическое, демократическое, мирное государство»⁵³.

¹ Aunohita Mojumdar. Indo-Pak. Rivalry in Afghanistan // Hindu, Madras, 11.09.2003.

² Security Situation in Afghanistan: India's Options // SAPRA India Monthly Bulletin. September 2003. С. 2–4.

³ Ibid., 20.11.1996; Indian Express, 20.11.1996.

⁴ SIPRI Yearbook 1999: Armaments, Disarmament and International Security (Oxford University Press: Oxford, 1999), с. 41–42.

⁵ The Hindustan Times, 10.06.1997.

⁶ Mainstream, New Delhi, 04.09.1999, vol. XXXVII, № 37, с. 2.

⁷ Ibid., 11.09.1999, vol. XXXVII, № 38, с. 35.

⁸ Stobbdan P. The Afghan Conflict and Regional Security. International Context. «The Strategic Analyses», August 1999.

⁹ SIPRI Yearbook, Ibid., с. 41–42.

¹⁰ Taliban and Kashmir // The Truth About Kashmir. Internet, <http://www.ARMYINKASHMIR.org>

¹¹ India Says Afgans in Kashmir Intrusion. Reuters, 25.05.1999. World News, CNN Interactive, Internet.

¹² «It's Pak Private Army, says POK Leaders» // Economic Times, London, 03.06.1999.

¹³ The Weltam Sontag // Die Welt, 13.06.1999.

¹⁴ Harrison Selig. Kashmir: First Put Pressue on Pakistan to Pull Back // International Herald Tribune, 16.06.1999.

¹⁵ Schoof R. Allies leave Pukistan in Lurch // NRC Handelsblad, Holland, 20.06.1999.

¹⁶ Singh Jasjit. Pakistan's Forth War // Strategic Analyses, August 1999.

¹⁷ Mujahiddin using «missing» Stringers in Held Kashmir // The Nation, 08.06.1999.

¹⁸ Sudha Ramachandran. Karzai negotiates diplomatic minefield // Asia Times. OnLine, 02.03.2002.

-
- ¹⁹ India Gifts 25 buses to the people of Afghanistan. 29.04.2002; Gifting of the second set of 25 buses to the Transitional Islamic Government of Afghanistan. 13.07.2002. Discover India. <http://www.meadev.nic.in>
- ²⁰ India, Afghanistan discuss defence ties // Rezaul H.Laskar, Indo-Asian News Service. Yahoo News. New Delhi, 06.05.2002.
- ²¹ External Affairs Minister, Sh. Yashwant Sinha Visits Afghanistan. 10–12.08.2002. Press opportunity at Indira Gandhi International Airport on arrival from Kabul, 12.08.2002. <http://meaindia.nic.in>; Siddhartha Kumar. Schools to Roads: India shining in Afghanistan // The Asian Age, 20.04.2004.
- ²² Lok Sabha Q&A's. Constraction of Temples In Afghanistan Answer the Minister of State in the Ministry of External Affairs (Shri Digvijay Singh), 29.07.2003.
- ²³ Aunohita Mojumdar. Indo-Pak. Rivalry in Afghanistan // Hindu, Madras, 11.09.2003.
- ²⁴ Rajya Sabha Q&A's, 24.07.2003.
- ²⁵ Rajya Sabha Q&A's, 11.12.2003.
- ²⁶ Overland Trade Between India and Afghanistan. Lok Sabha Q&A's. 19.02.2003; Trilateral Meeting Between India, Iran and Afghanistan. Rajya Sabha Q&A's, 20.02.2003.
- ²⁷ Transcript of Press Briefing by the Official Spokesperson (Incoming Visits of the President of Afghanistan). 06.03.2003; Rajya Sabha Q&A's, 24.04.2003.
- ²⁸ Rajya Sabha Q&A's, 11.12.2003.
- ²⁹ Peace, Stability and Security in Asia: India's Perspectives // Speech by Mr.Brajesh Mishra, National Security Advisor, at the 40th Munich Conference on Security, 07.02.2004.
- ³⁰ Aunohita Mojumdar. Indo-Pak. Rivalry in Afghanistan // Hindu, Madras, 11.09.2003.
- ³¹ Randolph Eric. India's Afghanistan Dilemma // guardian.co.uk, 05.01.2010.
- ³² D'Souza Shanthie Mariet. India's Tripartite Plan for Afghanistan // The Wall Street Journal, 09.08.2010.
- ³³ Fair Christine/ India in Afghanistan, part 1: strategic interests, regional concerns // <http://afpak.foreignpolicy.com/posts/2010/10/26>
- ³⁴ Randolph Eric, Ibid.
- ³⁵ Pleming Sue. U.S. seeks to balance India's Afghanistan stake // Reuters, 31.05.2010.
- ³⁶ Fair Christine. Ibid.
- ³⁷ D'Souza Shanthie Mariet, Ibid.

-
- ³⁸ Randolph Eric, Ibid.
- ³⁹ Obama appreciates India's role in Afghanistan // The Hindu. 2010.
<http://www.thehindu.com/news/national/article872842.ece>
- ⁴⁰ Pleming Sue. US seeks to balance India's Afghanistan stake // Reuters, 31.05.2010.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² D'Souza Shanthie Mariet, Ibid.
- ⁴³ Muslimnews.co.uk // http://www.meshit.kz/ru/eventp_1255.html
- ⁴⁴ «Необъявленная война» против Индии в Афганистане // ИТАР-ТАСС, 21.02.2011.
- ⁴⁵ Suhrawardy Nilofar. Delhi, Kabul implicity flay Pakistan // Arab News, 13.01.2009.
- ⁴⁶ India Promises More Afghan Aid // VoANews.com, New Delhi, 04.08.2008.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Suhrawardy Nilofar, Ibid.
- ⁴⁹ Dikshit Sandeep. Karzai, Manmohan discuss wide-ranging issues // The Hindu, 04.02.2011.
- ⁵⁰ «Необъявленная война» против Индии в Афганистане. Там же.
- ⁵¹ Афганистан получит организационную помощь от ШОС, ОДКБ и МИ-17 // Коммерсантъ, № 150 (4450), 18.08.2010.
- ⁵² Россия рассчитывает на вклад Индии в стабилизацию обстановки в Афганистане // afghanistan.ru, 21.12.2010.
- ⁵³ «Необъявленная война» против Индии в Афганистане. Там же.

**АРАБСКИЕ СТРАНЫ И СОБЫТИЯ В АФГАНИСТАНЕ.
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Вплоть до 1979 года на Ближнем Востоке и в Северной Африке не проявляли особого интереса к ситуации в Афганистане, считая, что происходящие в этой стране события не затрагивают напрямую интересы арабских государств.

Ситуация изменилась после ввода в ДРА советских войск. На Ближнем Востоке и в Магрибе Афганистан не рассматривали как страну, входящую в сферу советских интересов, а саму «афганскую смуту» расценивали как схватку между «безбожным коммунистическим режимом», захватившим власть в Кабуле, и противостоящими ему «борцами за веру».

Прямую помощь афганским моджахедам оказывали страны Персидского залива, во внешней политике которых значительное внимание всегда уделялось «исламской солидарности». Именно следование этому принципу предопределило позицию заливных государств, поскольку непосредственно их безопасность советская интервенция не затрагивала. Все страны этого субрегиона направляли оппозиционным группировкам значительные финансовые средства, которыми оплачивались поставки оружия и содержание лагерей по подготовке боевиков. Особое значение имела помощь, оказываемая Саудовской Аравией, выделившей на эти цели 3 млрд. долл.¹ По своим масштабам она была сравнима с помощью Соединенных Штатов, истративших на войну в Афганистане 3,3 млрд. долл.² Средства на поддержку джихада в Афганистане поступали и за счет добровольных взносов подданных КСА. В 1980 г. было создано Генеральное управление по сбору пожертвований для моджахедов, а в 1983 г. образована Саудовская комиссия по оказанию помощи афганцам, которой за 9 лет было собрано 100 млн. риалов³. Средства поступали также от базировавшихся в КСА мусульманских «благотворительных организаций», в первую очередь от Всемирной исламской организации спасе-

ния и фонда «Аль-Харамейн». В конечном счете, саудовская помощь стала наряду с американским оружием и фанатизмом «борцов за веру» одним из основных факторов, не позволивших Советской армии одержать победу и приведших в апреле 1992 г. к выигрышу моджахедами гражданской войны⁴.

Страны аравийской «шестерки» оказывали афганским «борцам за веру» и дипломатическую поддержку. Во многом благодаря их активной позиции экстренным совещанием министров иностранных дел стран ОИК, состоявшимся в январе 1980 г. в Исламабаде, было принято решение «заморозить» членство ДРА в Организации Исламская конференция.⁵ Саудовская Аравия стала первым государством, признавшим «временное правительство Афганистана», которое было создано в феврале 1989 г. Шурой Исламского союза моджахедов, и содействовала приему этого «правительства» в Исламскую конференцию.

С резкой критикой советского вмешательства в события в Афганистане выступил президент Анвар Садат. Он неоднократно заявлял, что Советский Союз «более опасен, намного более опасен, чем Гитлер», что действия СССР создают угрозу всей западной цивилизации и что американцам следовало бы осознать масштабы нависшей опасности и принять, наконец, действенные меры, чтобы остановить русских⁶. «Садат, — отмечают в этой связи английские исследователи Д. Хёрст и И. Бизон, — нуждался в распространении атмосферы холодной войны, конфронтации и всеобщей тревоги, чтобы сохранить свой *garrison d'être*. Ему нужна была угроза западным интересам, чтобы их защищать, шатающиеся троны нефтяных шейхов, чтобы их поддержать, и советский демон, чтобы начать против него крестовый поход»⁷. Египет оказывал моджахедам и кое-какую реальную помощь, в частности, египетскими инструкторами осуществлялась подготовка боевиков. Однако масштабную поддержку афганским «борцам за веру» Каир предоставить не мог: у режима А. Садата хватало других забот, связанных с изоляцией в арабском мире, напряженностью в отношениях с Ливией, нараставшей внутри страны угрозой со стороны радикальных исламистов и т.п.

Что касается других арабских стран, то прямую помощь афганским «борцам за веру» они не предоставляли. Не последнюю роль сыграло понимание, что такие шаги привели бы к резкому обострению отношений с Советским Союзом, а это

не отвечало интересам государств Леванта и Магриба. В дипломатическом плане дело ограничилось голосованием арабских государств на сессиях Генеральной Ассамблеи за резолюции, требовавшие вывода из Афганистана иностранных войск. Более того, позиция стран региона не была единой: Сирия, Южный Йемен, Ливия, Алжир, Ирак не только воздерживались от осуждения действий Москвы, но и голосовали на ГА против проектов антисоветских резолюций. Правда, дальше этого в поддержке СССР они не шли, не желая чрезмерно обострять свои отношения с другими арабскими и мусульманскими государствами, да и с западными державами из-за событий в ДРА.

В боевых действиях в Афганистане принимали участие добровольцы из целого ряда арабских стран. Власти некоторых государств региона не препятствовали их вербовке, зарабатывая таким путем «политические очки» в глазах «улицы», а также надеясь отвести от себя исламистскую угрозу, «канализировав» ее в русло борьбы с афганскими коммунистами и с русскими. В частности, в Марокко набор боевиков, который осуществлялся организациями «Дава ва-таблиг» и «Салафийя», открыто производился через мечети. В других странах вербовкой и переброской добровольцев занимались подпольные фундаменталистские группировки. Так, первые наемники из Алжира были направлены в ДРА Алжирским исламским движением. Добровольцы проходили подготовку в лагерях в Пакистане, а также в Северном Йемене, после чего перебрасывались в Афганистан. Их жалование составляло не менее 1,5 тыс. долларов в месяц⁸. Из 25 тысяч воевавших в Афганистане иностранцев 10 тысяч были арабами⁹. Большинство из них составляли иорданцы¹⁰, но было немало выходцев из Египта, ЙАР, АНДР, Ливии, Туниса, других государств Ближнего Востока и Северной Африки.

Приток в Афганистан боевиков из других стран, сражавшихся во имя победы ислама, представлял собою качественно новое явление. Националистические лозунги, под которыми в арабском мире велись войны за независимость и развертывалось сопротивление палестинцев, оказались не способны обеспечить массовое привлечение добровольцев из других государств Ближнего Востока и Магриба, а религиозная идеология смогла это сделать. Участие в боевых действиях иностранных наемников заложило основы для интернационализации джихада, придания «борьбе за веру» международного характера.

После вывода из Афганистана советских войск и последовавшего за этим падения коммунистического режима в Кабуле внимание арабских столиц к происходившему в этой стране значительно снизилось. Победу отпраздновали, и афганское направление вновь стало для государств Ближнего Востока и Северной Африки маргинальным.

Исключение составляла, правда, Саудовская Аравия, внешняя политика которой всегда носила заидеологизированный характер, формируясь под заметным воздействием религиозного фактора. Начавшаяся после поражения правительственных сил борьба за власть между различными группировками моджахедов не устраивала Эр-Рияд, нанося, как там считали, ущерб «образу ислама». КСА активно вмешивалось во внутриафганские процессы, стремясь на первых порах содействовать формированию коалиционного правительства. В 1993 г. саудовцам удалось созвать в Мекке представителей основных афганских партий и добиться подписания ими меморандума о намерениях¹¹. После формирования в 1993 г. Временного правительства ИГА Саудия, стремясь упрочить его позиции, выделила в его распоряжение 143 млн. долл.¹² Однако вскоре в Эр-Рияде убедились, что прекратить грызню между различными группировками моджахедов не удастся.

Саудовцы попытались опереться на Исламский союз освобождения Афганистана, который они рассматривали как силу, способную повести за собою афганцев, и оказывали ему помощь оружием и финансами. В последующем же они вместе с американцами и пакистанцами стали поддерживать Движение «Талибан» (ДТ), рассчитывая, что оно сможет покончить со смутой, сформировать дееспособную власть и будет к тому же достаточно «управляемым»¹³. Опираясь на помощь Вашингтона, Исламабада и Эр-Рияда, «талибы» к 1994 г. сформировали на территории Пакистана боеспособную армию численностью в 25 тыс. человек, которая располагала тяжелым вооружением, бронетехникой и авиацией¹⁴.

Победа моджахедов повлекла за собою активизацию и дальнейшую радикализацию арабских исламистских группировок. Успех афганского джихада породил у них надежду на возможность свержения собственных «еретических» правительств, а их ряды пополнились ветеранами Афганистана. Значительная часть из 2 тыс. алжирских «борцов за веру» вернулась в Алжир, где они присоединились к Вооруженной исламской

группе, 1 тыс. «арабских афганцев» влилась в ливанские шиитские организации, остальные вошли в экстремистские группировки, действовавшие в ЙАР, Судане, Тунисе, Палестине, приняли участие в войнах в Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Боснии и Герцеговине¹⁵. Возникла сеть подпольных групп афганских ветеранов, охватившая весь Ближний Восток и Северную Африку. Еще 2 тыс. арабских добровольцев остались в ИГА и приняли участие в начавшихся там внутренних конфликтах¹⁶. Одновременно в находившихся на территории Афганистана лагерях продолжалась подготовка боевиков. В частности, только за первые пять месяцев 1993 г. в одной лишь провинции Логар у инструкторов Исламской партии Афганистана прошли обучение 40 арабских наемников, вернувшихся затем в свои страны¹⁷.

С другой стороны, война в Афганистане способствовала дальнейшей исламизации населения арабских стран, рассматривавших ее как джихад и приветствовавших победу «борцов за веру». Симптоматично, что, например, в Саудовской Аравии успех моджахедов был воспринят как «одно из выдающихся событий нашего [т. е. XX – А.П.] века»¹⁸.

Взятие Движением «Талибан» (ДТ) в сентябре 1996 г. Кабула и установление им к весне 1998 г. контроля над большей частью территории Афганистана были расценены в арабских столицах неоднозначно. Эр-Рияд в 1997 г. признал созданный талибами «Исламский Эмират Афганистан» и начал оказывать ему финансовую помощь. Примеру Саудовской Аравии последовали Объединенные Арабские Эмираты. При этом отношения стран Персидского залива с «Талибаном» не ограничивались официальными контактами: разведками ОАЭ, а также Кувейта было налажено тесное взаимодействие со спецслужбами «ИАЭ», осуществлявшееся в интересах ДТ¹⁹.

В то же время остальные арабские государства на установление дипломатических отношений с талибами не пошли и продолжали признавать как легитимное Исламское Государство Афганистан, несмотря на то, что под его контролем оставался только север страны. На Ближнем Востоке и в Магрибе не могли не видеть, что «ИЭА» превратился в рассадник международного терроризма, что бесчинства ДТ на контролируемой им территории, массовый террор в отношении представителей других конфессий вызывают повсеместное осуждение и наносят ущерб имиджу ислама в мире. Сложившаяся ситуация

повлияла и на позицию Эр-Рияда, где к тому же убедились в тщетности расчетов на «управляемость» талибов. Воспользовавшись в качестве предлога отказом «Талибана» выдать руководителя «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена, саудовцы поспешили исправить допущенную ими ошибку, пойдя на «замораживание» отношений с Кабулом²⁰.

Успехи ДТ отвечали интересам тесно взаимодействовавшей с ним «Аль-Каиды», получившей в свое распоряжение территорию, тренировочные лагеря, запасы оружия. Хотя численность этой организации не превышала 500 человек, в ее лагерях с 1996 г. прошло обучение 20 тыс. радикализированных мусульман²¹. Установив контакт с другими экстремистскими группировками, «Аль-Каида» стала центром международной террористической сети. Ею были, в частности, организованы террористические акты против посольств США в Кении и Танзании, приведшие к гибели 200 человек, после чего американцы нанесли в августе 1998 г. ракетные удары по базам этой организации в Афганистане²². Одновременно «Аль-Каида» активно участвовала во внутриафганском конфликте, оказывая поддержку талибам. В частности, когда во второй половине 1999 г. «Талибан» предпринял попытку установить контроль над всей территорией страны, проводя в этих целях несколько крупных наступательных операций, У. бен Ладен направил в его распоряжение 500 арабских наемников²³. Симбиоз ДТ и «Аль-Каиды» был настолько плотным, что когда Совет Безопасности принял 15 октября 1999 г. резолюцию 1267 с требованием выдать У. бен Ладена, ДТ, несмотря на введенные СБ санкции, отказалось это сделать.

Ввод в Афганистан американских войск в ответ на организованные У. бен Ладеном 11 сентября 2001 г. террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне и вытеснение отрядов ДТ из крупных городов были с удовлетворением восприняты в арабских столицах, где надеялись, что потеря «Аль-Каидой» своих опорных баз в Афганистане приведет к существенному ослаблению этой группировки и станет серьезным ударом по международному терроризму. Действия Вашингтона одобрил, в частности, лидер ливийской революции Муаммар Каддафи, заявивший, что США действовали в соответствии с правом на самооборону, предусмотренным ст. 54 Устава ООН²⁴. Одновременно он обвинил У. бен Ладена и талибов в ереси и резко осудил использование ими террористических методов.

«Они, — подчеркивал М. Каддафи, — объявили неверными всех, кроме самих себя, хотя на самом деле именно они впали в неверие и разврат <...> Они не несут ничего кроме убийств и безумных карательных акций»²⁵.

Спецслужбы некоторых арабских стран, в частности Омана, оказали поддержку действиям в Афганистане разведок США, Великобритании и Франции²⁶. С другой стороны, спецслужбы ОАЭ под нажимом Вашингтона прервали свои контакты с ДТ²⁷. Наконец, по требованию американцев была проведена чистка разведки Кувейта, выявившая связь ряда ее высокопоставленных сотрудников (Аль-Фахида, Ад-Дусара, Аль-Аджди) с У. бен Ладеном²⁸.

Однако дальше взаимодействия по линии спецслужб сотрудничество между Западом и ближневосточными странами не пошло. Неоднократные обращения к ним Организации Североатлантического договора с призывами направить войска в Афганистан повисали в воздухе. Лишь ОАЭ перебросили туда подразделение спецназа, а Египет развернул в Баграме полевой госпиталь с 14 врачами и 20 медбратьями²⁹. Сдержанное отношение арабских столиц к просьбам НАТО во многом объяснялось нежеланием ввязываться в войну, происходившую вдали от их границ и напрямую их интересы не затрагивающую. Не меньшую роль играла и необходимость считаться с настроениями «улицы», склонной рассматривать вторжение войск западных держав в Афганистан не в контексте борьбы с терроризмом, а как нападение американцев и их европейских союзников на «братьев по вере».

Не принесли особых результатов и призывы президента Х. Карзая к ближневосточным странам и к арабским бизнесменам инвестировать средства в экономику Афганистана. На Ближнем Востоке и в Магрибе считают, судя по всему, что осуществлять капиталовложения в афганскую экономику было бы слишком рискованно. Правда, гуманитарную помощь афганцам арабские страны оказывают. Ведущую роль здесь играет Саудовская Аравия, ставшая наряду с США, Европейским союзом и Японией одним из основных доноров ИРА. В частности, за счет КСА в Афганистане было построено 10 интернатов, рассчитанных на 2 тыс. воспитанников³⁰. Готовность увеличить помощь Афганистану выражает Абу Даби. Во всяком случае, министр обороны ОАЭ Мухаммед бен Заед заверял в одной из бесед главу Комитета начальников штабов

ВС США М. Маллена, что его страна выделит на помощь Афганистану 300 млн. долл.³¹.

Но если приток значительных средств в Афганистан из арабского мира обеспечить не удалось, обратный процесс происходит весьма активно: афганская элита переводит на счета в банках одного только Дубая 10 млрд. долл. ежегодно³². Часть этих средств поступает из легальных источников: как пояснил проживающий в ОАЭ брат президента ИРА М. Карзай, богатые люди выводят деньги из Афганистана, поскольку не верят в будущее этой страны³³. Источником другой части направляемых в Арабские Эмираты средств являются коррупция, вымогательство, торговля наркотиками.

По мере того, как боевые действия в Афганистане затягивались и складывалась «патовая ситуация», отношение к происходящему там начинало меняться. В этом контексте представляется симптоматичным заявление, сделанное в ноябре 2010 г. одним из наиболее опытных саудовских разведчиков и дипломатов Турции аль-Фейсалом, констатировавшим, что США совершили ошибку, сосредоточив усилия на борьбе с ДТ, а не с «Аль-Каидой». «Разработайте, – призвал он, – план действий с тем, чтобы захватить или уничтожить руководство "Аль-Каиды", я убежден, что они [американцы – А.П.] могут сделать это. После того, как ликвидируете или захватите их [руководителей "Аль-Каиды" – А.П.], вы сможете претендовать на победу и затем покинуть» Афганистан³⁴.

Что касается ДТ, то, как теперь считают в Эр-Рияде, с ним можно и нужно договариваться. В 2009 г. саудовцы попытались посредничать между талибами и Кабулом, организовав встречу бывшего «министра иностранных дел ИЭА» В. Мутавакиля с братом президента ИРА К. Карзаем. В феврале 2010 г. находившийся в Эр-Рияде Х. Карзай обратился к королю Абдаллаху с просьбой оказать содействие в налаживании диалога между Афганским правительством и «Талибаном». Саудовцы ответили на это, что могут выступить посредниками, но лишь в том случае, если ДТ откажет в предоставлении убежища У. бен Ладену и разорвет отношения с международными террористическими организациями³⁵. Хотя талибы на выполнение этих условий не пошли, Саудовская Аравия не прекратила контакты со сторонами, продолжая попытки добиться сближения их позиций³⁶.

Несмотря на удары, нанесенные войсками США и НАТО по ДТ и «Аль-Каиде», разгромить их так и не удалось. Из под-

готовленных с 1996 г. в тренировочных лагерях в Афганистане 20 тыс. боевиков уцелело 18 тыс., которые рассеялись по другим странам³⁷. Одна тысяча из них была направлена в Ирак для участия в операциях против американцев³⁸. В ряде арабских государств возникли филиалы «Аль-Каиды», такие как Организация «Каида аль-джихад» в Месопотамии, Организация «Аль-Каида» на Аравийском полуострове, Организация «Аль-Каида» в странах исламского Магриба (до января 2007 г. носившая название Салафитская группа проповеди и джихада и переименованная с личного согласия У. бен Ладена). К 2005 г. ячейки «Аль-Каиды» были сформированы в 60 странах мира³⁹.

Арабские добровольцы и в настоящее время продолжают воевать в Афганистане на стороне ДТ и «Аль-Каиды». По словам командующего пограничными войсками ИРА М. Махмудзаи, арабы составляют около трети наемников, проникающих в страну через границу с Пакистаном при содействии пакистанской экстремистской группировки «Лашкар-е-Тойба» (Армия правоверных)⁴⁰.

В целом, таким образом, арабские государства не проявляют в настоящее время значительной активности на афганском направлении ни в политическом, ни в экономическом, ни в военном отношении. Более того, занятость внутренними проблемами в связи с повсеместными народными выступлениями, скорее всего, вынудит ближневосточные столицы занять еще более отстраненную позицию в отношении происходящего в ИРА. С другой стороны, начавшаяся смута может создать ситуацию, благоприятствующую активизации исламистских группировок, в том числе по-прежнему нацеленных на Афганистан «Аль-Каиды» и ее арабских филиалов.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2006, с. 335–336.

² Там же.

³ Королевство Саудовская Аравия. – Эр-Рияд, 1993, с. 201.

⁴ Подробнее см.: Carpenter T. The Unintended Consequences of Afghanistan. // World Policy Journal, #11, Spring 1994, с. 78–79, 81–82; Hyman A. Arab Involvement in the Afghan War. // Beirut Review, #7, Spring 1994, с. 78, 82; Weaver M. Letter from Pakistan: Children of the Jihad. // New Yorker, 12.06.1995, с. 44–45; Washington Post, 24.07.1995; New York Times, 28.03.1993; Ibid., 20.03.1995.

⁵ См.: Александров И.А. Монархии Персидского залива: этапы модернизации. – М., 2000, с. 385.

-
- ⁶ Hirst D., Beeson I. Sadat. – L., 1982, с. 345, 348.
- ⁷ Ibid., с. 348.
- ⁸ Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. – М., 1999, с. 243–244.
- ⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, с. 395–396; Ланда Р.Г. История Алжира..., с. 243–244.
- ¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, с. 395–396.
- ¹¹ См.: Александров И.А. Монархии Персидского залива..., с. 385.
- ¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, с. 395–396.
- ¹³ См.: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. М., 2000, с. 48.
- ¹⁴ Там же, с. 49.
- ¹⁵ Ланда Р.Г. История Алжира ..., с. 243–244.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Сергеев М.С. История Марокко – XX век. М., 2001, с. 223.
- ¹⁸ Королевство Саудовская Аравия, с. 201
- ¹⁹ Савич И. На острие тайной войны: Страницы истории зарубежных спецслужб. М., 2002, с. 244, 254.
- ²⁰ См.: Эр-Рияд, 23.05.1998.
- ²¹ Куделев В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке. М., 2009, с. 57.
- ²² Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг., с. 50.
- ²³ Зуев А.Г. Ситуация в Афганистане: вызовы региональной и международной безопасности // В кн.: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг., с. 111.
- ²⁴ Аль-Каддафи Муаммар. Борьба продолжается! Краткое собрание сочинений. 2001–2008. М., 2009, с. 4.
- ²⁵ Там же, с. 9.
- ²⁶ Савич И. На острие тайной войны..., с. 274.
- ²⁷ Там же, с. 254.
- ²⁸ Там же, с. 244.
- ²⁹ Muslim troops help win Afghan minds. // BBC News, 28.03.2008 – at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/7318731.stm; Egyptian Hospital Puts Muslim Face on Medical Care in Afghanistan, 13.12.2010. // E-Alerts Archives – at: <http://www.modernegypt.info/online-newsroom/e-alerts/egypt-tian-hospital-puts-muslim-face-on-medical-care-in-afghanistan>
- ³⁰ Саудовская Аравия помогла построить еще один интернат в Афганистане, 27.01.2011. // Afghanistan.ru – на: <http://www.afghanistan.ru/doc/19395.html>
- ³¹ Documents Square & wikileaks. // Wikileaks – à: <http://sh22y.com/vb/t94391.html?language=fr>

³² Сурков Н. Талибы предвкушают победу. // Независимая газета, 10.09.2010 – на: http://www.ng.ru/world/2010-09-10/7_afghan.html

³³ Там же.

³⁴ Интервью Турки аль-Фейсала «Глобал Пост». // Global Post, 21.11.2010 – at: <http://www.globalpost.com/dispatch/saudi-arabia/101120/saudi-prince-turki-rebukes-us-policy-afghanistan-page=0,1>

³⁵ Данилычев Ю. Карзай приехал в Саудовскую Аравию устанавливать мир в Афганистане. // РИА Новости – на: <http://www.rian.ru/world/20100203/207469422.html>

³⁶ Интервью Турки аль-Фейсала «Глобал Пост»...

³⁷ Куделев В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке. М., 2009, с. 57.

³⁸ Куделев В.В. «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители. М., 2008, с. 48.

³⁹ Куделев В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке. М., 2009, с. 57.

⁴⁰ Al-Turki. Les Arabes affluent en Afghanistan // Mejliss – à: mejliss.com/node/1544935

АФГАНИСТАН И ОЭС

Организация экономического сотрудничества (ОЭС) объединяет 10 государств Юго-Западной Азии с населением около 400 млн. человек и площадью более 8 млн. кв. километров. По территории и численности населения – это второе региональное объединение в мире. В начале 90-х годов деятельность ОЭС, созданной в 1985 г. на базе организации Региональное сотрудничество ради развития (РСР), учрежденной Ираном, Турцией и Пакистаном еще в 1964 г., получила новый импульс, что было связано с изменением геополитической ситуации и повышением роли региона в мировой политике. После распада СССР новые независимые государства Средней Азии и Закавказья, стремившиеся укрепить свою международную легитимность и выйти из-под влияния России, обратили свои взоры в сторону ближайших соседей. Турция, Иран и Пакистан, осознавая, что процессы региональной интеграции в последние десятилетия XX в. стали ведущей тенденцией в мировой геополитике, в начале 90-х годов увидели во внутрирегиональных структурах возможность создания определенного полюса силы в новой геополитической системе мира и, со своей стороны, предприняли усилия для заполнения политического и экономического вакуума в этих странах и привлечения их в свое региональное объединение. В ноябре 1992 г. на встрече министров иностранных дел ОЭС в Исламабаде были приняты в члены организации Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Афганистан также выразил готовность присоединиться к этой региональной экономической организации, и его членство было официально утверждено.

Первое десятилетие после расширения организации стало периодом ее организационного становления, определения приоритетов и выработки основных направлений экономической стратегии. Первые годы характеризовались оживленными двусторонними и многосторонними контактами на различных

уровнях, разработкой и утверждением многочисленных программ и проектов, среди которых можно отметить План действий ОЭС на долговременную перспективу (1993 г.), Соглашение по транзиту и торговле (1995 г.), Программу действий в области развития транспорта и коммуникаций (1998–2007 гг.). Постепенно на смену эйфории по поводу расширения ОЭС и пропаганде грандиозных проектов пришло осознание реальных факторов, выступающих ограничителями процесса региональной интеграции. Различие в уровнях экономического развития входящих в ОЭС государств, отсутствие достаточных финансовых средств у большинства из них, слабость рыночных механизмов и неразвитость частного сектора в экономической системе ряда стран-членов, единообразие экспортно-импортной продукции, излишние бюрократические проволочки, постоянные структурные изменения в аппарате ОЭС тормозят процесс экономической интеграции. Препятствием на пути укрепления экономических связей и регионального единства выступают и серьезные различия в политической ориентации государств ОЭС. Генеральный секретарь организации А.Т. Оразбей низкий уровень экономического партнерства объяснил тем, что «государства ОЭС членство в организации увязывают с достижением своих политических целей», и подчеркнул, что «трудно развивать сотрудничество между 10 государствами с различными экономическими системами и находящимися на разных уровнях развития: Турция готовится стать членом ЕС, экономика Афганистана полностью разрушена в ходе 25-летней гражданской войны, а новые независимые государства заняты решением своих внутренних проблем»¹.

Однако, проявляя неудовлетворенность результатами деятельности организации, члены ОЭС сохранили интерес к кооперации в рамках этого регионального объединения и сумели определить правильные приоритеты для развития. В первые годы XXI в. члены ОЭС в основном занимались усовершенствованием структуры организации, чтобы найти наиболее оптимальный механизм для реализации выработанных проектов, и активно привлекали помощь международных институтов.

Афганистан после свержения режима талибов сохранил свое членство в ОЭС и в последние годы проявляет все большую заинтересованность в участии во всех структурах организации.

Интерес нынешнего правительства Афганистана к развитию внутрирегиональных связей объясняется как потребностями

восстановления разрушенной многолетней войной экономики, так и политическими факторами. Афганистан, будучи членом ОЭС, получает право использовать механизмы организации для нужд собственного развития, включая модернизацию, диверсификацию экономики, а в будущем – обретение собственной ниши в системе МРТ. Среди возможностей, предоставляемых ОЭС, – облегчение доступа на рынки соседних стран, использование инфраструктуры сопредельных государств для выхода на рынки третьих стран, что имеет чрезвычайную значимость для Афганистана, лишенного прямого выхода на мировые торговые пути, участие в совместных экономических проектах, получение дополнительных инвестиций. Членство в этой региональной структуре предоставляет Афганистану возможность позиционировать себя полноценным субъектом международного права и укрепить статус своего государства, а после вывода сил международной коалиции создать предпосылки для гарантированного обеспечения национальной безопасности.

Партнеры по ОЭС в первую очередь заинтересованы в ликвидации очага напряженности в Афганистане, без чего невозможно обеспечение безопасности региона, являющейся залогом развития и упрочения интеграционных процессов. Географическое положение Афганистана, территория которого является связующим звеном между государствами Средней Азии и Пакистаном и Ираном, предоставляет ОЭС возможность создания внутрирегиональных и межрегиональных транспортных коридоров с выходом на Китай, Южную и Юго-Восточную Азию или Персидский залив. По территории Афганистана проходит Великий шелковый путь, возрождению которого уделяется большое внимание в планах ОЭС. Это государство рассматривается и как удобный транзитный путь для экспорта углеводородов из республик Средней Азии в Пакистан и Индию или вывоза их на внешние рынки. Привлекает региональных партнеров и растущий афганский рынок. Его освоение может способствовать значительному росту товарооборота внутри ОЭС. Активное вовлечение Афганистана в проекты организации увязывается с обеспечением стабильности.

Контртеррористическая операция и восстановление легитимных органов власти в Афганистане, несмотря на присутствие иностранного воинского контингента, было одобрительно встречено государствами ОЭС, увидевшими в этом не только снижение реальных угроз для безопасности региона, но и дополни-

тельные возможности развития взаимодействия при поддержке международных институтов. ОЭС выступила координатором международной помощи на восстановление Афганистана.

Содействие реконструкции экономики Афганистана стало важным направлением деятельности организации. В конце 2002 г. 7-й саммит ОЭС одобрил План действий по участию в реконструкции Афганистана. В октябре 2002 года в иранском городе Мешхеде была проведена международная выставка «Участие в восстановлении и развитии Афганистана», в которой приняли участие 400 компаний из семи стран региона. В 2004 г. был открыт специальный фонд содействия, который пополняется членами организации на добровольной основе и расходуется на осуществление специальных проектов, реализуемых ОЭС. Одним из проектов, в котором принимают участие все члены ОЭС, стало строительство, по просьбе афганских властей, общественного парка Дех Мазанг, который называют «ECO Park». Каждая страна возводит в этом парке свой павильон, где будут демонстрироваться ее достижения в области экономики, культуры, социальной сферы, проводиться выставки экспортных товаров. На осуществление этого проекта ОЭС выделила 1,2 млн. долларов. Страны ОЭС восстанавливают зоопарк в Кабуле. Эти два проекта близятся к завершению, работы выполнены на 80%. На очереди реализация новых проектов – строительство школы и центра здоровья в Бамьяне, женского госпиталя в Фарьябе, научно-исследовательского центра в Кабуле.

Представители ОЭС не только выражают готовность способствовать развитию мирного процесса в Афганистане и принимают активное участие во всех международных форумах, таких как Лондонская и Кабульская конференции 2010 г., но и претендуют на особую роль в процессах урегулирования.

В то же время на региональном уровне по-прежнему превалируют двусторонние связи. Между членами ОЭС наблюдается соперничество за укрепление влияния в Афганистане, перед лицом международных организаций лоббируются альтернативные проекты, прослеживается стремление провести через свои финансовые институты донорскую помощь. Тем не менее заинтересованность во взаимодействии на региональном уровне сохраняется, и несмотря на участие членов ОЭС в других региональных структурах (ШОС, СААРК, СНГ, ЕВРАЗЭС, АСЕАН), в последние годы наблюдается оживление активности организации.

В условиях процесса глобализации и либерализации торговли ОЭС пытается найти свое достойное место в мировой экономической системе, чтобы противостоять возможным вызовам «посредством укрепления национальных и региональных экономик, повышения уровня духовности, развития производства культурной продукции и защиты суверенитета и независимости государств». В концептуальном документе «Взгляд на ОЭС в 2015 году», принятом на 9-м саммите глав государств в 2006 г., подчеркивается, что основная цель деятельности ОЭС в современных условиях – углубление внутрирегионального сотрудничества и содействие интеграции стран-членов в мировую экономику, что будет способствовать социально-экономическому развитию региона и росту уровня жизни его населения².

Для достижения этих целей первоочередной задачей было названо создание зоны свободной торговли в регионе стран ОЭС к 2015 г. путем постепенного снятия торговых барьеров, отмены некоторых видов тарифов и нетарифных ограничений, что даст возможность поднять уровень внутрирегиональной торговли до 20%³.

Основными ограничителями расширения торговли в странах ОЭС, по мнению экспертов, можно назвать существование нетарифных барьеров, большие задержки при растаможивании, трудности проведения платежных операций, нестабильность и неконвертируемость некоторых национальных валют, неразвитость банковского обслуживания торговых операций, высокие транспортные издержки, единообразие производимых товаров, слабое развитие транспортной сети⁴.

Министры торговли стран ОЭС еще в 2003 г. подписали Соглашение по торговому сотрудничеству (ЕСОТА), направленное на последовательное снижение тарифов в регионе, осуществление которого началось с 2009 г. Первым шагом на этом пути должно стать сокращение в течение ближайших 8 лет таможенных тарифов государствами, подписавшими Соглашение в среднем от 8 до 15% почти на 80% товаров. В настоящее время большинство государств, за исключением Ирана, Афганистана и Таджикистана, уже представили список товаров, на которые будут снижаться пошлины.

Департамент по торговле ОЭС предпринимает меры по привлечению всех членов к подписанным соглашениям по торговому сотрудничеству, налаживанию взаимодействия между

таможенными органами, принятию мер по защите инвестиций, созданию информационного банка данных по торговым операциям и инвестиционным проектам. В сентябре 2006 г. в Тегеране прошла Первая встреча экспертов по упрощению визового режима для бизнесменов стран ОЭС, в ходе которой разрабатывался План действий по унификации визовых сборов, разработке единой визовой анкеты и предоставлению возможности получения визы для бизнесменов в упрощенном порядке сроком на один год. Рассматривался также вопрос об установлении в ближайшее время безвизового режима для дипломатов и владельцев служебных паспортов и полной отмены визового режима к 2015 г. на всей территории ОЭС. Министры иностранных дел Ирана, Афганистана и Пакистана в 2009 г. подписали соглашение об упрощении процедуры выдачи виз представителям бизнеса государств ОЭС. Другие страны пока не выразили готовность присоединиться к этому соглашению. С ноября 2008 г. начал свою работу веб-портал торговых операций и инвестиционных проектов.

К достижениям стран ОЭС надо отнести и начало деятельности Банка торговли и развития с капиталом в 300 млн. долларов в 2008 г. Его организаторами выступили Иран, Турция и Пакистан. Позднее о желании присоединиться к участию в банковской деятельности заявили Азербайджан, Афганистан и Казахстан. На 11-м саммите ОЭС, проходившем в декабре 2010 г. в Стамбуле деятельность Банка торговли и развития пока признана недостаточной. На этой же встрече был поднят вопрос о переходе к расчетам на основе национальных валют. Президент Ирана призвал всех членов организации исключить доллар из внутреннего употребления и последовать примеру Турции и Ирана, пришедших к соглашению об осуществлении расчетов на основе использования национальных валют. Однако ввиду существования значительных экономических трудностей у большинства государств ОЭС и слабости их национальных валют представляется сомнительным, что этот опыт может быть использован в ближайшее время в масштабах региона.

В 2009 г. государства ОЭС взяли на себя обязательства обеспечить необходимые условия для привлечения иностранных капиталовложений и гарантировали их защиту. Соответствующие документы подписали Азербайджан, Афганистан, Иран и Турция. Готовность оказать содействие в этом вопросе выразил председатель Исламского банка развития.

Несмотря на усилия, прилагаемые ОЭС по развитию торговых связей, пока ей не удалось добиться каких-либо значительных сдвигов в этой области. По данным за 2008 г., доля государств ОЭС в совокупном объеме мировой торговли составляет 2,8% или около 600 млрд. долларов. Объем внутрирегиональной торговли достигает в стоимостном выражении 41,4 млрд. долл., что составляет всего 7 % совокупного внешнеторгового оборота стран ОЭС⁵. Хотя в процентном отношении доля внутренней торговли в экспортно-импортных операциях стран ОЭС выглядит незначительной и ее нельзя сопоставлять с долей внутрирегиональной торговли государств АСЕАН, показатель которой составлял в 2006 г. 25%⁶, необходимо отметить, что в последнее десятилетие наблюдается ее незначительный, но неуклонный подъем. Свой вклад вносит расширяющийся афганский рынок.

Внутрирегиональная торговля для Афганистана имеет большее значение, чем для других государств ОЭС, поскольку ее доля в совокупном объеме внешней торговли этой страны составляет, по данным за 2008 г., 35,2%. При этом стоит отметить, что импорт значительно превалирует над экспортом, и основные закупки осуществляются Афганистаном за счет донорской помощи. Основными торговыми партнерами Афганистана выступают Пакистан, Узбекистан и Иран. По данным секретариата ОЭС за 2007 г., объем экспортно-импортных операций с этими странами составил соответственно 720, 497 и 147 млн. долларов. На Казахстан приходится 4,6%, на Турцию около 2% внешнеторгового оборота Афганистана⁷. К сожалению, из-за отсутствия или неполноты данных нет возможности судить о месте других партнеров Афганистана по ОЭС в его внешнеторговых операциях.

Вторым приоритетным направлением деятельности организации на десятилетие было названо развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры. Задача связать все страны-члены организации между собой и обеспечить странам, не имеющим прямого выхода к морю, выход к свободным морям была поставлена еще в конце 90-х годов, когда и началось осуществление программы развития транспорта в регионе. Выбор таких приоритетов объясняется тем, что создание транспортной инфраструктуры для большинства членов организации является первостепенной задачей как для развития экономики в самом регионе, так и для его интеграции в мировой рынок.

В планах организации особый акцент был сделан на развитие транспортных коридоров «Восток-Запад» и «Север-Юг», позволяющих связать Центральную Азию и Пакистан с Европой. За прошедший период был конкретизирован список объектов, которые необходимо построить для объединения транспортных сетей региона, завершено строительство некоторых из них. Новые проекты организации учитывают значительный транспортный потенциал Афганистана. В июне 2003 года в ходе встречи на высшем уровне между главами Ирана, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана были заключены два договора по вопросам транзита и развития торговли, в которых было предусмотрено строительство магистрального сообщения между Узбекистаном и Афганистаном, а также между Таджикистаном и Афганистаном⁸.

В рамках международного транспортного проекта ТРАСЕКА в 2005 г. был построен участок автотрассы Догарун – Герат как один из маршрутов Великого шелкового пути. Идет строительство отрезка региональной трассы Чабахар – Центральная Азия, соединяющего иранскую транспортную сеть с афганской.

В 2007 г. на проходившем в Герате заседании Комитета постоянных представителей ОЭС было принято решение о расширении Программы развития транспорта и коммуникаций, принятой еще в 1998 г. Проект новой программы, рассчитанной на период 2009–2015 гг. был одобрен в 2009 г.

В последние годы активизировалась реализация проектов, включенных в Рамочное соглашение по транзитному транспорту, одобренное в 2006 г. ОЭС создала Фонд развития транспортной инфраструктуры, а Исламский банк развития выделил на осуществление проектов 512 млн. долларов⁹. 50 тысяч долларов направила в этот фонд ОЭС.

На повестку дня поставлен вопрос налаживания контейнерных и пассажирских перевозок по маршруту Стамбул – Тегеран – Исламабад, Стамбул – Алма-Аты, а также осуществление проекта транспортного пути из порта Чабахар на Персидском заливе через Афганистан в Центральную Азию, приведение автодорожной сети в соответствие с международными стандартами, упрощение режимов прохождения пограничного контроля.

За прошедшие годы было закончено строительство ветки Мешхед – Герат, осуществляемое в рамках проекта Таджики-

стан – Афганистан (Мазари-Шариф – Герат) – Иран и соединения этой ветки с железнодорожной сетью ИРИ, выходящей на порты Персидского залива. Активный интерес к этому проекту проявила Саудовская Аравия. Выразил готовность участвовать в проекте строительства участков железных дорог, соединяющих южные порты Ирана с Ашхабадом и Ташкентом, Оман.

В 2010 г. введена в строй новая железнодорожная ветка Хайратон – Мазари-Шариф протяженностью 75 километров, в перспективе планируется ее соединение с веткой Герат – Мешхед. Как представляется, «транзитный потенциал Афганистана очень значителен, и он будет полностью раскрыт в случае реализации проекта железной дороги КНР – Таджикистан – Афганистан – Иран. В этом случае Афганистан станет ключевым элементом новой транзитной региональной карты»¹⁰.

Привлечение внерегиональных партнеров, несомненно, будет способствовать не только скорейшей реализации проектов, намеченных ОЭС, и приведет к модернизации транспортно-логистической системы, следствием чего станет рост влияния региона в системе мирохозяйственных связей.

Большим достижением ОЭС стало успешное проведение акции «Караван "Шелковый путь" – 2010», организованной совместно с Международным союзом автомобильного транспорта (IRU). Состоящий из 8 грузовиков караван ОЭС – IRU «Шелковый путь» за три месяца проехал 11 тысяч километров через территорию Афганистана, Азербайджана, Ирана, Пакистана, Таджикистана, Турции и Туркменистана с целью дальнейшего развития торговли и экономического сотрудничества как внутри региона ОЭС, так и с другими странами мира, чтобы «помочь экономикам стран, не имеющих выхода к морю, в полной мере воспользоваться благами глобализации, давая возможность автомобильному транспорту стимулировать прогресс и процветание»¹¹. Девизом этого пробега стал лозунг «Везем прогресс из Исламабада в Стамбул».

Главными целями этого пробега были следующие: содействие и контроль исполнения Рамочного соглашения ОЭС по транзитным перевозкам, сбор данных по маршруту, таких как время ожидания на границах, таможенные процедуры и дорожные сборы, а также визовые требования в регионе ОЭС, проверка инфраструктуры сети дорог.

Заместитель Генерального секретаря ОЭС Алтаф Асгар на церемонии встречи каравана подчеркнул: «В условиях сего-

дняшней глобализации только при эффективных автомобильных перевозках экономики стран ОЭС могут стать более связанными между собой и с основными мировыми рынками. Вот почему ОЭС стремится утвердить себя в качестве основной региональной движущей силы для упрощения автомобильных перевозок внутри всего региона, в интересах всех его жителей»¹².

Предварительный анализ результатов пробега показал, что караван достиг поставленных целей и что основные нефизические барьеры, особенно на границах государств, главным образом связаны с неэффективной реализацией ключевых инструментов ООН в сфере многосторонней торговли и автомобильных перевозок. Относительно состояния дорожной сети был сделан вывод, что она удовлетворительна для развития международных транзитных перевозок.

Во время остановки каравана в Мазари-Шарифе между представителями ITU и правительством страны был подписан Меморандум о намерениях восстановления системы международных транспортных перевозок на территории Афганистана.

В рамках ОЭС создана судоходная компания. Организация стимулирует развитие морских перевозок, развитие портовой инфраструктуры. В иранском порту Чабахар, получившем статус свободной зоны, выделена специальная зона для стран ОЭС, не имеющих выхода к открытым морям, в которой им предоставлены различные преференции, включая возможность осуществления инвестиций и экономической активности, а также скидки на аренду предприятий и техники. Иран рассматривает возможности освобождения от налогов на период до 30 лет для действующих в этой зоне предприятий и фирм, введение льгот на аренду оборудования, скидок на хранение и обработку грузов. В проектах организации создание аналогичной зоны в пакистанском порту Гвадар.

Третьим приоритетным направлением сотрудничества в рамках ОЭС была названа энергетика. В документе «Взгляд на ОЭС в 2015 г.» поставлена задача «связать энергосистемы всех стран-членов организации с тем, чтобы, создав единую энергосеть, добиться улучшения показателей в производстве и продаже электроэнергии, развивать сети газо- и нефтепроводов региона для полного обеспечения его энергетических потребностей и совершенствования связей с международными рынками, активизировать использование новых и возобновляемых энергоресурсов и оптимизировать эффективность производства

и использования энергии»¹³. По мнению руководства ОЭС, энергетика выступает одним из наиболее активных и перспективных направлений взаимодействия государств ОЭС, задействованные схемы сотрудничества включают большинство ее членов.

Осуществление проектов в области транспортировки электроэнергии уже начато между Ираном и Турцией, Ираном и Туркменистаном, Туркменистаном, Таджикистаном и северными районами Афганистана, Ираном и Азербайджаном, Ираном и Афганистаном. Свою помощь в создании единой внутрирегиональной энергосети оказывает Мировой банк. Однако сотрудничество осуществляется преимущественно на двусторонней основе.

Нельзя не отметить, что до сих пор не увенчались успехом попытки государств ОЭС скоординировать свою политику в нефтегазовой области, и энергетический фактор в регионе в большей степени выступает в качестве деструктивного, хотя все члены организации прилагают усилия для развития более тесного взаимодействия в вопросе транспортировки углеводородов.

Территория Афганистана большинством государств ОЭС рассматривается как один из основных транзитных путей. Проект строительства газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан (ТАПИ), несомненно очень выгоден Афганистану, поскольку будет приносить ему ежегодно 300 млн. долларов платы за транзит, создаст дополнительные рабочие места и ускорит строительство дорог и коммуникаций на территории вокруг газопровода. В мае 2002 года в Исламабаде руководителями Туркмении, Пакистана и Афганистана было подписано Межправительственное соглашение о его прокладке. Был создан Руководящий комитет по реализации этого соглашения, в состав которого вошел четвертый участник проекта – Азиатский Банк Развития. В 2003 году был утвержден маршрут газопровода Довлетабад – Герат – Кандагар – Кветта – Мултан. Однако ввиду политической нестабильности и ряду других причин этот проект пока не реализуется. Большую заинтересованность в осуществлении этого проекта проявляет в последнее время Туркменистан. Иран же активно выступает против строительства этого газопровода и лоббирует альтернативный проект «Мир», проходящий в Пакистан через его территорию. Сильное давление внешних сил в значительной мере осложняет ситуацию, углубляет противоречия региональных партнеров и тормозит осуществление необходимых региону проектов.

В последних планах ОЭС предусматривается координация усилий всех стран региона, включая Афганистан, для стимулирования развития промышленности с тем, чтобы создать стабильный, конкурентноспособный промышленный регион. Для достижения поставленной цели предусматривается проведение политики привлечения иностранных инвестиций и улучшение инвестиционного климата, расширение процесса приватизации, продвижение сектора мелких и средних предприятий, развитие новых технологий. Рассматривались возможности кооперации в таких областях, как нефтехимия, добыча минерального сырья, текстильная и пищевая промышленность. Разработан план действий ОЭС в области приватизации.

Большое значение придается членами ОЭС обеспечению к 2015 г. продовольственной безопасности региона путем координации усилий в деле увеличения производства продуктов питания, предотвращения потерь на стадиях производства и переработки продовольственных ресурсов, применения новых технологий, более эффективного использования природных ресурсов, в первую очередь водных источников. Налаживается взаимодействие стран ОЭС в сфере защиты окружающей среды. В 2002 г. был принят План действий, а в 2004 г. подписана Стамбульская декларация о сотрудничестве в области охраны окружающей среды.

Важное место в деятельности ОЭС занимает борьба с распространением наркотиков и организованной преступностью, поскольку этот регион считается одним из наиболее активных направлений мирового наркотрафика. Программы ОЭС предусматривают дальнейшую координацию усилий государств-членов и их сотрудничество с международными структурами в борьбе с организованной преступностью и терроризмом.

По предложениям ИРИ еще в 1998 г. в рамках секретариата ОЭС был создан Координационный совет по контролю за наркотиками, который завершил в 2004 г. реализацию второго этапа создания системы обмена информацией между странами региона по этой проблеме. Финансирование данного проекта осуществлялось за счет средств UNDCP (Управление ООН по борьбе с наркотиками и преступностью). Усилия ОЭС в этой сфере были отмечены специальной премией ООН. В декабре 2005 г. в Турции прошла первая встреча по проблеме борьбы с наркотиками на уровне министров стран-членов ОЭС,

на которой были внесены дополнения в План действий организации по контролю за наркотиками и рекомендовано преобразовать существующий Координационный комитет в Региональный центр по борьбе с наркотиками и организованной преступностью. Особо подчеркивалась необходимость изыскания возможностей для совместной подготовки специалистов этой сферы и расширения обмена информацией по соответствующей тематике.

В 2006 г. в Тегеране проходила Первая встреча глав МВД 10 стран-членов ОЭС под лозунгом «Безопасность, стабильность и устойчивое развитие». Министры высказались за дальнейшее укрепление сотрудничества в области обеспечения безопасности и стабильности в регионе. В одобренной всеми участниками резолюции была отмечена необходимость усиления координации действий и сотрудничества стран-членов ОЭС в борьбе против терроризма, наркотрафика и организованной преступности в регионе. Кроме того, подчеркивалась необходимость укрепления безопасности и стабильности как основ экономического развития и прогресса стран ОЭС.

Важное направление деятельности ОЭС – расширение международных связей. Она поддерживает контакты с рядом международных организаций, имеет статус наблюдателя при ООН, активно сотрудничает с ее структурами. ОЭС проводит консультации с другими региональными организациями – ЕС, АСЕАН, СААРК, использует помощь Всемирного банка, Исламского банка развития, Азиатского банка развития, ЮНЕСКАП. Руководство ОЭС полагает, что пропаганда целей и задач организации, широкое информирование международных структур о ходе ее деятельности будут способствовать росту ее авторитета и привлечению средств международных финансовых институтов для осуществления ее проектов.

Расширение культурных связей, изучение и сохранение общего исторического и духовного наследия, развитие туризма, сотрудничество в области образования продолжают оставаться в центре внимания ОЭС. Эти задачи выполняет Институт культуры ОЭС, в фонд которого был выделен Ираном 1 млн. долларов. Под эгидой этого центра проводятся фестивали культуры народов региона, издаются литературные произведения на различных языках, проводятся исторические и этнографические исследования. Стало традицией проведение праздника ноуруз. Институт координирует свою деятельность

с ЮНЕСКО. Среди проектов, намеченных на ближайшее время, – организация радиовещания и открытие информационного агентства, подготовка энциклопедии государств ОЭС, разработка туристических маршрутов. Организация учредила свой научный центр и образовательный институт. Деятельность этих учреждений только начинается. Афганистан принимает участие в большинстве культурных мероприятий, проводящихся по программам ОЭС.

Подводя итог деятельности ОЭС, можно признать, что за прошедшие 18 лет ей не удалось стать реальным механизмом экономического взаимодействия государств региона, она существует лишь как сообщество соседних государств и не представляет собой единой системы, внутри которой входящие в нее члены могли бы в полной мере обеспечить потребности друг друга. Все члены ОЭС осознают, что нынешний этап регионального сотрудничества можно охарактеризовать лишь как самый низкий уровень интеграции. Однако в последнее десятилетие, несмотря на существующие политические разногласия и экономические ограничители, превалирование узконациональных интересов над общерегиональными, усилилось понимание всеми государствами-членами необходимости экономической интеграции как предпосылки укрепления региональной безопасности, повысился интерес к реализации совместных проектов. Антитеррористическая операция в Афганистане и помощь международного сообщества в восстановлении мира и реконструкции страны активизировали механизмы регионального взаимодействия. В настоящее время Афганистан, как с точки зрения отсутствия политической стабильности, так и низкого уровня экономического развития, представляет собой одно из наиболее слабых звеньев организации, однако с точки зрения своего географического положения и экономических возможностей он хорошо вписывается в проекты и программы организации. Привлекая средства мировых финансовых институтов и стран-доноров, организация пересматривает свои проекты, стремясь подключить транзитный потенциал Афганистана. Интерес для стран ОЭС представляет и растущий афганский рынок, наличие сельскохозяйственных и природных ресурсов. Использование этого потенциала при обеспечении благоприятных внутри- и внешнеполитических условий и помощи международных институтов расширит возможности развития региональной интеграции.

-
- ¹ Iran Daily, 29.01.2006.
- ² ECO Vision 2015. www.ecosecretariat.org. 15-th Session of the Council of Ministers of ECO Countries.
- ³ Там же.
- ⁴ www.ecosecretariat.org. Directorate of Trade & Investment.
- ⁵ ECO Annual Economic Report 2008. С. 8. www.ecosecretariat.org
- ⁶ Там же.
- ⁷ www.ecosecretariat.org/statistics, ECO Annual Economic Report. 2009. С. 39.
- ⁸ См.: Арунова М.Р. Иран и афганская проблема (2000–2004) // Афганистан в начале XXI века. – М., 2004.
- ⁹ The Secretary General's Message on ECO Day 2008. – www.ecosecretariat.org.
- ¹⁰ Дауд М. Модернизация транспортной системы Среднего Востока может принести мир Афганистану. – www.afghanistan.ru.
- ¹¹ См.: Пресс-релиз Международного Транспортного союза. Декабрь 2010. – www.iru.org/en_media
- ¹² Там же.
- ¹³ ECO Vision 2015.

**«ТАЛИБАН»
НА ТЕРРИТОРИИ ПАКИСТАНСКОГО БЕЛУДЖИСТАНА**

В последнее время Талибан в Белуджистане значительно активизировал свою деятельность, что не могло не привлечь внимания как пакистанской Межведомственной разведки (традиционно курирующей движение талибов), так и иных спецслужб и ведомств, заинтересованных в урегулировании афганского конфликта и стабилизации политической обстановки в регионе, в том числе и в Пакистане. Примерно до 2010 г. положение талибов в пакистанском Белуджистане в отличие от Северного и Южного Вазиристана оставалось в тени. Во многом подобная пассивность «Талибана» объяснялась религиозными и этническими противоречиями между талибами-пуштунами и местными белуджскими националистами. Чтобы понять причины активизации и оценить возможные тенденции развития «Талибана», необходимо вернуться к истории зарождения этого движения, равно как и к основным этапам его распространения на территории Белуджистана.

После 1979 г. Пакистан стал вынужден оказывать всестороннюю поддержку афганским муджахедам, получая взамен не только огромную финансовую и военную помощь со стороны США, но и поток миллионов афганских беженцев, которые были размещены в лагерях Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), на подконтрольной центральной власти территории племен (включающей политические агентства Северный и Южный Вазиристан), а также в заселенных пуштунами северных районах Белуджистана.

Параллельно в 1980-х годах в рамках политики исламизации тогдашний президент Пакистана, суннит М. Зия-уль-Хак поощрял культуру джихада, всемерно усиливая влияние мусульманского духовенства — это узаконивало фундаментализм, особенно после введения элементов шариата в юридическую систему страны. Все более широко стали использоваться госу-

дарственные фонды для распространения религиозных семинарий. По некоторым данным, на территории Пакистана было образовано около 2,5 тыс. религиозных школ (медресе), где проходили обучение молодые люди, которые готовились для операций в Афганистане.¹

Именно в лагерях афганских беженцев в середине 1990-х годов зародилось движение «Талибан», главным лозунгом которого стала пропаганда чистого ислама, поскольку значительная часть талибов получила образование в пакистанских медресе. Остроту проблеме придавала практическая открытость пакистанско-афганской границы для племенных кочевников на всем ее протяжении. Проживающие по обе стороны границы пуштуны всегда считали, что имеют историческое право общения со своими соплеменниками. Оставаясь в качестве «разделенной нации» между Пакистаном и Афганистаном и не признавая «линию Дюранда», талибы-пуштуны значительно активизировали традиционный сепаратизм под лозунгом идеи о создании Великого Пуштунистана. «Талибан» поставил перед собой цель навести порядок в Афганистане, покончить с многочисленными вооруженными столкновениями на клановой и этнической основе за передел власти. Все это досталось Афганистану после вывода советских войск в 1989 г. наряду с разрушенной экономикой, горами оружия и наркобизнесом.

После того, как «Талибан» оккупировал 90% территории Афганистана, единственное, что ему удалось выполнить из программных обещаний – приостановить рост наркобизнеса. Взамен «Талибан» стремился получить признание мирового сообщества, и здесь Пакистан целиком выступал на его стороне, признав в качестве законного правительства. Подобная политика Пакистана не вызывала резкой критики со стороны США, которые в принципе были готовы поддержать «Талибан» (в обмен на стабильный Афганистан и разрешение на строительство трубопроводов из Центральной Азии к Аравийскому морю).

После 2001 г. ситуация вдоль пакистанско-афганской границы поменялась на противоположную: талибы были вынуждены вернуться на свои базы в СЗПП и Белуджистан, а Пакистан, по сути, повторил в отношении «Талибана» политику, проводившуюся США до введения на территорию Афганистана войск НАТО (МССБ), и не стал проявлять особого рвения в области пресечения деятельности отрядов талибов, вторгающихся

на афганскую территорию. США, со своей стороны, оказывая негласную поддержку группировке «Джундалла», действующей в Белуджистане и беспрепятственно проникающей на территорию Ирана, высказали резко негативную реакцию на практическую открытость пакистано-афганской границы (что способствовало беспрепятственному перемещению как боевиков-талибов, так и оружия). С другой стороны, боевой потенциал талибов, вытесненных из Афганистана, оказался, к удивлению представителей вооруженных сил США, неожиданно мощным.

Так, появились неопровержимые сведения о системе снабжения «Талибана» в Белуджистане, начиная с тренировочных лагерей вблизи Кветты и кончая огромными арсеналами, пунктами переброски новых вооружений и местами встреч руководства «Талибана» в столице провинции.² В некоторых лагерях мобильного базирования, расположенных в Белуджистане, осуществлялись диверсионная подготовка и обучение не только забрасываемых на афганскую территорию боевиков «Талибана», но и местных сепаратистских структур.

В ноябре 2006 г. представители пуштунских племен, проживающих по обе стороны пакистанско-афганской границы, собрались на джиргу в Пешаваре. Большинство участников джирги требовали «положить конец поддержке, которую оказывают талибам некоторые элементы в правительстве президента Пакистана Первеза Мушаррафа».³ Собравшиеся заявили, что несмотря на утверждения президента о проведении им политики борьбы с терроризмом и аресте 21 ноября 2006 г. 39 активистов движения «Талибан» в Кветте, террористы чувствуют себя довольно вольготно, контролируя ситуацию в приграничных с Афганистаном районах.

Представители США, НАТО и Афганистана утверждали, что штаб-квартира движения «Талибан» находится в Кветте. Однако президент Пакистана считал по-другому: «Боевики ведут действия, пересекая границу, их база находится в Афганистане, а поддержка осуществляется из Пакистана. Мы должны изолировать друг от друга эти два конца. Пакистан несет ответственность за то, что происходит на нашей стороне, но основные действия по противостоянию активности мятежников надо предпринимать в Афганистане».⁴ Правда, еще в сентябре 2006 г., находясь с визитом в Кабуле, П. Мушарраф частично признал ответственность Исламабада за бездеятельность своей администрации в отношении наращивания талибами своей

мощи, заявив, что «пока Пакистан был занят поиском активистов "Аль-Каиды", талибы воспользовались моментом для создания перевеса сил в свою пользу в пограничных провинциях».⁵

По мнению экспертов Центра изучения современного Афганистана (ЦИСА), *Шура-е-Кветта* находится практически под полным контролем Межведомственной разведки Пакистана. Поскольку вазиристанские талибы под командованием Хакимуллы Мехсуда плохо контролировались пакистанскими силовиками, именно против них и была начата в октябре 2009 г. спецоперация пакистанской армии. При этом нетронутыми оказались группировки талибов, расположенные в пакистанском Белуджистане.⁶ В январе – феврале 2010 г. фактически была обезглавлена группировка талибов в Вазиристане: в результате атак беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) ЦРУ США был убит Бейгулла Махсуд.⁷

Демонстрируя свою солидарность с борьбой против международного терроризма, президент Первез Мушарраф еще в январе 2002 г. принял закон о запрете деятельности нескольких экстремистских партий (*Лашкар-е-Джангви*, *Сипах-е-Сахаба е Пакистан*, *Джаиш-е-Мохаммад* и *Лашкар-е-Тоуба*), однако меры властей не оказались эффективными. Начиная с середины 1990-х годов типичной для Пакистана тенденцией становятся почти регулярные столкновения представителей суннитских партий и экстремистских группировок с рядовыми шиитами во многих крупных городах Пакистана, в том числе и в Кветте. Печальная статистика показывает, что вслед за нападением или убийством последователей одной из ветвей ислама тут же следуют ответные действия фанатиков другой стороны. Во всех случаях инициаторами столкновений, которые часто вели к кровопролитию, являлись суннитские группировки, в то время как шииты выступали с ответной реакцией вооруженного протеста.

Большинство коренного населения пакистанского Белуджистана принадлежит к умеренным суннитам-ханафитам, в то время как члены движения «Талибан» – сунниты, в их собственном понимании, выступающие за исламское правление на основе норм шариата.⁸ На втором месте по численности и влиянию в провинции стоит шиитская община – точных сведений о численности шиитов нет (в пакистанской и зарубежной печати называют от 10 до 30% мусульманского населения всей страны).

В 1980-е гг. численность шиитов в Белуджистане значительно возросла, особенно в округах Кветта-Пишин, Чагаи,

Зхоб и Лоралаи. Именно в этих районах непосредственно вдоль границы с Афганистаном были созданы лагеря афганских беженцев. По данным Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, уже к началу 1981 г. афганские беженцы составляли 41,5% населения округа Чагаи, 19,7% населения округа Кветта-Пишин и 18,0% округа Зхоб. В отличие от СЗПП, где было расположено большинство лагерей и куда переселялись сунниты – выходцы из пуштунских племен, в Белуджистане нашли убежище хазарейцы-шииты.⁹ Хазарейцы – третья по численности этническая группа в Афганистане, они проживают в центральных и северных районах страны, в основном в провинции Бамиан. Талибы (мусульмане-сунниты) преследовали их из-за шиитских верований.

Сектантские разногласия начали проявляться в Белуджистане в середине 1990-х гг. в связи с формированием «*Сипах-е Сахаба Пакистан*» (ССП) – организации, которая стала распространять религиозную вражду в провинции. Благоприятной почвой для ее действий стал пояс расселения брагуйских племен, поддержанных массовой помощью со стороны иностранных фондов. Экстремисты начали свою работу с районов Мустанг, Харан и Чагаи – через которые шоссе подходит к соседнему Ирану.

Активисты взяли под свой контроль большинство мечетей в этих районах и стали их использовать для антишиитской пропаганды. Вначале это была лишь горстка возмутителей спокойствия, однако постепенно их численность возрастала и приблизилась к 300–400 человек. Организованным способом ССП начала проводить антишиитскую кампанию, разрисовывая стены и вычерчивая антишиитские лозунги на вагонах поездов, особенно тех, которые двигались между Пакистаном и Ираном. Лозунги, объявляющие шиитов неверующими, были написаны на стенах главных улиц и дорог в Кветте и вдоль шоссе, соединяющего Пакистан с Ираном. Местная администрация была не в состоянии предпринять какие-либо серьезные действия, чтобы предотвратить эту подрывную деятельность. В 1995 г. от ССП откололась фракция «*Лашкар-е-Джангви Пакистан*» (ЛД). ЛД – это экстремистское военизированное формирование суннитов, тесно связанное с насилием против шиитского сообщества. В последние годы обе воинственные организации привлекли в свои ряды сотни активистов, прошедших подготовку и получивших оружие для борьбы с врагами ислама. ЛД скорее

можно рассматривать как экстремистскую группировку, находящуюся в подполье, но тесно связанную с афганскими талибами и сетью «Аль-Каиды».

Всплеск кровопролитных столкновений пришелся на 2002–2003 годы – после подавления движения «Талибан» в соседнем Афганистане и начала строительства там демократического государства под контролем американской армии. Именно в эти годы представители экстремистских группировок вынуждены были вернуться в Пакистан, не потеряв в то же время своих связей с международным терроризмом.

Особенно жестокий теракт, который потряс весь Пакистан, был организован 4 июля 2003 г., когда трое фанатиков-самоубийц, обвешанных гранатами, напали на шиитскую мечеть. Преступление было совершено во время особо почитаемой мусульманами пятничной проповеди. Один убийца-камикадзе вошел в мечеть, где взорвал себя, а двое других в течение десяти минут в упор расстреливали собравшихся. Всего в мечети в это время находилось около двух тысяч правоверных. В результате нападения погибли 53 человека, включая умерших в больницах раненых. Вслед за терактом в 1,2-миллионной Кветте начались беспорядки и волнения (следует особо отметить, что примерно треть населения города составляют шииты, при том что значительная часть принадлежит к народности хазарейцев). Толпы людей громили магазины, банки, сожгли десяток автомобилей и мотоциклов. Была подожжена суннитская школа-медресе. По всей стране начался поиск преступников и аресты активистов экстремистских суннитских группировок. В Кветте задержаны 15 человек, в Лахоре – пять членов группировки *«Лашкар-е-Джангви»*, связанной с афганскими талибами и сетью «Аль-Каиды». Показательно, что предыдущий теракт, совершенный в той же Кветте, так и не был раскрыт. Тогда двое террористов расстреляли из автоматов грузовик, в котором возвращались из отпуска в казармы курсанты-полицейские. Все они были шиитами-хазарейцами. Девять курсантов погибли от пуль нападавших, а еще 11 получили ранения.¹⁰ Акция террора со стороны суннитской группировки моментально вызвала ответную реакцию со стороны шиитов, в то время как правительство оказалось не в состоянии контролировать ситуацию.

Помимо ССП, ЛД и других местных экстремистских группировок, допускалась возможная причастность к нападению аф-

ганского «Талибана». Предположение мотивировалось тем фактом, что члены племени хазарейцев были главными объектами терактов как в мечети в Кветте, так и при нападении на полицейских. За несколько недель до нападения, совершенного в Кветте, в Афганистане в Хазараджате была атакована местная суннитская религиозная школа предположительно местными хазарейцами. Это вызвало большую напряженность в области и «некоторые суннитские лидеры угрожали во время своих проповедей свести счеты». Некоторые источники предполагали, что резня в Кветте стала ответной реакцией на инцидент в Афганистане.

При этом большинство должностных лиц исключало возможность причастности «Аль-Каиды» к нападению в Кветте. По их словам, большинство арестованных членов этой организации признались, что они имеют строгие распоряжения от партийного руководства не вовлекаться в деятельность местных сектантских партий. Этот призыв к сдержанности во многом объясняется тем фактом, что многие члены «Аль-Каиды» нашли временное убежище в шиитском Иране и «они не могут себе позволить осложнить отношения с Ираном».¹¹

Вместе с тем некоторые должностные лица высказали предположение, что рост террористических акций в Белуджистане наметился после того, как правительство Карзая наладило отношения с Индией, а именно «индийцы в наибольшей степени заинтересованы в нестабильности в Пакистане»

Активизация религиозных экстремистских организаций радикально-суннитского толка («*Лашкар-е-Джангви*», «*Джундулла*») в значительной степени осложняет ситуацию в регионе. Они насаждают ваххабитские порядки в городских пуштунских анклавах и в сельской местности, осуществляют шиитские погромы и трансграничные диверсии в Пакистане. С ними тесно связаны и «окопавшиеся» в Белуджистане афганские талибы, в частности, представители руководства Движения талибов, которые планируют операции против МССБ-НАТО и коалиционных сил в Афганистане из расположенных вдоль границы с Пакистаном лагерей для афганских беженцев, не накаляя при этом обстановку в провинции Белуджистан террором (этим занимаются националисты).

В целом ислам, сохраняя свои глубокие корни в племенной структуре белуджского общества, начал постепенное развитие в основном за счет внешней помощи и подпитки. Это не могло

не привести к обострению противоречий между различными религиозными сектами и течениями. На территории пакистанского Белуджистана процесс проходил параллельно с развитием белуджского этнонационализма. Белуджский народ проживает в Пакистане (более 3 млн. чел. в Белуджистане, 1,2 млн. в Синде, более 300 тыс. в Панджабе), Иране (700 тыс.) и Афганистане (150 тыс. чел.). Не менее миллиона белуджей живут в странах Персидского залива.

Значительную часть населения Белуджистана традиционно составляют пуштуны – при росте абсолютной численности пуштунского населения его удельный вес возрос незначительно. Пуштуны компактной группой населяют северные округа провинции. Они составляют большинство в округе Кветта-Пишин, примерно 2/3 жителей округа Лоралаи, по существу все население Зхоба и небольшую (меньше четверти) часть жителей Сиби. Интересно, что в таких округах, как Зхоб, Лоралаи, Кветта, восточные районы Чагай, вследствие миграции пуштунов из СЗПП уже проживает примерно одинаковое количество белуджей и пуштунов – это распространяется как на городские центры, так и на сельские районы. Пуштунские племена, во главе которых стоят влиятельные землевладельцы, расселяются, как правило, на наиболее плодородных землях Белуджистана, расположенных в северных, пограничных с СЗПП районах. По приблизительным данным, приводимым в работах зарубежных авторов, в начале 1980-х годов количество проживающих в Белуджистане пуштунов уже составило около 30% населения провинции.¹²

Естественно, что расселение выходцев из соседней провинции на наиболее плодородных землях становится причиной их соперничества с местным населением за ограниченные земельные ресурсы провинции. Это не может не вызвать обострения этнических по форме и социальных по существу конфликтов в Белуджистане. После 1979 г. подобные противоречия на национальной основе заметно усилились в связи с большим притоком как в Белуджистан, так и в СЗПП беженцев из соседнего Афганистана. Приводились факты участвовавших вооруженных столкновений между пакистанскими белуджами и пуштунскими переселенцами.

Для белуджей проблема постоянно растущего пуштунского населения уже давно стала традиционной. В свое время генерал М. Зия-уль-Хак собирался провести административную

реформу, но не успел. Беназир Бхутто, со своей стороны, обещала рассмотреть вопрос об этносоциальных конфликтах в Белуджистане, но также не успела. Генерал П. Мушарраф был явно склонен к защите интересов Панджаба, а нынешний президент Асиф Али Зардари намерен провести административную реформу – изменить структуру округов и перекроить границы внутри провинции.

В последние годы вожди белуджских племен все активнее выступают с требованиями о переделе собственности и выплате ренты за использование принадлежащей им земли. Повышенный интерес белуджских сардаров к собственным недрам появился именно в тот момент, когда иностранные инвесторы начали разрабатывать маршруты трансафганского (туркменского) газопровода. Туркменский маршрут предполагается проложить от месторождения в Давлетобаде (запасы оцениваются в 4 трлн. кубометров газа) и далее через территорию Афганистана (Герат, Кандагар) и пакистанского Белуджистана (Кветта) и Синда (Мултан) до границ с Индией; протяженность должна составить 1,6 тыс. км, пропускная способность 250 млн. кубометров, стоимость проекта оценивается в 2,7 млрд. долларов. Заинтересованными сторонами являются Туркменистан, Пакистан, Индия и США. В настоящее время главным инвестором в экономику и транспортную инфраструктуру Белуджистана считают Китай; в ближайшей перспективе к нему должна присоединиться Индия (которая заинтересована в прокладке газопровода из Ирана). Но, договариваясь между собой о разделении сфер влияния на территории пакистанского Белуджистана, ни Китай, ни Индия уже не могут не учитывать и мнения сардаров (официально представляющих интересы коренного населения провинции).

Единственная относительно крупная политическая организация, объединяющая представителей различных племен, – Армия освобождения Белуджистана (АОБ), называемая представителями федеральной власти «темной террористической группой, финансируемой Индией».¹³ Ориентировочно она была возрождена в 2004 году племенем марри из Белуджского народного освободительного фронта (БНОФ) – организации, которая вела вооруженную борьбу против федеральных властей еще в 1973–1976 гг. Вскоре к ней присоединились члены племени бугти и менгал. В целом же сведения о численном составе и структуре АОБ весьма противоречивы: по некоторым данным,

эта организация объединила в одну военизированную структуру БНОФ и Белуджский освободительный фронт (БОФ), по другим, – БОФ действует исключительно в южных районах Белуджистана, однако координирует свою работу с АОБ. Достоверных сведений о том, действуют ли эти группировки разрозненно, или же как взимосвязанные звенья одной цепи, нет. В то же время в феврале 2005 года вождь племени бугти Наваб Хан Акбар Бугти сообщил, что АОБ, БОФ и БНОФ – это «различные группы или организации», а потому «что бы они ни делали, они делают самостоятельно, не спрашивая при этом никого».¹⁴

Тактика борьбы АОБ против федеральной власти предусматривала осуществление диверсий на газодобывающих предприятиях, вооруженные нападения на военные подразделения, минирование путей сообщения, убийства китайских специалистов в Гвадаре. В апреле 2006 г. МВД Пакистана объявило АОБ вне закона (до этого Исламабад в течение длительного времени не признавал ее существования). АОБ насчитывала, по непроверенным сведениям, от 5 до 10 тысяч боевиков, ее возглавлял Мир Балуч Марри, сын наваба племени марри Хайра Бахша Марри и член парламента провинции. Перед специальными антитеррористическими судами по обвинению в принадлежности к АОБ или в соучастии в ее деятельности предстали некоторые функционеры партии, в июле 2006 г. были заморожены банковские счета 42 членов АОБ, из которых 25 являлись членами семьи Наваба Бугти.¹⁵

С августа 2006 г. движение националистических сил пошло на спад – три тысячи повстанцев, поддерживаемые в основном племенами бугти и марри, растворились среди шестимиллионного населения Белуджистана, их влияние на политическую жизнь провинции значительно ослабло. Вследствие отсутствия консолидированной белуджской оппозиции при сохранении традиционного соперничества между племенами движение белуджей стало фактически управляемым.

АОБ оказалась на нелегальном положении, а ее структура по сути распалась на разрозненные группировки, все чаще прибегающие к экстремистским формам борьбы с федеральной властью. Помимо АОБ в настоящее время на территории пакистанского Белуджистана (как, впрочем, и за его пределами) действуют три сепаратистские группировки: Объединенный фронт освобождения Белуджстана (ОФОБ или *Baluchistan Liberation United Front, BLUF*), молодежный фронт и группировка

суннитских повстанцев «Джундалла», за которой также прослеживается рука США. Так, 2 февраля 2009 г. в Кветте был похищен глава регионального агентства ООН по делам беженцев, ответственность за его похищение взяла на себя не известная ранее организация Объединенный фронт освобождения Белуджистана, потребовавшая освобождения 6000 белуджских политических заключенных.¹⁶

«Джундалла» взяла на себя ответственность за взрыв на территории иранского Систана и Белуджистана в г.Сарбазе 18 октября 2009 г., когда жертвами теракта стали 15 военнослужащих Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Члены молодежного фронта, являющиеся частью диаспоры и живущие в Кабуле, Кандагаре, Дубае, Лондоне, Брюсселе и Женеве, все чаще прибегают к терактам в Белуджистане, однако не пользуются поддержкой со стороны местной политической элиты (которая опасается внешнего, прежде всего индийского влияния на белуджскую молодежь).¹⁷ Все перечисленные группировки имеют довольно сильные связи среди белуджской диаспоры, проживающей в Карачи – главном торгово-экономическом и финансовом центре Пакистана.¹⁸

Помимо тайной структуры АОБ, много вопросов вызывают и источники ее финансовой поддержки и поставок оружия. Правительство Пакистана непреклонно настаивает на политической и материальной поддержке со стороны Индии. Однако, по мнению экспертов международной антикризисной группы, «оружие в Белуджистан лилось в течение антисоветского афганского джихада и афганской гражданской войны», поскольку «неспособность Кабула управлять собственными приграничными районами облегчила контрабанду оружием в соседние пакистанские провинции, включая и Белуджистан».¹⁹ В настоящее время, по мнению экспертов, главными источниками финансовой поддержки белуджских националистов являются, во-первых, наркоторговля (бартер «наркотики в обмен на оружие») и, во-вторых, довольно мощная и преуспевающая белуджская диаспора, проживающая в странах Персидского залива.²⁰ Появились сообщения, что финансовую помощь повстанцам оказывают Саудовская Аравия и ОАЭ – прежде всего членам ОФОБ и молодежного фронта.

Теоретически пакистанские белуджи-националисты могли бы опираться на поддержку со стороны белуджей, проживающих в Афганистане, однако последние сами нуждались в мате-

риальной помощи. В феврале 2010 г. представители белуджей объявили о поддержке программы национального примирения и переговоров с представителями вооруженной оппозиции. Совет глав племени белуджей был создан при содействии координационного совета провинции Кандагар, в нем приняли участие представители племени из всех провинций страны. Один из лидеров племени белуджей Шер Ака Белудж заявил, что его соплеменники, которые проживают почти во всех провинциях Афганистана, поддерживают решение президента Хамида Карзая о проведении мирных переговоров с противниками нынешних кабульских властей ради достижения мира и национального согласия.²¹

Параллельно высказывалось мнение, что представители пуштунского движения «Талибан» «вовсе не сочувствуют белуджскому движению».²² Факты дальнейшей истории внутривнутриполитического развития Белуджистана свидетельствовали, однако, об обратном. В этой связи можно вспомнить приведенные выше примеры: свободная миграция боевиков через пакистано-афганскую границу; совместное обучение в лагерях мобильного базирования боевиков «Талибана» и членов АОБ. В ноябре 2007 года пакистанские газеты сообщили о ликвидации Навабзады Балач Марри, возглавлявшего АОБ, – по некоторым данным, он был убит вместе со своими охранниками на афганской территории в бою с силами безопасности. По другим сведениям, его отряд был атакован авиацией НАТО в одном из районов афганской провинции Гильменд. В связи с этим сообщением в Кветте вспыхнули беспорядки, полиция и силы безопасности приведены в боевую готовность, были закрыты все учебные заведения.²³

Как справедливо предупреждал Селиг Харрисон еще в 1981 году, в условиях кризисной ситуации националистические чувства вполне могут изменить свою окраску, поменяв гнев этносоциального протеста на религиозный экстремизм: «Нельзя при оценке потенциала движения за независимость сосредотачиваться исключительно на социальных и культурных разногласиях в белуджском обществе... В кризисной ситуации на поверхность выходят скрытые националистические чувства. А чувство национализма, некогда активизированное, может быстро приобрести племенную, религиозную и другую соответствующую форму».²⁴

В то время как между пуштунскими и белуджскими сепаратистами наметились тенденции к консолидации под флагом

исламской солидарности в рядах «Талибана», их общий враг в виде федерального центра избрал курс на подрыв единства и размежевание между различными талибскими группировками. Важнейшим элементом новой афганской стратегии Пакистана стало выбивание из руководящего ядра «Талибана» фигур, не контролируемых пакистанскими спецслужбами и потенциально способных пойти на переговоры с официальным Кабулом, не прибегая к пакистанскому посредничеству. Внешние кадровые чистки носят насильственный характер и осуществляются в подавляющем большинстве случаев силами спецслужб и армии США.

В феврале 2010 г. пакистанские спецслужбы организовали захват на территории Пакистана и выдачу американским представителям четырех важнейших функционеров движения «Талибан». Сначала сотрудниками пакистанской Межведомственной разведки (ISI) при участии офицеров ЦРУ США в Карачи был задержан мулла Абдул Гани Барадар, лидер «*Шура-е-Кветта*», премьер-министр теневого правительства талибов. Практически одновременно с задержанием муллы Барадара в Кветте были арестованы два теневого губернатора талибов – «губернатор» провинции Кундуз мулла Абдул Салам и «губернатор» провинции Баглан мулла Мир Мохаммад. Спустя еще несколько дней на севере Пакистана был арестован мулла Абдул Кабир, включенный в 2001 году в санкционный список ООН и занимающий в «Талибанах» должность «губернатора» в провинциях Нангархар и Логар.

Соплеменник президента Хамида Карзая Абдул Гани Барадар (оба происходят из пуштунского племени Попальзай, располагающегося на землях провинций Кандагар и Урузган) являлся фактическим руководителем «Талибана».²⁵ Мулла Барадар к тому моменту уже длительное время выступал со всеми заявлениями от имени муллы Мохаммада Омара – духовного вождя талибов, который длительное время не появлялся на публике. Позднее стало известно, что именно мулла Барадар, выполнявший роль премьер-министра теневого правительства «Талибана», контролировал распределение финансовых ресурсов в «*Шура-е-Кветта*», производил кадровые назначения и осуществлял боевое планирование отрядов талибов в южных и юго-западных провинциях Афганистана.

Следует отметить, что мулла Барадар, по мнению экспертов ЦИСА, представлял так называемое «националистическое

крыло» в движении «Талибан». Являясь вполне последовательным «афганско-пуштунским» националистом, он отказался от финансово-политической зависимости от Пакистана и избегал тесных отношений с пакистанской Межведомственной разведкой (ISI),²⁶ Именно с ним можно было связывать перспективы трансформации «Талибана» из религиозно-фундаменталистского движения, контролирующегося арабскими функционерами из интернационала «Аль-Каиды», в националистическое пуштунское политическое движение, отражающее интересы значительной части населения Афганистана.

Захват муллы Барадара, санкционированный и осуществленный пакистанскими спецслужбами, фактически сорвал перспективу проведения сепаратных переговоров между представителями «*Шура-е-Кветта*» и правительством Хамида Карзая. По мнению эксперта ЦИСА А.Н. Серенко, Исламабад не был заинтересован в таких переговорах, поскольку в этом случае мог потерять мощный рычаг давления на афганское правительство, а также получить опасный прецедент неконтролируемой Пакистаном политической трансформации «Талибана».²⁷

Стратегической целью новой афганской политики Исламабада стала подготовка и вывод из-за политических кулис нового поколения лидеров «Талибана», чтобы сохранить за собой статус «регионального куратора Афганистана». Учитывая известные возможности пакистанской Межведомственной разведки по влиянию на отдельные структуры «Талибана», а также американскую заинтересованность в создании системы политического давления на Иран, можно предположить, что Исламабад — при участии заинтересованных спецведомств США — сможет достаточно быстро сформировать новую модель активности «Талибана» в регионе. И в основу этой модели будет положена переориентация радикальных вооруженных суннитских группировок талибов с исключительно афганского направления на иранское.²⁸

Объективно такой избирательный подход спецведомств Исламабада к борьбе с талибами ведет к усилению белуджистанской группировки «Талибана» и к ослаблению вазиристанских боевиков-исламистов. Таким образом, «*Шура-е-Кветта*» и ее подразделения «консервируются» и впоследствии могут быть использованы для создания напряженности в иранской провинции Систан и Белуджистан. Новая пакистанская стратегия в отношении талибов, очевидно, стала реакцией на афганскую

стратегию США, которая предполагает сбалансированное принуждение талибов к миру – сочетание методов активных военных операций против боевиков с предложением переговоров лидерам «умеренных талибов».

Одновременно существует опасность, что в Пакистане под лозунгами религиозного фундаментализма все антиправительственные и националистические силы выступят одновременно, преследуя собственные цели. Пакистан окажется втянутым в фундаментализм и сохранит свою целостность под флагом ислама (по сценарию «Талибана» в Афганистане). К сожалению, современные методы борьбы властей Пакистана с экстремизмом ограничены, как правило, переговорами со старейшинами племен и карательными мерами по отношению к «неконтролируемым» талибам. В то же время члены «Талибана» и «Аль-Каиды» находят все более изощренные формы конспиративной, диверсионной работы, а также идеологической и психотропной обработки, в первую очередь, молодежи. Все это не может привести к политической стабильности ни в Пакистане, ни тем более в регионе.

Федеральное правительство по-прежнему не прислушивается к требованиям коренных жителей Белуджистана, которые хотят автономии и справедливого распределения природных ресурсов. «Сегодня белуджские боевики, возможно, решили приостановить антиправительственные выступления, – писала пакистанская газета *"Dawn"* в августе 2008 г. – Но сохранить мир будет трудно, пока не будут приняты широкие меры по выполнению обещаний, даваемых белуджам разными правительствами». ²⁹ Поскольку Асиф Али Зардари, как, впрочем, и все его предшественники, не стремится к выполнению данных обещаний, достигнутое равновесие выглядит крайне неустойчивым.

У центральной власти и армии пока достаточно сил для сдерживания сепаратизма, однако при достижении временного спокойствия в Пакистане силовыми методами все группировки экстремистов могут переместиться в соседние страны, развернуть там новые сети «мобильных лагерей» и уже оттуда мстить тому же Пакистану. Все чаще на страницах различных СМИ высказываются прогнозы о вероятном расчленении Пакистана на несколько независимых государств, когда к югу от Великого Пуштунистана, который должен объединить Афганистан и СЗПП, будет образован Великий Белуджистан. ³⁰ Предполагается, что подобный сценарий будет поддержан США с целью

образования в регионе очередного «управляемого конфликта» на границе Пакистана и Ирана – то есть в зоне проживания белуджских племен. Это, однако, произойдет только в том случае, если США придется отказаться от плана создания «инфраструктуры для масштабного и постоянного подкупа пуштунских и белуджских вождей», т.е. за счет прокладки газопроводов. По мнению американских экспертов, «вполне возможно через серию переговоров при участии авторитетных посредников (например, из Пакистанской Межведомственной разведки или афганско-пакистанской джирги) убедить племенных вождей по обе стороны линии Дюранда в том, что обеспечивать спокойствие на афганско-пакистанской границе и сохранность газопровода из Туркмении в Пакистан несравнимо более выгодно (и безопасно), чем воевать в отрядах талибов против американцев».³¹

¹ Подробнее об истории зарождения «Талибана» см.: Плешов О.В. Движение «Талибан»: истоки фундаментализма // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998, с. 39–46.

² Рашид А. Командование НАТО требует, чтобы Пакистан отказался от предоставления убежища Талибану // Eurasianet. – <http://eurasianet.org/index/2006-10-10>.

³ Там же.

⁴ Musharraf's interview with UK's Channel 4 // Daily Times-Site Edition, 15.11.2006.

⁵ Пластун В. Что препятствует стабильности в афгано-пакистанских отношениях? – <http://www.afghanistan.ru/2006.4.12>.

⁶ Серенко А. Исламабад выводит на политическую сцену «новых талибов». – <http://www.afghanistan.ru/2010-.24.02>.

⁷ Там же.

⁸ Подробнее см.: Сикоев Р.Р. Правление на основе шариата (На примере исламского эмирата талибов) // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. – М., 2004, с. 115–127.

⁹ Березов Н.Н. Пакистан: проблема беженцев // Бюллетень № 16. – М., 1999, с. 4, 6.

¹⁰ Время новостей, 07.07.2003, с. 5.

¹¹ Newslines, August 2003, с. 30.

¹² Wirsing R.G. The Baluchis and Pathans // The Minority Rights Group. – London, 1981, vol. 48, с. 8.

-
- ¹³ Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan..., с. 12.
- ¹⁴ Newslane, Karachi, February 2005.
- ¹⁵ Dawn, Karachi, 21.07.2006.
- ¹⁶ The News, Islamabad, 07.02.2009.
- ¹⁷ Yusufzai R. The Baluch insurgency is no bluff // The News, Islamabad, 03.11.2009.
- ¹⁸ Восстанию в Белуджистане не видно конца. – <http://www.svobodanews.ru/content/Article/2006/21/04>.
- ¹⁹ Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan // Asia Report, No 117, 14 September 2006. – International Crisis Group. Islamabad/Brussels, 14 September 2006, с. 12.
- ²⁰ Там же, с. 26.
- ²¹ Белуджи поддержали план президента Карзая о проведении переговоров с талибами. – <http://www.afghanistan.ru/2010.18.02>.
- ²² Pakistan: The Worsening conflict in Baluchistan // Asia Report, No 117, 14 September 2006. – International Crisis Group. Islamabad/Brussels, 14 September 2006, с. 26.
- ²³ www.izvestia.ru/news/news/155130/2007/22-11.
- ²⁴ Selig S. Harrison. In Afghanistan's Shasow: Baluch Nationalism and Soviet Temptations // Carnegie Endowment for International Peace. – New York/Washington, 1981, с. 188.
- ²⁵ Серенко А. Исламабад выводит на политическую сцену «новых талибов». – <http://www.afghanistan.ru/2010-.24.02>.
- ²⁶ Серенко А. Афганская перезагрузка. – <http://www.afghanistan.ru/2009.29.10>
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ More for the Baluch // Dawn, 24.08.2008.
- ³⁰ См., например: Белокреницкий В. Теракт в Карачи. – <http://www.otechestvo.org.ua/2007/26-10>.
- ³¹ Серенко А. Газовая атака на южном направлении // Независимое военное обозрение, № 8 (559), 7–13.03.2008, с.2.

И.В. Жмуйда, М.Ю. Морозова

АФГАНСКАЯ НАРКОЭКСПАНСИЯ: СЕВЕРНОЕ И ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ

За последнее десятилетие на наркотическом рынке произошли кардинальные изменения, которые не могли не вызывать повышенную обеспокоенность как со стороны мирового сообщества и различных международных организаций, так и со стороны отдельных государств, в первую очередь России. В абсолютного монополиста по производству опиатов, прежде всего героина, превратился Афганистан – в этой стране сосредоточено не менее 93% мирового производства. Транспортировка наркотиков из Афганистана в Европу осуществляется по двум основным каналам: северный путь (Центральная Азия – Россия) и южный путь (Пакистан). Западное направление, по которому афганский и пакистанский героин поставлялся наземными маршрутами в Европу (один из традиционных маршрутов «Золотого полумесяца»), было перекрыто прочной границей после исламской революции в Иране в 1979 г. После 2001 г. начал набирать обороты и авиационный путь наркотрафика с баз НАТО. В северных и центральных районах, контролируемых правительством Афганистана, производится 20% афганского опиумного мака, остальная часть – в южных провинциях на границе с Пакистаном, где действуют Международные силы содействия безопасности (МССБ). Главный центр производства наркотиков – контролируемая британскими войсками провинция Гильменд.

Наиболее идеальные условия были созданы для направления героинового потока именно на Север, в Россию (через границу с Таджикистаном): ежегодно из Афганистана контрабандно ввозится и потребляется гражданами РФ не менее 12 тонн чистого героина, что составляет 3 млрд. разовых доз. Согласно данным ООН, процент российского населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, в 5–8 раз превышает соответствующий показатель в странах Европейского союза.

В целом, по данным Минздравсоцразвития РФ, с 1996 г. уровень немедицинского потребления наркотиков вырос в России в 20 раз, ежегодно от приема наркотиков умирает порядка 10 тыс. человек; основная часть потребителей – граждане в возрасте от 18 до 39 лет, т.е. лица, принадлежащие к самой активной части населения. Опиаты в России употребляют до 90% всех наркозависимых, и весь этот героин исключительно афганского происхождения. «Принимая во внимание размер ущерба, который наносят РФ наркотики афганского происхождения, мы также имеем полное право считать афганский героин особым видом оружия массового поражения, причем селективного действия, направленного на молодежь – будущее нашей страны», – убежден директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктор Иванов¹.

Несмотря на то, что проблема афганского наркотрафика активнейшим образом обсуждается на всевозможных международных конференциях, семинарах и симпозиумах в различных форматах сотрудничества государств, она ни разу не стала предметом отдельного рассмотрения на Совете Безопасности ООН. На 52-й сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам, проходившей в марте 2009 г. в Вене, предложения российской стороны о включении в итоговые документы решений по вопросу производства наркотиков в Афганистане были жестко заблокированы делегациями США и ЕС.

В середине 80-х гг. в Афганистане при правлении Наджибуллы была разработана программа по борьбе с наркотиками, в которой предусматривалось ужесточить условия законодательства в отношении лиц, занимающихся наркобизнесом. При этом широко использовались экономические рычаги воздействия на наркодельцов. Например, в соглашения о перемирии, заключавшиеся с полевыми командирами, неизменно включались пункты об их обязательствах прекратить производство и контрабанду наркотиков при условии предоставления им властями семян, альтернативных наркокультурам, удобрений и т.п. В результате принятых мер у наркодельцов были изъяты сотни кг наркотических и психотропных веществ, сырье, семена, закрыты подпольные опиумные курильни, взяты под наблюдение рынки. За счет этого произошло некоторое сокращение посевных площадей наркосодержащих культур, уменьшение производства наркотиков, их распространения в стране и контрабанды за рубеж. По свидетельству пакистанских анали-

тических обозревателей, к контрабанде наркотиков, помимо оппозиции режиму Наджибуллы, были причастны сотрудники пакистанской военной разведки и другие высокие должностные лица Пакистана.

Если в 1989 г. было произведено около 658 тонн опиума-сырца, то уже в 1999 г. при талибах, выступавших вначале против производства наркотиков, было произведено, по данным ООН, свыше 4,1 тыс. тонн. Этого было достаточно для изготовления порядка 460 тонн чистого героина, что давало огромные доходы – 30–40 млрд. долл. По данным Всемирного Банка, это сопоставимо совокупным объемам ВВП всех государств Центральной Азии².

За десять лет присутствия в Афганистане МССБ масштабы производства наркотиков увеличились более чем в 44 раза (со 185 тонн в 2002 г. до 8200 тонн в 2007 г.), а площади, занятые под выращивание опийного мака, более чем в 2 раза (с 80 тыс. га в 2003 г. до 193 тыс. га в 2007 г.). За один лишь 2007 г. производство наркотического сырья возросло на 34%, а площади посевов опийного мака – на 17% и составили 193 тыс. га.³ В 2009 г. произошло резкое падение объемов перехватываемых в Афганистане наркотиков – с 5 тонн героина до 593 кг, с 230 тонн гашиша до 53 тонн. Одновременно количество арестов наркодилеров уменьшилось в 13 раз, а число ликвидированных нарколабораторий за три года сократилось в 10 раз.⁴

В настоящее время в Афганистане создана изощренная глобальная инфраструктура сбыта и организации производства героина. Осуществляется полномасштабное финансирование наркопроизводства посредством развернутой банковской сети, занимающейся кредитованием крестьян под будущие урожаи опийного мака. Создан замкнутый промышленный цикл, включающий в себя выращивание опийного мака, производство опия и героина (для чего задействованы более 400 нарколабораторий), а также складирование и оптовую реализацию на афганских и пакистанских наркорынках. Действующие в Афганистане лаборатории и мини-фабрики по производству героина работают не только на текущий трафик, но и на создание стратегических запасов. К настоящему времени такой складированный запас чистого героина, по разным оценкам, составляет от 2 до 3 тыс. тонн.⁵

Мониторинг наркоситуации в Афганистане осуществляется Управлением по наркотикам и преступности ООН, чья инфор-

мация о площадях наркопосевов и объемах производства, в частности, опиатов вызывает большие сомнения. Данные УНП ООН явно занижены и заметно отличаются от сведений, получаемых по оперативным каналам (в среднем на 30–40%). Например, по информации того же Управления, объемы контрабандных поставок героина по северному маршруту не превышают 15%, в то время как по данным российских правоохранительных органов, эти объемы резко возросли и составляют не менее 25%⁶.

Вначале американские обозреватели настаивали на том, что «все это время администрация США ведет в Афганистане за Россию ее войну с наркотиками, а в отношении кровавой бойни наркобаронов на нашей собственной южной границе ничего не предпринимает...».⁷ Под «собственной южной границей», по-видимому, подразумевалась Ямайка – один из основных перевалочных пунктов, через который кокаин и марихуана поступают в США и Канаду. В свою очередь, из США на Ямайку поступают деньги и контрабандное оружие, часть которого потом распространяется по всему миру. В марте 2010 г. помощник госсекретаря США по борьбе с наркотиками и деятельности правоохранительных органов Дэвид Джонсон официально заявил: «Мы обнаружили, что программа уничтожения опийного мака не соответствовала затратам, которые делались, и успехи приносила очень скромные. Мы изменили нашу программу и решили сосредоточиться на других областях, где можно добиться большего результата».⁸ Американцы говорят о нежелательности обострения отношений с местным населением, негуманности, невысокой отдаче от уничтожения плантаций, но при этом сами активно используют дефолианты (химические вещества, вызывающие опадение листьев растений) при уничтожении посевов коки в Колумбии.

По словам заместителя секретаря российского Совета Безопасности Валентина Соболева, в НАТО опасаются, что если они начнут бороться с маковыми полями, то усилятся нападения на их блокпосты и увеличатся потери. В альянсе ссылаются на то, что в мандате, который им дан в Совете Безопасности ООН, не написано, что они должны бороться с наркотиками. Но там говорится, что они должны бороться с терроризмом, а значительная часть средств от продажи наркотиков идет на подпитку движения «Талибан». Определенный процент оседает на счетах «Аль-Каиды» и подобных ей террористиче-

ских организаций, таких как Исламская партия Туркестана (бывшая ИДУ), «Джамаат-и ислами» и другие.⁹

Известно, что одним из самых уязвимых мест международного наркобизнеса и тесно связанного с ним международного терроризма являются финансовые потоки, обслуживающие их деятельность. Официальные власти США, оправдывая свое бездействие в деле борьбы с опийным наркобизнесом, любят ссылаться на то, что финансовые потоки наркобизнеса и терроризма якобы минуют традиционную банковскую систему и, в основе своей, обслуживаются системой нелегальных финансовых расчетов «хавала» — полуподпольной кредитно-расчетной сетью, функционирующей на основе личных знакомств и родственных связей. Однако статистика раскрытых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, во всем мире показывает, что в перемещении и отмывании средств, полученных от реализации героина, задействованы преимущественно легальные кредитные организации, являющиеся более дешевым, удобным и быстрым средством расчетов, чем хавала. Так, в июле 2005 г. в результате совместной операции ФСБ и ФСКН была прекращена деятельность одной из ячеек афганской хавалы в Москве. Эта ячейка была тесно связана с легальными кредитными организациями, а несколько ее членов были сотрудниками крупных московских банков.

В обслуживании афганского наркобизнеса задействованы крупные и хорошо известные во всем мире кредитные организации, в том числе действующие и на территории США. Названия многих из них появлялись в открытых документах по итогам расследований спецслужб и Конгресса США, а также в прессе, но в отношении этих компаний не было принято никаких мер. Официальная позиция американских властей состоит в том, чтобы пресекать финансирование наркобизнесом террористических ячеек на территории США, а деловые интересы упомянутых кредитных организаций в Кандагаре и других узловых центрах наркоторговли их не касаются.

По данным специалистов ФСКН, международная наркомафия реализует по всему миру афганские опиаты, в первую очередь героин, по самым скромным подсчетам, на сумму свыше 100 млрд. долларов.¹⁰ Как справедливо отмечают и сами афганцы, в том числе президент Хамид Карзай, в стране остается незначительная часть доходов от реализации героина: не более 4 млрд. долл. Таким образом, 96 млрд. долл. ра-

ботают на культивирование коррупции и организованной преступности по пути наркотрафика.¹¹

В период пребывания МССБ в Афганистане с химических заводов Пакистана и других государств, включая страны ЕС, были организованы промышленные поставки необходимых для изготовления наркотиков веществ (прекурсоров, в первую очередь ангидрида уксусной кислоты). На территории Кандагара находятся как крупные химические предприятия, снабжающие афганские нарколаборатории всеми необходимыми прекурсорами, так и оптовые транспортные базы. Из Кандагара большие (более тонны) партии отправляются в пакистанский район Читрал, который, несмотря на многочисленные заявления пакистанских властей о готовности начать борьбу с оборотом героина, был и остается ключевым узлом в распространении наркотиков, ориентированных на страны СНГ, Центральную и Западную Европу. Читрал, как и Кандагар, в течение последних двух десятилетий находится под контролем салафистских организаций, самой известной из которых является сеть Усамы бен Ладена «Аль-Каида аль-Сульбах».

Обратный наркомаршрут у контрабандистов отлажен и безопасен (такса пакистанских таможенников не меняется на протяжении последних полутора десятилетий и составляет 15000 долларов за тонну героина). Героин в основном перебрасывают из населенного пункта Шах-Селим, через перевал Дора-Ан (Тупхома) в Ишкашим, а также через Барогиль в Ваханский район. В центре Ишкашим наркотики реализуются крупным оптовикам следующего уровня и растекаются по всей границе с Республикой Таджикистан, откуда переправляются контрабандистами на сопредельную территорию. На северном берегу пограничной реки Пяндж героин скупается следующим уровнем наркокурьеров и транспортируется в центральные районы Таджикистана, по возможности в Душанбе – столицу с развитой транспортной инфраструктурой.

Контрабанда наркотиков по северному маршруту осуществляется всеми видами транспорта: порядка 70% – автомобильным, около 20% – железнодорожным, 10% – авиационным. Незначительная доля переброски наркотиков авиатранспортом объясняется повышенными мерами контроля в аэропортах, особенно на международных направлениях. Большая часть контрабанды провозится под прикрытием поставок сельхозпродукции.

Если на северо-западном направлении используется преимущественно воздушный способ переброски больших партий с помощью легкомоторной авиации, то на северо-восточном направлении героин переправляется в Таджикистан на бурдюках, вплавь через пограничную реку Пяндж, одновременно используя и труднопроходимые тропы.

Во время встречи в Берлине 13–14 сентября 2005 г. российский министр обороны Сергей Иванов и главы военных ведомств стран НАТО высказали серьезную озабоченность проблемой «возрастающего потока наркотиков из Афганистана» и, по словам официального представителя штаб-квартиры альянса Джеймса Аппатурая, пытались понять, «как мы можем улучшить наше сотрудничество в борьбе с афганским наркотрафиком, который приходит во все мировые столицы». Сергей Иванов предложил западным коллегам установить более тесные отношения с ОДКБ. Одновременно спецпредставитель президента РФ по вопросам международного сотрудничества в борьбе с оргпреступностью Анатолий Сафонов заявил, что после ухода российских пограничников с таджикско-афганской границы ситуация с переброской афганского героина через пограничную реку Пяндж ухудшилась.¹²

Несмотря на усиленные меры по противодействию афганскому наркотрафику, предпринимаемые правоохранительными органами центральноазиатских государств, их эффективность не всегда адекватна складывающейся обстановке. Российские пограничники окончательно покинули правый берег Пянджа 1 сентября 2005 г., передав последние заставы Комитету по охране государственной границы (КОГГ) при президенте Республики Таджикистан. Слова о создании «пояса безопасности вокруг Афганистана», которые звучали на самых высоких уровнях, так и остались словами. По утверждению генерала ФСКН Александра Михайлова, «мы еще не до конца адаптировали свои оперативно-розыскные структуры к изменениям оперативной обстановки в плане наркотрафика». Между тем, согласно заявлению того же Александра Михайлова, «Федеральная служба наркоконтроля располагает данными о многократном увеличении масштабов афганского наркотрафика после передачи охраны таджикско-афганской границы Таджикистану. Причем идет кратное увеличение, в десятки раз».¹³ В ФСКН прямо заявляют о том, что уход россиян с Пянджа «привел к обвальному поступлению на внутренний российский рынок

больших партий героина». Вместе с тем задержания таких партий на таджикско-афганской границе после ухода оттуда россиян стали чисто символическими. Если российские «зеленые фуражки» в иные годы перехватывали в среднем в месяц до 250–300 кг зелья, то их сменщики-торговцы могут похвастаться в лучшем случае лишь несколькими десятками килограммов. Так, в 2007 г. объемы изъятого героина в таких странах, как Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, по сравнению с 2003 г. упали вдвое и составили чуть более 3 тыс. кг.¹⁴

Значительное негативное влияние на развитие наркоситуации в России оказывает активизация миграционных процессов. Как правило, скупщиками героина на севере Афганистана являются этнические таджики. Таким образом, движение героина из Афганистана и далее, через памиро-ошский коридор в Казахстан и Россию осуществляется преимущественно, таджиками. Моноэтнический состав преступных группировок позволяет снизить риск утечки информации и максимально повысить доходность на самом опасном и, следовательно, рентабельном, участке движения героина из региона производства в страны потребления. Определенная их часть становится участниками организованных групп и преступных сообществ. В 2008 г. органы наркоконтроля задержали за сбыт оптовых партий наркотиков 753 иностранных гражданина, более половины из них (432 человека) составили граждане Республики Таджикистан.

Тяжелое положение Таджикистана после гражданской войны 1992–1993 гг., нарушение единой системы экономических связей, существовавшей в СССР, последовавший развал экономики, резкий рост безработицы, труднодоступность и большая протяженность границы с Афганистаном сделали Таджикистан наиболее привлекательной транзитной страной для международной наркомафии. Основными путями движения афганского героина являются автомобильные маршруты из Таджикистана в южную Киргизию и далее в Казахстан и Россию: Худжанд – Ош, Хорог – Ош и Джергитал – Ош. Кроме того, в летний период наркотики переправляются с таджикской стороны в южную Киргизию по сотням горных пеших и конных переходов, контролировать которые практически невозможно.

Центр Горно-Бадахшанской автономной области – город Хорог, расположенный около впадения реки Гунт в Пяндж, связан автомобильными дорогами с городами Душанбе и Ош.

Уникальное географическое расположение ГБАО: близость «героиновой реки» Пянджа, наличие автомобильного сообщения с крупными центрами наркоторговли (Душанбе и Ош), а также резко ухудшившаяся в начале 1990-х годов социально-экономическая ситуация привели к тому, что Хорог стал одним из узловых центров наркотрафика. После распада Советского Союза и, как следствие, прекращения централизованного снабжения в рамках единого экономического пространства СССР, жители Горного Бадахшана оказались лишены работы и возможности приобретать товары, доставляемые по единым советским ценам из других регионов. Единственным источником доходов стала доставка опиума, а затем и героина из соседнего Афганистана и переправка его по трассе Хорог – Ош в Кыргызстан, а оттуда – в Бишкек и далее в Россию.¹⁵

В сентябре 2010 г. в Таджикистане произошло первое масштабное боевое столкновение со времен отгремевшей в середине 1990-х гражданской войны. Боевики, которые, по мнению официального Душанбе, прибыли из Афганистана, легко уничтожили колонну правительственных войск. Десятки солдат погибли или пропали без вести. Это стало тревожным сигналом для президента Эмомали Рахмона, бесценно управляющего Таджикистаном последние 13 лет. Все это время ему удавалось держать стремительно нищающий народ в подчинении, регулярно напоминая ему об ужасах гражданской войны. Как верно заметил известный специалист по вопросам международной торговли наркотиками Питер Дейл Скотт, для производства и торговли наркотиками необходимы очаги нестабильности, где постоянно идут военные действия, а правительства не имеют возможности контролировать действия больших масс людей на больших территориях.¹⁶

Еще в декабре 2009 г. Александр Храмчихин (заместитель директора Института политического и военного анализа) в своей статье «Содружество на фоне соперничества» предупреждал, что Бишкек, Душанбе и Астана с большим подозрением относятся к амбициям Ташкента. А Ферганская долина, граничащая и с Казахстаном, и с Киргизией, и с Таджикистаном, является «пороховым погребом» Центральной Азии. Здесь имеет место высочайшая плотность населения, очень значительная безработица, в первую очередь среди молодежи. Это делает население долины очень уязвимым для пропаганды исламских радикалов. «А поскольку рядом соседние страны, где имеются

весьма значительные узбекские общины, то крупный мятеж в Ферганской долине взорвет не только сам Узбекистан, но и три соседние страны. Причем если большой и мощный Казахстан такой взрыв пережить сможет, то для маленьких несостоявшихся Киргизии и Таджикистана это будет смерти подобно».¹⁷ И наркоторговцы, и исламские радикалы, и представители свергнутой власти, и спецслужбы стран-соседей могут без особых проблем в любой момент спровоцировать в Центральной Азии очередную бойню. «Для наркобаронов хаос – это лучшее, что может быть. Он очень способствует как росту числа потребителей наркотиков в самих охваченных хаосом регионах, так и беспрепятственному наркотрафику через них на север, в Россию и Европу».¹⁸

Показательно, что официальный отказ США от борьбы с наркотрафиком отнюдь не означает сокращения их военного сотрудничества со странами Центральной Азии. Американцы его успешно развивали и развивают, и не только путем использования инфраструктуры аэропорта Манас (транспортный узел недалеко от Бишкека для самолетов-заправщиков KC-135, также перевалочный пункт для тысяч американских солдат, следующих в Афганистан). Впервые вопрос о транзите грузов для МССБ в Афганистане был поднят летом 2007 г. во время визита министра обороны РФ Анатолия Сердюкова в штаб-квартиру НАТО. Во второй половине 2007 – первой половине 2008 г. эта тема активно обсуждалась на различных уровнях: от экспертов до руководителей министерств и ведомств.¹⁹

«Северный маршрут» поставок грузов для МССБ, проходящий через территории Белоруссии, России, Казахстана и Узбекистана, начал работать в полную силу в марте 2010 г. Это стало возможно после того, как в январе Беларусь и Казахстан завершили оформление договоренностей с НАТО о сухопутном (железнодорожном) транзите невоенных грузов для МССБ в Афганистане. Аналогичные документы подписали с Брюсселем Москва, Ташкент и Душанбе. Объемы перевозок планируются весьма значительные. По неофициальным данным источников «НВО», невоенный транзит может составить порядка 4–5 тыс. стандартных 40-тонных контейнеров в год.²⁰

Заинтересованность США и их союзников по МССБ в «северном маршруте» понятна. Снабжение группировки НАТО в Афганистане в основном шло по так называемому «южному маршруту» через Пакистан. «Натовцы на этом маршруте нани-

мают для своих колонн пакистанских водителей, которые договариваются сами с пуштунскими племенами, а это, сами понимаете, ненадежный способ доставки. Так что НАТО очень заинтересована в северном транзите», – заявил постоянный представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин.²¹ С мнением Д.О. Рогозина нельзя не согласиться, однако при этом следует обратить внимание на, по крайней мере, два обстоятельства. Во-первых, многие военные эксперты отмечают, что сегодня международный воинский контингент занят не столько уничтожением талибов, сколько их вытеснением из южных и юго-восточных районов в северные, к границам Таджикистана и Узбекистана.²² В полной мере это относится и к лидерам движений «Талибан» и «Аль-Каида». Во-вторых, до начала 2000-х гг. наркотики, следовавшие по памиро-ошскому направлению, имели как афганское, так и пакистанское происхождение; в настоящее время – только афганское.

В этой связи, на наш взгляд, на южном (пакистанском) направлении афганской наркоэкспансии, равно как и на связях Пакистана с мировой наркомафией следует остановиться особо. В 80-е гг. Пакистан появился на мировом рынке как один из крупнейших производителей и торговцев наркотиками, это было связано с революцией в Иране и войной в Афганистане, что привело к нарушению традиционной системы по транспортировке, переработке в районах, где выращивались мак и конопля в Иране и Афганистане. Специалисты считают, что в это же время началось широкое сотрудничество пакистанских производителей с международной наркомафией. Прибывшие под видом туристов «специалисты» из Германии и Франции помогли наркодельцам создать в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Карачи сеть прекрасно оборудованных лабораторий по производству чистого морфина, число которых достигло сотни. Предпринимавшиеся властями попытки по «физическому» уничтожению лабораторий успеха не имели: либо подобные лаборатории воссоздавались в труднодоступных районах Пакистана, либо перекечевывали на территорию соседнего Афганистана. Ныне практически все они располагаются вдоль границы с СНГ. Поскольку выращивание мака давало возможность бедному населению получать реальные деньги, а контроль за посевами со стороны властей был неэффективным, к тому же географическое положение страны позволяло вывозить наркотики на мировые рынки, а прибыли

наркоторговцев были колоссальными, борьба с этим злом была крайне сложной. К середине 80-х годов в стране производилось более 800 тонн героина в год.²³

По данным на конец 80-х годов, из 50 млрд. долларов чистой прибыли, полученной от торговли героином в США, 20 млрд. составляли доходы торговцев наркотиками пакистанского происхождения. Столь огромные прибыли объясняются крайней дешевизной их на месте производства и удорожанием в сотни раз в США и Европе. Именно в 80-е годы с легкой руки западных журналистов в обиход вошли такие понятия, как «золотой полумесяц» и «золотой крест», которыми по аналогии с «золотым треугольником» (страны Индокитая) стали обозначать север Пакистана.

Героиновый бум заставил правящие круги Пакистана, которые в то время начали проводить политику исламизации, принять в 1979 г. Закон (хукум), запрещающий производство, продажу и употребление наркотиков как противоречащих исламским канонам. Однако в стране было распространено мнение, что президент Зия-уль-Хак и его окружение, введя этот закон, больше заботились об укреплении власти, чем о чистоте нравов и здоровье населения. И все-таки принятый закон заставил производителей наркотиков быстро избавиться от запасов опиума в стране, что и привело к широкому вывозу его на мировой рынок.

Власти особенно активно начали вести борьбу с выращиванием наркотиков с 1999 г., добившись положительных результатов в 2000 г. Было запрещено использовать наркотики даже в медицинских целях. Были пойманы несколько местных и международных банд, занимавшихся наркотрафиком. Причем к искоренению производства наркотиков и их потребления было привлечено более 100 неправительственных организаций. Для наглядности борьбы значительно было усилено законодательство, суды рассмотрели сотни дел, наказав перевозчиков и торговцев от пожизненного заключения до смертной казни. Особенно активной их работа была в Панджабе, где число хронических наркоманов превышает 45% от общего количества в стране.²⁴ Президент П. Мушарраф объявил, что производство наркотиков прекращено и это большая победа. Международные организации также отнесли Пакистан в 2000 г. к странам, не производящим наркотические вещества. Однако страна по-

прежнему осталась перевалочным пунктом для афганских наркотиков, и число наркоманов увеличилось.

В ежегодном обзоре за 2001–2002 г., который обычно публикуется к Всемирному дню борьбы против наркомании и незаконной наркоторговли (26 июня), данные оказались далеко не оптимистичными. Так, уже в 2001 г. и 2002 г. посевы мака появились практически во всех районах, граничащих с Афганистаном. Более того, когда талибы запретили выращивание мака, афганцы стали арендовать у мелких пакистанских помещиков землю и выращивать на ней эту культуру. В 2004 г. решением старейшин племени Мохманд посевы мака в округе Чарсадда были официально ликвидированы, хотя часть посевов осталась, поскольку была спрятана среди посевов пшеницы.²⁵

Вообще же режим П. Мушаррафа значительно усилил борьбу с контрабандой и захватом перевозчиков гашиша и героина на территории страны. Так, в 2001 г. в Белуджистане было схвачено 904 перевозчика, 6191,8 кг героина, 3319,2 кг опиума и 26825,4 кг гашиша. В приграничных территориях был 51 случай захвата и конфисковано 2144,4 кг героина, 2384,0 кг опиума и 8975,3 кг гашиша, что составило соответственно 34,6%, 71,8% и 33,5% соответственно от всего количества в Белуджистане. В указанном 2001 г. наиболее сильные позиции среди иностранной мафии занимали нигерийские нарко-синдикаты (185 из 460 арестованных иностранцев из 47 стран) и афганские контрабандисты и наркодельцы – 116.²⁶ Благодаря усилению работы полиции и Антинаркотических сил в стране в 2003 г. удалось захватить 5379 кг опиума, 33005 кг героина и 871149 кг гашиша.

Особенную активность в последние годы стали проявлять на попроще незаконных операций как торговцы, купцы и маклеры именно афганцы. Часть афганских богачей успела вывезти немалые ценности, что послужило им первоначальным капиталом, нажитым на наркотиках. В торговле пакистанскими и полученными от наркотрафика из Афганистана наркотиками занят капитал и местной, и международной мафии. Доходы пакистанских «мафиози» оцениваются в пакистанской печати в кругленькую сумму, превышающую 10 млрд. долл., что составляет почти 1/3 от внешней задолженности страны и 1% от ВВП. Наряду с концентрацией богатства у «боссов» происходит обогащение разного рода торговцев, перекупщиков, мелких

агентов по сбыту наркотиков, которых, по ряду оценок, насчитывается в Пакистане более 30 тысяч.²⁷

С приходом П. Мушаррафа борьба с производством наркотиков в самом Пакистане усилилась. Так, если в 2003 г. только на территории, включающей различные агентства (территориальные), приграничные районы (Frontier Regions) полосы племен и 5 главных районов провинции, под маком было занято 4615 акров земли (1 акр – 0,4 га) и 1117 акров затем было уничтожено, то к началу 2004 г. мак выращивался на площади в 700 акров. Причем, 500 акров в агентстве Хайбер и 200 акров в малодоступных районах СЗПП, где бороться с посевами очень трудно.²⁸ Часто полиция вступает с крестьянами в вооруженные столкновения, приводящие к гибели людей с обеих сторон. В 2003–2004 г. такие столкновения были в районе Верхнего Дира, Дакки (Пограничный район), Хаттака (владелец – влиятельный чиновник Назим Хаттарского Объединенного Совета), Свате, в Вазиристане и многих других.²⁹ Расширение посевов мака в новых районах, в частности в Северном и Южном Вазиристане, агентстве Куррам и ряде других объясняется, как считает специальная комиссия, изучавшая причины использования новых земель, главным образом «давлением наркомафии, бедностью и безработицей».³⁰ Зачастую трудности со сбытом ряда культур, в частности табака, толкают их производителей к замене его на мак – менее трудоемкий, но крайне прибыльный источник дохода.³¹ Борьба с наркоманией приобрела ощутимые результаты, когда власти в 2004 г. заморозили активы на сумму 5215 млн. рупий, принадлежащие лицам, осуществляющим незаконную торговлю наркотиками.³²

Рост наркомании на Западе заставил обратить внимание международных организаций на необходимость ликвидации этого источника зла, и с 1976 г. они начали предоставлять Пакистану помощь для уничтожения посевов мака и его переработки. До 2000 г. им было получено 218 млн. долларов.³³ Эти средства частично были утаены чиновниками, а частично направлены в сельские районы для замены посевов мака на альтернативные культуры (пшеницу, рапс и др.). Так, в 2000 г. Западом и Японией было выделено для округа Дир 145,3 млн. рупий, предназначенных для замены мака на пшеницу и развития инфраструктуры.³⁴

Пакистан подписал все основные международные документы, касающиеся наркотиков. Так, им была подписана Кон-

венция ООН по наркотическим веществам от 1961 г. и по психотропным средствам от 1971 г. Пакистан подписал также Конвенцию против незаконной торговли наркотическими веществами и психотропными средствами в 1988 г. Власти страны выражали поддержку мировому сообществу в принятии и других мер, касающихся наркотиков. Делегация Пакистана активно участвовала и в принятии «Политической декларации» на сессии ООН по проблеме наркотиков, состоявшейся 8–10 июня 1998 г.

Еще 70 лет назад был подписан международный договор о контроле за наркотиками, а в 1991 г. был создан Международный совет по контролю за наркотиками, который в своем докладе в 1999 г. подчеркивал, что «главные цели всех конвенций ООН состоят в ограничении использования наркотических средств только в медицинских и научных целях... для облегчения болей и страданий, и в этом смысле производство наркотиков возможно».³⁵

В самой стране была разработана стратегия по контролю за наркотиками, включавшая сокращение площадей под маком, канабисом и др., борьбу с контрабандой, ликвидацию лабораторий, уменьшение числа лиц, употребляющих наркотики. И если площади под наркокультурами сократились, то с контрабандой наркотиков и ростом наркомании справиться не удалось.

Еще за год до прихода к власти Мушаррафа был разработан пятилетний «Мастер План по контролю за употреблением наркотиков (1998–2003 гг.)», который представлял собой главный документ, определяющий размеры площадей под маком, сборы с которых могли не только покрывать местные медицинские потребности, но и официально экспортироваться по лицензиям, принося доход казне, как это делается в Индии и Австралии. Мастер план предусматривал вложения 2832 млн. рупий со стороны центрального и провинциальных правительств и международных организаций.³⁶

3 февраля 2010 г. премьер-министр предложил Отделу по контролю за наркотиками сформулировать новую Национальную антинаркотическую политику и превратить Лахор в модельный город, свободный от наркотиков. 10 июля 2010 г. новая антинаркотическая политика была одобрена кабинетом министров. Согласно принятой политике, необходимо реорганизовать существующие координацию и механизм контроля и

мобилизовать население, особенно молодежь и другие организации, на искоренение наркотиков. Политика предполагает сокращение поставок, спроса и обеспечение международной кооперации для совместных усилий против наркотиков.

В июне 2010 г. министерство по контролю за наркотиками подписало с Отделом наркотиков ООН программу на 4 года (2010–2014 гг.) по поддержанию инициатив по искоренению незаконного наркотрафика, охране границ, уничтожению криминала и по сокращению спроса на наркотики и их производные. Этим же министерством был создан Плановый орган по мониторингу создаваемых проектов различными агентствами. В конце декабря 2010 г. министерство по контролю за наркотиками рапортовало об успешном выполнении всех планов на текущий год, и его действия были одобрены кабинетом министров. Зарубежные страны поддерживали успехи и выразили желание и впредь помогать в борьбе с наркотиками.

И все-таки пока контрабанда наркотиков из Афганистана будет продолжаться, борьба с наркоманией в Пакистане будет малоэффективной. Доступность наркотиков – главная причина роста наркомании. По данным международных организаций, связанных с борьбой с наркотиками, в Пакистане проживает около 8% наркоманов всего мира и ежегодный прирост потребляющих наркотики растет на 110% в год. Точных данных о числе наркоманов нет: они варьируют от 500 тыс. до 3 млн. человек.

Учитывая остроту проблемы наркомании, различные организации проводили специальные обследования в разных районах страны, в сельской и городской местности, среди различных слоев и прослоек населения, возрастных групп, и пришли к весьма неутешительным выводам. 71,5% из числа потребляющих наркотики составляют молодые люди до 35 лет, причем их большая часть находится в возрастной группе 26–30 лет. 60% людей, потребляющих наркотики, грамотные. Такое же количество работает: 14,1% – в торговле, 10,9% – в сельском хозяйстве и 11,4% – студенты.

Обследование, проведенное руководством Антинаркотических сил, показало, что 68,6% наркоманов впервые познакомились с «зельем» через друзей, 15% – через случайных знакомых и торговцев и 9% – в семье. Что касается состава наркотиков, то 51,2% используют героин, 29,5% – гашиш, остальные – транквилизаторы, алкоголь и другие опийные вещества.³⁷

Тревогу властей вызывает рост наркомании не только потому, что ею охвачено молодое поколение и женщины, но еще и потому, что ее сопровождает рост преступности, коррупции, «черного рынка», больных СПИДом (их число перевалило за 70 тыс.). Власти делают попытки сократить число наркоманов, помещая их в больницы и реабилитационные центры, которых явно не хватает. Здесь они могут обслужить не более 10% общего количества больных.

Очевидно, что рост наркозависимых в Пакистане связан как с дешевизной и доступностью наркотиков, так и прежде всего с экономическими и социальными проблемами, нерешенность которых сейчас и неверие в их ликвидацию в будущем толкают людей к этой своеобразной форме социального протеста, к желанию забыться от тягот повседневной жизни.

Помимо общенациональных мер по борьбе с наркоманией, включающих усиление религиозного давления на наркоманов через проповеди мулл, использование книг, электронных средств и учебников, рассказывающих о вреде наркотиков, в стране разработаны 19 схем, 14 из которых уже действуют и на выполнение которых выделено 7,5 млн. рупий и использовано 75,4% выделяемых средств.³⁸

Борьба с контрабандой наркотиков осложнялась тем, что к экспорту их в последние годы стали широко привлекаться люди из международного преступного мира, к услугам которых часто прибегали местные дельцы, коррумпированные представители администрации. На страницах пакистанской печати освещались скандальные истории по обвинению пакистанских представителей высшего эшелона власти в связях с наркомафией (например, упоминались бывший губернатор СЗПП Фазл Хан, сын губернатора той же провинции Н.А. Хана Хоти, родственники и близкие друзья погибшего президента Зия-уль-Хака и др.). Были сообщения в печати, что многие высокопоставленные чиновники, в том числе и члены Национальной и провинциальных ассамблей, находятся на содержании мафии и вовлечены в торговлю наркотиками. Армия также втягивалась в наркобизнес. Армейские грузовики, доставлявшие оружие в Афганистан, на обратном пути возили наркотики из пограничных районов в Карачи. Несколько старших офицеров, арестованных в 1986 г. за пособничество контрабандистам, отделались «легким испугом», а весь судебный

процесс над ними воспринимался как успокоительный спектакль для США и мировой общественности.

Об этом же говорит и мировой скандал с Международным кредитно-коммерческим банком (МККБ), на счетах которого оказались деньги, полученные от торговли наркотиками. Тогдашний министр финансов Сартадж Азиз в этой связи предположил, что отделения МККБ в Пакистане вполне могли принимать на хранение часть немалых средств, полученных подпольными торговцами наркотиками, и предположил, что эти средства могут превышать огромную сумму в 20 млрд. долларов. В связи с этим скандалом в средствах массовой информации говорилось о глубокой криминализации экономики и политики в Пакистане и проникновении мафиозных структур в управление страной. Более того, международные банки и среди них МККБ вступили в партнерские отношения с мафией, чтобы обойти пакистанское законодательство по контролю за переводом средств из Пакистана и наладить их трансферты за рубеж. Данные о неблаговидной деятельности банка задолго были получены американскими властями, однако были обнародованы только после скандала, что, по мнению пакистанской печати, демонстрировало потворство наркомафии в Пакистане.

Результатом роста доходов от торговли наркотиками явилось отчасти и изменение ценообразовательной политики в Пакистане, где цены на недвижимость и землю оказались крайне высокими благодаря инфляции и скорости, с которой шло помещение «черных» денег в недвижимость, открытие дорогих (ювелирных) магазинов, получение строительных подрядов и т.д.

Особую активность в последние годы проявляют на поприще незаконных операций, связанных с оружием и наркотиками, торговцы, купцы и маклеры, бежавшие из Афганистана. Афганский фактор в подпольной экономике, как и в обычном бизнесе, становится все более сложным обстоятельством жизни пакистанского общества.

За 2010 г. в Пакистане было захвачено 4688 кг героина/морфина, 3784 кг опиума, 44600 кг ацетил-ангидрида (необходим для производства героина), 83233 кг гашиша. Только в течение хаджа было арестовано из Пешавара и Исламабада 19 человек, которые перевозили наркотики. Специальный Суд приговорил 3 человек к смертной казни и 278 человек к пожизненному заключению.³⁹ 4 контрабандиста, арестованные еще

в 2008 г. за перевоз большой партии гашиша из Белуджистана в Карачи, также приговорены к смерти.⁴⁰

Согласно данным газеты «Нэшн», наркобароны создали фабрики по производству героина на территории Пакистана на афгано-пакистанской границе, которые используют афганское сырье.⁴¹ Все это сообщают жители полосы племен, а также источники из Антинаркотических сил. Фабрики работают систематически, а полученные наркотики вывозятся морем и по суше. Согласно указанным источникам, в зоне племен циркулируют многие тысячи и даже миллионы евро, ими же пользуются (особенно в торговле) жители прилегающих районов. Они же вызывают недовольство среди лиц молодого возраста из-за контрабандного ввоза сырья из Афганистана. Созданные фабрики располагаются в труднодоступных районах Пакистана, но это не мешает влиятельным лицам быть вовлеченными в эту «грязную игру», поскольку здесь пахнет огромными деньгами, в том числе и в валюте.

Согласно данным антинаркотических сил и других международных организаций, против наркотиков ведется борьба на протяжении многих лет, Афганистан же продолжает наращивать выращивание мака. Афганские наркобароны имеют поддержку представителей афганского правительства по переправке наркотиков из Афганистана в Пакистан без особых трудов, что создает крайне трудные проблемы, поскольку фабрики по производству наркотиков находятся на территории Пакистана, и отсюда эти вещества развозят по разным направлениям.

Несмотря на попытки мирового сообщества сократить производство наркотиков в Пакистане, они не приносят существенных результатов по трем главным причинам: производители мака получают хорошие доходы, а опиум в этом регионе для большинства населения часто более доступен, чем продукты питания, и является единственным средством к существованию. Широко проникшая в государственные структуры наркомафия, сращивание госаппарата не только с местной, но и с международной мафией осложняет и даже препятствует борьбе с производителями и экспортерами этой страны. И, более того, растущий спрос внутри страны на наркотики также увеличивает спрос на них.

Также трудно идет борьба за сокращение площадей под посевами мака. Правительство проводит субсидированный пе-

ревод плантаций мака на производство других сельскохозяйственных культур. Однако и здесь оно встречается с большими трудностями. В полосе племен на границе с Афганистаном производители мака, получив субсидии от государства, прячут посевы в труднодоступные места. В других районах, в частности в округе Мардан, жители и вовсе отказываются выполнять требования властей. Вот уже несколько лет идет борьба, часто кровопролитная, уносящая жизни военных, осуществляющих операции, и владельцев посевов мака. Ликвидация посевов мака происходит при материальной помощи Запада, особенно США, которые выделяют специальные средства для этой борьбы. Однако зачастую выделенные средства расходуются не по назначению и по большей части просто разворовываются местными чиновниками. Таким образом, несмотря на серьезное давление со стороны ряда европейских стран, государств Персидского залива и США, проблема производства наркотиков остается весьма острой, что объясняется как неэффективностью принимаемых решений, так и теми огромными средствами, которые получают от этого бизнеса не только контрабандисты, но и многие пакистанские представители власти и военных.

Власти Пакистана активно вступают в контакты с другими странами в общей борьбе с наркотиками и их производством. Ими уже подписаны соглашения о контроле за перевозкой наркотиков с 9 странами и с 28 странами договоры об экстрадиции наркокурсоров. Летом 2004 г. в Исламабаде состоялось заседание пакистано-индийской двусторонней группы по борьбе с контрабандой наркотиков. Стороны обсудили ситуацию на пакистано-афганской границе, меры по борьбе с наркотрафиком, возможность обмена оперативными данными. Начала работу и совместная комиссия с Афганистаном по борьбе с контрабандой наркотиков из этой страны, где всего за год их производство выросло в 18 раз и уже в 2002 г. достигло 3400 тонн.⁴² В декабре 2010 г. в Москве было подписано соглашение между Афганистаном, Пакистаном, Таджикистаном и Россией о мерах по совместной борьбе с наркоэкспансией – уничтожение полей под маком, лабораторий по производству наркотиков, обмен информационными данными о наркоторговле и наркотрафике. С российской стороны соглашение подписал директор ФСКН Виктор Иванов, который подчеркнул, что ежегодно от афганского героина в России погибает 30 тысяч людей: «Мы, как со-

седи, связанные единой частью земли, имеем потенциал для совместной борьбы с глобальной угрозой в виде афганского героина».⁴³

Еще за полгода до подписания 4-стороннего соглашения по борьбе с наркоэкспансией в июне 2010 г. на заседании европейской сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» в Потсдаме германским политикам, экспертам и общественности был представлен российский план «Радуга-2», предусматривающий совместные усилия мирового сообщества по ликвидации афганской наркоиндустрии⁴⁴. В основе российского документа – предложение уничтожить не менее 25% посевов опиумного мака в Афганистане. «Россию и Европу в наибольшей мере захлестывает волна наркотрафика из Афганистана», – отметил директор ФСКН Виктор Иванов. По данным его ведомства, в страны Евросоюза ежегодно поступает 711 тонн опиума – на четверть больше, чем в Россию. На Россию и ЕС приходится половина мирового потребления героина, соответственно 21% и 29%. Транснациональный трафик наркотиков из Афганистана – основной источник нестабильности, экстремизма, организованной преступности и терроризма в Косово, Ферганской долине Узбекистана, Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и на Кавказе. «Непрерывная деятельность террористов и организованной преступности на Северном Кавказе осуществляется при финансовой поддержке от сбыта афганских наркотиков, – подчеркнул Виктор Иванов. – Так же и Косово в самом центре Европы превратилось в поставщика опиатов из Афганистана на рынки ЕС».⁴⁵

По словам Александра Рара (эксперт Германского общества внешней политики), немцы «вежливо и с большим интересом выслушали предложение Виктора Иванова», но никаких конкретных ответов на него «дано не было и не будет». Германия, как объяснил г-н Рар, «не видит борьбу с наркомафией в Афганистане своей приоритетной целью». «Для России же это жгучий вопрос, а потому она на этом направлении хотела бы задействовать НАТО. Но уничтожение маковых полей, по оценкам экспертов альянса, еще больше настроило бы местное население против Запада. А других предложений помимо борьбы с наркотиками Россия по Афганистану не дает».⁴⁶ Российский план помимо механического уничтожения посевов опиумного мака предусматривает действия мирового сообщества по подъему экономики Афганистана путем развития энер-

гетики, электрификации и создания не менее двух миллионов рабочих мест для афганцев.

В рамках формируемой в настоящее время новой антинаркотической политики России ФСКН определила приоритетные направления действий. Первое направление – международное. Без кардинального изменения ситуации в Афганистане избавить страну от героиновых потоков практически невозможно. К тому же наркомафия имеет ярко выраженную транснациональную природу и характер. Второе – организация действенных полноценных границ, прежде всего с Казахстаном (через российско-казахстанский участок границы в РФ поступает почти 95% афганских наркотиков). Большая протяженность (7598,6 км) и неудовлетворительная техническая оснащенность российско-казахстанской границы создают благоприятные условия для бесконтрольного въезда на территорию РФ и контрабандных поставок афганских наркотиков. О надежности охраны российско-казахстанской границы можно судить по численности подразделений Северо-Кавказского управления Пограничной службы ФСБ России, несущих службу на территории Астраханской области, – примерно по одному пограничнику на 20 км границы. Учитывая мощный криминогенный фактор, выражающийся в устойчивом росте в Афганистане производства опия и героина, транзит этих наркотиков через российско-казахстанскую границу, по прогнозам экспертов ФСКН, в ближайшем будущем будет расти⁴⁷.

¹ Независимое военное обозрение (НВО), № 9 (608), 12–18 марта 2010.

² Подробнее о наркорынке Афганистана в 1990-е гг. см: Пластун В.Н. Наркотики на Востоке и в России // Восток и современность, 1998, № 1; Арунова М.Р. Война и наркобизнес // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998, с. 31–38; Арунова М.Р. Наркоэкспансия с Юга // Центральная Азия в системе международных отношений. – М., 2004.

³ Батыршин И.И. Пакистан и наркогеополитика Пентагона. – www.antidrugfronl.ru/publications.

⁴ НВО, № 9 (608), 12–18 марта 2010.

⁵ НВО, № 09 (608), 12–18 марта 2010.

-
- ⁶ Афганский наркотрафик – угроза безопасности России. – <http://www.fsknszfo.ru>, 15.07.2009.
- ⁷ Цит. по: Коммерсантъ-Власть, № 16 (870), 26.04.2010, с. 36.
- ⁸ НВО, № 09 (608), 12–18.03.2010.
- ⁹ Время новостей, 02.04.2010.
- ¹⁰ Афганский наркотрафик – угроза безопасности России. – <http://www.fsknszfo.ru>, 15.07.2009.
- ¹¹ НВО, № 09 (608), 12–18 марта 2010, с. 14.
- ¹² НВО, № 35 (444), 16–22.09.2005.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Афганский наркотрафик – угроза безопасности России. – <http://www.fsknszfo.ru>, 15.07.2009.
- ¹⁵ Подробнее см.: Зелинченко А. История афганской наркоэкспансии 1990-х гг. – <http://www.guiner.info/biblioteck.Buks/History/zelich/04.php>.
- ¹⁶ Батыршин И.И. Пакистан и наркогеополитика Пентагона. – www.antidrugfront.ru/publications.
- ¹⁷ НВО, 18–24.12.2009.
- ¹⁸ НВО, № 23 (620), 21.06–01.07.2010.
- ¹⁹ НВО, № 9 (608), 12–18.03.2010.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ The Muslim, 24.07.1994; The News, 25.06.2000.
- ²⁴ Dawn, 26.06.2002; 23.06.2002.
- ²⁵ Dawn, 06.04.2004.
- ²⁶ Dawn, 06.04.2004.
- ²⁷ Dawn, 11.12.2003.
- ²⁸ Dawn, 02.01.2004; The Nation, 15.02.2003.
- ²⁹ Dawn, 23.04.2004; The Nation, 08.04.2004; The News, 04.04.2003; 08.04.2003; 22.04.2003.
- ³⁰ The News, 29.04.2003.
- ³¹ The Nation, 16.09.2003.
- ³² Daily Mail, 04.03.2004.
- ³³ Dawn, 26.06.2002; The News, 25.06.2000.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ The News, 28.06.2002; Dawn, 26.06.2002.
- ³⁶ Dawn, 15.06.2004; The Nation, 16.01.2003.
- ³⁷ Dawn, 26.06.2002; 26.02.2003; 25.02.2003.

-
- ³⁸ The Nation, 11.01.2003; Dawn, 23.06.2002.
- ³⁹ The Pakistan Times, 10.01.2010; Dawn, 27.06.2010.
- ⁴⁰ Dawn, 11.05.2010.
- ⁴¹ The Nation, 23.08.2008.
- ⁴² Dawn», 15.06.2004; The Nation, 16.01.2003; The News, 08.01.2002; Dawn, 26.02.2003.
- ⁴³ Business Recorder, 09.12.2010.
- ⁴⁴ Время новостей, 09.06.2010.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Информационный бюллетень «Президентский контроль», № 8, июль 2009.

**НОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ
ОБ АФГАНСКОЙ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛЕ (САТТ)
И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАКИСТАНО-АФГАНСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

2010 год оказался переломным во взаимоотношениях между Афганистаном и Пакистаном, даже при «сохранении конфликтного потенциала, который был традиционно присущ взаимодействию Кабула и Исламабада, они приобрели относительно более конструктивный, взвешенный характер»¹. Необходимость налаживания дружественных отношений диктуется, во-первых, политическими причинами, борьбой с экстремизмом, необходимостью укрепления интеграционных связей с Центральной Азией. Добрососедские связи с Пакистаном необходимы, во-вторых, потому что «экономическая и политическая интеграция с ним» даст возможность решить большинство политических и экономических проблем обеих стран и Центральной Азии за счет обмена ресурсами.

Нормализация экономических отношений между странами предполагает широкое развитие ряда совместных проектов, в том числе и гуманитарных, развитие торговых отношений и подписание нового торгового соглашения между странами.

Подписанию последнего предшествовали многочисленные встречи важных представителей двух стран. И, наконец, подписание 29 октября 2010 г. нового торгового соглашения, согласно которому объем торговли должен возрасти до 5 млрд. долл. к 2015 г. при нынешних масштабах в 1,5 млрд. (1,4 млрд. в 2008 г.). Необходимость подписания нового Соглашения диктовалась рядом причин: как-то особенностью внешней торговли Афганистана с внешним миром из-за отсутствия его выхода к морю. Это во многом диктует специфику его торговли со всеми соседями и особенно с Пакистаном, с которым он имеет сухопутную границу длиной более тысячи километров, и через территорию которого осуществляется значительная часть экс-

портно-импортных легальных и нелегальных операций. Другой причиной необходимости сближения двух стран является (из-за длящейся вот уже почти два десятилетия войны) осуществление торговли главным образом контрабандным путем, несмотря на то, что необходимость приведения торговли в нормальные рамки оценивалась еще в 1965 г., когда было заключено первое Соглашение об афганской транзитной торговле (САТТ). Оно было пересмотрено в 1995 г. с целью укрепления таможенных служб и ограничения контрабанды². Новое (1995 г.) Соглашение дало некоторые результаты: за 1990–1991 гг. – 1999–2000 г. экспорт возрос в 57,4 раза, а импорт много меньше – в 8,5 раза, что свидетельствовало о том, что Пакистан вывез из Афганистана помимо традиционных сухофруктов и лекарственных трав, леса, драгоценных камней еще ряд контрабандных товаров (это по официальным данным), а ввез туда многочисленные товары пакистанского производства и частично импортные товары, попавшие в официальные источники как «вывоз из Афганистана».

Необходимость подписания нового Соглашения диктовалась тем, что в то время как Пакистан пытался направить торговые отношения с Афганистаном в легальное русло, в Афганистане после 1992 г. вообще никакой внешнеторговой политики не существовало, хотя все торговые операции и перевозки грузов по территории страны начали облагаться произвольными налогами и поборами со стороны местных властей, чаще всего полевых командиров³.

Пакистанские власти не могли справиться с контрабандой даже в рамках Соглашения (1995 г.) о транзитной торговле: за короткий срок в начале 90-х годов объем торговли возрос с 3 млрд. рупий до 11 млрд., существенную часть которых составила контрабанда. Обеспокоенные столь большими объемами контрабанды, власти Пакистана включили в текст Соглашения (1995 г.) пункт о предоставлении в таможенные службы соответствующих документов на действительно, а не фиктивно ввозимые в Афганистан товары⁴. Пока же большая часть товаров, импортируемых Афганистаном через пакистанскую территорию, или вообще не доходила до него или, если и ввозилась, то не имела достаточного спроса, а потому незаконно вывозилась обратно в Пакистан, что вызывало недовольство местных пакистанских промышленников и предпринимателей, производящих конкурирующие товары. Торгово-промышленные круги

двух провинций – СЗПП (с 2010 г. – Хайбер Пахтунхва) и Белуджистана неоднократно обращались к федеральным властям с просьбой запретить транспортировку ряда товаров, конкурирующих с местным производством, через территорию этих провинций и, наоборот, снять ограничения на вывоз в Афганистан и Центральноазиатский район товаров, которые теперь не производятся из-за кризисной ситуации.

Действие Соглашения вызывало тревогу у пакистанских властей, которые в 1988 г. подготовили список из 33 товаров, запрещаемых к беспошлинному импорту по Соглашению о транзитной торговле. Было подсчитано, что в 1997/98 финансовом году по Соглашению было ввезено товаров на 23 млрд. рупий, в предыдущем – на 10 млрд., хотя экономическая ситуация в стране значительно ухудшилась⁵. Это значило, что увеличилась контрабанда. Известно, что товары, предназначенные по Соглашению для Афганистана, разгружаются в Карачи, а затем наземным путем перевозятся в Афганистан и облагаются афганскими налоговыми службами сборами и налогами. Однако, согласно подсчетам, до 80–90% этих товаров ввозилось обратно в Пакистан, некоторые же из них пересекали границу только на бумаге, часто афганские власти не платили за транспортировку налоги. По пакистанскому законодательству эти операции расценивались как нелегальные или контрабандные. За перевозку товаров пакистанские таможенные посты вносили незаконную плату с каждого грузовика. Между Чаманом и Кветтой существовало 14 таких постов и 18 от Торкама до Пешавера. Цель их – борьба с реэкспортом товаров, ввозимых по Транзитному Соглашению. Контингент этих постов состоял из служащих таможенных, акцизных служб, секретных агентств и солдат из военизированной милиции. На самом деле здесь процветает коррупция, незаконные поборы. По некоторым подсчетам, пакистанские торговцы получили за 1995–1998 гг. больше прибылей, чем афганцы от действующего Соглашения о транзитной торговле⁶, еще более прибыльным оказывается это Соглашение для некоторых исламабадских чиновников и влиятельных персон, берущих взятки. Для получения подписи на документах, разрешающих импорт, приходится давать взятку в 15–16 тысяч рупий, а те, кто не платит, ожидают разрешения долгое время⁷.

Периодически список товаров, которые разрешались к импорту в Афганистан по Соглашению о торговле, пересматрива-

ется. Так, в 1999 г. Пакистан выразил готовность разрешить импортировать 41 наименование товаров, которые были крайне необходимы в Афганистане. Обе стороны обменялись делегациями на уровне министров. Они должны были разработать меры по предотвращению попадания товаров, ввозимых по Соглашению, на пакистанские контрабандные рынки «бара». Ведь согласно официальной статистике, стоимость контрабандных товаров приносила убыток пакистанской казне до 5,5 млрд. рупий за счет льгот, предусматриваемых Соглашением⁸. В 60-е годы это Соглашение охватывало 400 наименований товаров, но в 80-е из него было исключено 66, поскольку они попадали вместо Афганистана на пакистанские рынки «бара». В 1997 г. правительство Пакистана разрешило импорт всего 82 наименований товаров по Соглашению, а затем исключило из него 17 статей. Одновременно правительство Пакистана заблокировало в порту Карачи огромное количество товаров, особенно автомобилей и электроники.

На встрече министров в августе 1999 г. Исламабад разрешил импорт по Соглашению 41 вида товаров. Позднее весь импорт, заблокированный в карачинском порту, по личному распоряжению тогдашнего премьер-министра Наваза Шарифа, был разрешен к ввозу в Афганистан через территорию Пакистана⁹. Импорт ряда товаров якобы для афганского потребителя на самом деле носил преднамеренно контрабандный характер. Так, в 1998 г. Афганистан намеревался ввезти 735 мешков черного чая, хотя в самой стране потребляется по преимуществу зеленый, т.е. явно сделка предполагала ввоз чая для продажи его в Пакистане. Весь чай был передан на хранение в Пашаверскую таможню¹⁰. Или взять импорт сигарет в Афганистан, разрешаемый Соглашением. Большая часть их попадает контрабандным путем на рынки пакистанских городов и не облагается налогами. В результате казна, по данным Центрального Бюро по налогам, теряет до 5,5 млрд. рупий ежегодно. В последние годы приток таких сигарет в Пакистан значительно увеличился. Поскольку ввоз их не легализован, с них не платятся не только импортные пошлины, но и налоги (подходный и налог на продажу). Из-за массового нелегального ввоза сигарет страдают местные производители, т.к. не выдерживают конкуренции как по качеству, так и по цене с контрабандными сигаретами¹¹.

В пакистанской печати приводятся многочисленные примеры ввоза якобы в Афганистан, а на самом деле для паки-

станских потребителей огромного количества лезвий (а ведь талибы запрещали мужчинам бриться!), зубной пасты (что вызывало недовольство местных производителей), легких сари (которые не носят афганские женщины), кондиционеров и многих других товаров. И таких примеров множество.

Большой урон афганской торговле нанесли санкции ООН, запрещающие полеты афганской авиакомпании, и замораживание финансовых счетов талибов на Западе, поэтому Соглашение об Афганской Транзитной торговле приобрело еще большее значение. Введение же запрета на импорт товаров в Афганистан через территорию Пакистана влияло на торговую деятельность в самом Афганистане, поэтому глава торговой ассоциации Спин Балдок обратился к властям Пакистана разрешить импорт товаров, поскольку из-за бездействия рынки Афганистана несут большие потери¹². Периодическое введение ограничений пакистанских властей влияло и на торговые связи со странами Центральной Азии, которые находятся еще в стадии становления. Так, ликвидация скидок на экспорт сахара в количестве 200 тыс. тонн в Афганистан и страны Центральной Азии привела к замораживанию операций в Пакистане, в то время как Индия оказалась главным импортером пакистанского сахара, согласившись с величиной налогов¹³.

В целом же надо отметить, что антитеррористическая операция в Афганистане значительно сузила возможности как легальной, так и нелегальной торговли между Пакистаном и Афганистаном.

Все чаще и чаще в СМИ вставал вопрос о пересмотре Соглашения об афганской транзитной торговле, где значительную роль играли США. Решение о пересмотре соглашения было принято во время визита теперь президента Пакистана Асифа Зардари и торговой делегации Афганистана в США в мае 2009 г. Афганистан должен был представить проект нового соглашения, обсудив его с правительством Пакистана. Рабочая группа, встретившаяся в Исламабаде, обсудила выгоды от больших взаимных региональных торговых связей и экспортноориентированного делового сотрудничества. Эта рабочая группа обсудила также либерализацию торговли и ликвидацию препятствий, влияющих на торговлю и инвестиции в обеих странах. Новое соглашение должно увеличить возможности использования не только морского порта Карачи (единственного до сих пор!), но и портов Гвадар и Бен Касим. В ко-

нечном счете таким образом должны открыться более широкие связи с государствами Центральной Азии через сухопутные центры Ланди-Катал (СЗПП) и Чаман (Белуджистан), куда будут проложены дороги с Мекранского побережья. Президент США Барак Обама предложил своей администрации приложить усилия для превращения Пакистано-Афганского пограничного пояса в зону развивающейся торговли и экономической активности. Переговоры по этому вопросу уже были проведены в Вашингтоне. США предложили освободить все товары, производящиеся в зоне, от импортных налогов, что могло создать экономические и трудовые возможности в «Полосе племен» и СЗПП для бизнеса и молодежи¹⁴.

Окончательному подписанию Соглашения об афгано-пакистанской торговле 29 октября 2010 г. предшествовали семь раундов переговоров и заседаний между двумя странами на различном уровне. Так, завершающее заседание состоялось в Исламабаде, где свои подписи под Соглашением поставили министр торговли Макдум А. Фахим – с пакистанской стороны и Анварул Хак Ахади – с афганской, первый из которых проинформировал президента Х. Карзая. При подписании Соглашения присутствовал спецпредставитель США Ричард Холбрук¹⁵, что свидетельствует о растущей роли США во взаимоотношениях между странами, поскольку около 80% поставок НАТО в Афганистан идет через пакистанскую территорию, и этот путь является «выгодным и удобным»¹⁶.

Но еще 7 октября 2010 г. Федеральный кабинет министров под руководством Саеда Юсуфа Р. Гилани одобрил Соглашение, разрешая афганские товары перевозить в Индию по пакистанской территории через сухопутный пункт Вагах, порты Карачи и Касим. По Соглашению афганские грузовики будут доставлять товары в эти пункты назначения, где на индийской территории будет проводиться таможенная очистка и перевалка грузов на местные транспортные средства.

С 1980 г. афганским грузовикам было разрешено через пакистанский пункт Торкам перевозить грузы, а по новому Соглашению они могут довозить их до индийского Вагаха. «В ответ пакистанским грузовикам разрешено передвигаться по афганской территории в государства Центральной Азии и Иран», – заявил министр информации Пакистана Кумар З. Кайза¹⁷.

Транзитная торговля между Афганистаном и Индией через пакистанскую территорию была начата в 1980 г., а по Согла-

шению 1995 г. афганским грузовикам разрешено перевозить индийские товары в Афганистан. По взаимной договоренности, пакистанским грузовикам разрешено следовать через Афганистан в Центральную Азию, Иран и Турцию¹⁸.

По Соглашению афганские товары будут перевозиться в опечатанных контейнерах и досматриваться и сертифицироваться в Пакистане на границе в Торхаме, будут учитываться также обновленные таможенные законы, которые были разработаны в течение семи раундов интенсивных переговоров и дискуссий. При транспортировке грузов будут приниматься во внимание предложения Министерства обороны и частного сектора. По заявлению министра информации Пакистана Кумара Кайза, Соглашение не разрешает перевоз индийских товаров в Афганистан через Вагах и пакистанскую территорию, чтобы контролировать контрабанду и афганские и индийские грузы, а также дерегулировать торговые операции объемом более 2 млрд. долл. между Пакистаном и Афганистаном, которые осуществляются часто без документов¹⁹.

Вопрос о контрабанде ставится между странами очень остро. Пакистанская сторона считает, что провоз индийских и пакистанских контрабандных грузов осуществляется афганской стороной. Кабул же обвиняет Исламабад в широкой контрабанде афганского мрамора, древесины и драгоценных и полудрагоценных камней, в результате чего теряется до 1,5 млрд. долл. в год из-за беспоплатного провоза этих товаров. В свою очередь Исламабад обвиняет Афганистан в том, что контрабанда в Пакистан оценивается в 4–5 млрд. долл. и налоговые потери из-за нее – в 2,5 млрд. долл. Причем 75% из 5 млрд. происходят в рамках Афганского Торгового Соглашения, которое постоянно меняется²⁰. Ведь афганский импорт по Соглашению в основном принадлежит пакистанцам, и они ввозят эти товары обратно в Пакистан с помощью афганских партнеров, и контроль за этими операциями осложнен длинной границей и неэффективной борьбой с контрабандой.

Заключение в октябре 2010 г. Соглашения о пакистано-афганской торговле свидетельствует о том, что обе стороны заинтересованы в развитии торговых связей, и будут предприниматься меры по преодолению контрабанды.

Следует отметить, что два визита руководителей Пакистана и Афганистана в марте и декабре 2010 г. сыграли определенно положительную роль для «установления трансрегио-

нальных коридоров для коммуникаций, транспортировки, торговли и энергетики. Нам необходимо налаживать таможенные связи и менеджмент для активизации торговых связей и доведения объема взаимной торговли до 5 млрд. долл. к 2015 году», – заявил Хамид Карзай. В ответ премьер Пакистана Ю.Р. Гилани отметил, что «Пакистан намерен быть близким партнером в прогрессе и процветании Афганистана»²¹.

Сотрудничество предполагает создание 100 начальных школ, 50 медицинских учреждений на территории Афганистана, выделение 2 тысяч стипендий для афганских студентов, более 6 тысяч молодых людей получают образование в Пакистане. Предполагается широкое сотрудничество в области энергетики, строительство таких объектов, как CASA-1000, TAPI (Туркмено-Афгано-Пакистано-Индийский газопровод).

Обе стороны выразили желание сотрудничать в области инфраструктуры: построить железнодорожные ветки Пешавер – Джелалабад и Кветта – Кандагар, а также осовременить дороги Ланди – Катал – Торкхам и Чаман – Спинболдак, наладить более тесные связи между частными секторами обеих стран. Предполагается также создать сельхозинституты в Афганистане, экономические зоны и наладить сотрудничество торгово-промышленных палат.

Обе стороны согласились создать рабочие группы, чтобы обсуждать и вырабатывать совместные меры в следующих областях: инфраструктура и связь; торговля; экономические зоны, таможенные проблемы, планирование и развитие. В совместном заявлении президент Х. Карзай и премьер З. Гилани подтвердили существование исторических, культурных и религиозных связей между братскими и дружественными странами и их народами²². Новый этап начался...

¹ Арунова М.Р. www.iimes.ru, 06.11.2010.

² <http://iwww.journal-neo.com/?q=ru/node/3949>.22.01.2011.

³ Muslim, 04.02.1995; 19.10.2001.

⁴ Dawn, 25.08.2001.

⁵ The Nation, 30.12.1998; Pakistan Economist, 10–16.12.2001.

⁶ The Nation, 30.12.1998.

⁷ The News, 29.12.2000.

⁸ The News, 29.08.1999.

-
- ⁹ Money plus, 26.10.2009; Dawn, 26.10.2009.
- ¹⁰ Money plus, 26.10.2009.
- ¹¹ The News, 01.05.1999.
- ¹² The News, 12.12.2000.
- ¹³ The Nation, 22.12.1998.
- ¹⁴ Dawn, 19.10.2001; The News, 17.05.2009; Pakistan Observer, 29.04.2009.
- ¹⁵ Business Recordes, 29.10.2010.
- ¹⁶ Dawn, 09.10.2010.
- ¹⁷ The News, 07.10.2010; Pakistan Times, 07.10.2010.
- ¹⁸ Pakistan Times, 07.10.2010; Замараева Н.А. www.iimes.ru, 08.12.2010.
- ¹⁹ Pakistan Times, 07.10.2010; The News, 07.10.2010.
- ²⁰ The News, 25.01.2010; Daily Times, 23.01.2010.
- ²¹ Pakistan Times, 05.12.2010; 25.03.2010.
- ²² Там же.

**АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

После свержения режима талибов и начала процесса восстановления экономики Афганистана, к этой стране повысилось внимание стран мира, особенно соседних. Относительная стабилизация военно-политической обстановки привела к росту объема внешнеторгового оборота, подъему производства в реальном секторе экономики, развитию мобильной связи и интернета, оживлению транспортных связей с соседними странами. По данным афганского статистического ежегодника, внешнеторговый оборот страны в период с 2002 по 2008 гг. увеличился более чем в три раза (с 1178 млн. до 3565 млн. долларов)¹. Если в 2006 г. в стране насчитывалось 742 промышленных предприятия (производство строительных материалов, химической, фармацевтической, пищевой продукции, запчастей, бумаги и т.д.), то к 2008 г. их число достигло 831². Это еще раз подтверждает, что в стране, хоть и очень медленными темпами, но все же происходят положительные сдвиги.

Поскольку экономика Афганистана в целом находится в плачевном состоянии, то стране приходится импортировать все необходимые промышленные товары и услуги из других стран, а взамен экспортировать сырье и сельскохозяйственную продукцию. Ввиду незначительного объема экспорта по сравнению с импортом сальдо торгового баланса страны уже много лет остается отрицательным. Основными экспортными товарами Афганистана являются свежие и сухие фрукты, лекарственные растения, специи, ковры, хлопок, шерсть, шкуры, а импортирует он главным образом горюче-смазочные материалы, машины и оборудование, цветные и черные металлы, фабричные изделия, продовольствие.

Если раньше в качестве основных внешнеторговых партнеров Афганистана выступали Пакистан, Россия, США, Япония, Южная Корея, Иран и другие страны, то за последние го-

ды к ним присоединились соседние Центральназиатские государства и Китай. По данным главы Управления по содействию транзиту и торговле Министерства торговли и промышленности Афганистана, на региональном уровне около 50% афганской торговли приходится на долю пяти соседних стран – Пакистана, Ирана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана³.

Лидирующее положение в системе внешней торговли Афганистана традиционно занимает Пакистан. Это прежде всего объясняется тем, что он является основным коридором для выхода на внешние рынки и поступления всех видов товаров на афганский рынок. Недостаточно развитое, а порой, и совсем неразвитое соответствующее транспортное сообщение с Афганистаном не позволяет другим соседним странам увеличить объем товарооборота с Афганистаном до необходимого уровня. Однако, несмотря на подобные барьеры, некоторые из них за последние годы в этом плане значительно продвинулись вперед.

Для анализа мы берем данные по внешней торговле в первый после свержения режима талибов год. Следует отметить, что в различных источниках встречаются разные внешнеторговые показатели по Афганистану, поэтому мы не будем заниматься их анализом, а используем только официальные данные статистического ежегодника Афганистана.

* * *

Так, Афганистан в рассматриваемом 2002 году экспортировал товаров и услуг на сумму 100 млн. долларов США (см. табл.), из которых 26% были поставлены в Пакистан, 27% в Индию, 4% в Узбекистан, 1% в Иран, а остальные 62% – в другие страны. К 2008 г. объем экспорта Афганистана вырос в 5,5 раза, и доля Пакистана и Ирана в нем также увеличилась, достигнув 48% и 3%, а Узбекистана – наоборот, сократилась. Отсутствие в списке основных партнеров по импорту из Афганистана таких граничащих с ним стран, как Туркменистан, Таджикистан и Китай, говорит о незначительности их доли в этой системе.

В системе импорта (включая реэкспорт) Афганистана наблюдается немного другая, отличная от вышеприведенной картина. Дело в том, что здесь, во-первых, количество партнеров больше, а во-вторых, темп роста объема торговли по странам также высокий. На региональном уровне по объему поставляемых товаров и услуг Пакистан и здесь является лидером, который в 2002 г. экспортировал в Афганистан товары

на общую сумму в 207 млн. долларов, что составляет примерно 8.5% от общего объема. Общий объем импорта с 2002 по 2008 гг. вырос всего на 18%.

Кроме Республики Таджикистан остальные соседи играют заметную роль в поставке собственного товара и реэкспорта товаров третьих стран. В последние годы Таджикистан в нескольких пунктах вдоль реки Пяндж открыл приграничную торговлю и автотранспортное сообщение с Афганистаном. Однако данные статистического ежегодника являются свидетельством того, что торговые отношения между двумя странами все еще находятся на низком уровне.

Соседний с Таджикистаном Узбекистан, наоборот, за последние годы в несколько раз увеличил объем товарооборота с Афганистаном. Если до 2007 г. Пакистан в системе импорта Афганистана по объему поставляемых товаров был на первом месте, то в 2008 г. Узбекистан превзошел его, увеличив объем поставок более чем в 5,5 раза (на сумму 501 млн. долл.). Узбекские источники сообщают, что в первом полугодии 2009 г. из Узбекистана в Афганистан была экспортирована продукция на сумму в 332,5 млн. долларов, а в аналогичный период 2010 г. – 409,5 млн. долларов⁴. Причиной этому, по нашему мнению, могла послужить относительная стабильность обстановки в северной части Афганистана, что создает более благоприятные условия для транспортировки товаров, чем в провинциях, граничащих с Пакистаном.

Объем внешнеторгового оборота Афганистана со странами региона (млн. долл.)

	2002	2003	2004	2005	2008
Экспорт (всего)	100	144	305	384	545
Пакистан	26	99	258	298	264
Иран	1	2	4	3	18
Узбекистан	4	5	5	1	2
Импорт (включая реэкспорт, всего)	2452	2101	2177	2471	3020
Пакистан	207	181	326	394	489
Туркменистан	50	14	26	30	81
Китай	20	382	385	317	430
Иран	116	108	123	194	200
Узбекистан	88	25	95	204	501

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2008/09. С. 215.

Помимо осуществления внешнеторговых операций, соседние страны в зависимости от своих экономических и технических возможностей участвуют и в процессе восстановления экономической и социальной инфраструктуры Афганистана. Среди них одним из самых активных в деле оказания экономической помощи Афганистану и развития торгово-экономических отношений является Иран. В 2002 г. на конференции в Токио Иран заявил о выделении 560 млн. долларов на восстановление экономики Афганистана. За последние годы Иран активно помогал своему соседу в разных сферах экономики, но главным образом сосредоточился на восстановлении и строительстве объектов энергетики, сельского хозяйства и транспорта преимущественно в западной части Афганистана.

Кроме оказания безвозмездной экономической помощи Иран вкладывал средства и в отдельные проекты в Афганистане. По данным некоторых источников, к 2006 г. на территории Афганистана функционировали 196 инвестиционных компаний, из которых 34 были иранскими⁵. Сам Иран вначале не был удовлетворен методом оказания помощи своему соседу. Почти все страны при выделении средств на реконструкцию экономики Афганистана, как обычно, учитывают интересы своих компаний и фирм, однако Иран ежегодно выделял по 50 млн. долларов наличными и не занимался продвижением иранских частных компаний на афганский рынок⁶.

Туркменистан частично поставляет гуманитарную и техническую помощь соседним афганским провинциям. За счет средств туркменского государства в 2009 г., к примеру, в провинции Фарьяб был построен и оснащен всем необходимым оборудованием Дом здоровья, в провинции Балх построена школа. Туркменскими специалистами за их счет был полностью обновлен двухкилометровый участок железной дороги Серхетабат – Тургунди стоимостью 550 тыс. долларов. Туркменской стороной выдвинуто предложение о строительстве железной дороги по маршруту Атамрат – Имамназар с дальнейшим продолжением его по территории Афганистана, что в будущем позволит увеличить объем трансграничного грузопотока⁷.

Начиная с середины 90-х гг. прошлого века Ашхабад пытается реализовать трансафганский газопровод по маршруту Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ), протяженностью 1680 км и пропускной способностью 30 млрд. кубических метров газа в год. Проблема реализации проекта сторо-

нами в течение последних 15 лет обсуждалась многократно. 30 августа 2010 Туркменистан и Афганистан на уровне Министерства шахт и горной промышленности Афганистана и Министерства нефтегазовой промышленности Туркменистана подписали межправительственное рамочное соглашение по осуществлению строительства газопровода ТАПИ⁸. Одним из главных препятствий на пути реализации проекта является военно-политическая обстановка в Афганистане. Поскольку маршрут газопровода проходит по территории Афганистана, особенно по его беспокойной южной части, никто не может дать гарантию на его стабильную работу, и проект считается рискованным.

Известно, что население Афганистана имеет очень низкий уровень дохода, и поэтому страна не всегда может своевременно осуществлять выплаты по поставкам электроэнергии из соседних стран. Неплатежеспособность афганской стороны часто приводит к накоплению долгов, которые в большинстве случаев списываются соседями в рамках программ оказания помощи. К подобной практике в последние годы иногда прибегало правительство Туркменистана. В очередной раз постановлением президента Туркмении в 2009 г. были списаны долги афганской стороны в сумме около 4 млн. долл., а также безвозмездно поставлено электричество в объеме 15 млн. кВт/ч на сумму \$300 тыс. долл. США⁹.

Строительством необходимых сооружений на своей территории Туркмения последовательно расширяет сеть линий электропередач в афганском направлении. В частности, Туркмения из собственных источников наладила обеспечение электроэнергией северных районов Афганистана, для чего были проложены дополнительные линии электропередачи.

Не менее активна на афганском направлении и республика Узбекистан. На участке автодороги Мазари-Шариф–Кабул для обеспечения бесперебойного сообщения между севером и югом страны Узбекистаном были построены 11 мостов. С начала 2002 года узбекскими властями восстановлена подача электричества в Афганистан, а в мае 2009 года реализован проект по введению в эксплуатацию ЛЭП (220 кВ) Хайратан – Пули Хумри – Кабул.

У всех стран Центральной Азии, граничащих с Афганистаном (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан) есть железнодорожная сеть, отвечающая современным требованиям. Сегодня

все страны, расположенные к югу и северу от Афганистана, для развития торгово-экономических отношений заинтересованы в развитии трансафганской транспортной сети. Центральнoазиатские страны, имеющие закрытый бассейн, больше всех нуждаются в получении доступа к морским портам Ирана и Пакистана. Последние, в свою очередь, для транзита товаров через Афганистан в Центральную Азию развивают свою наземную и морскую транспортную инфраструктуру.

Афганское правительство надеется, что с созданием благоприятных условий на своей территории и обеспечением безопасности страна в будущем станет привлекательной для инвесторов и превратится в транзитную зону. Глава Управления по содействию транзиту и торговле Министерства торговли и промышленности Афганистана на совещании экспертов в Женеве в 2007 г. заявил, что «афганская национальная стратегия развития до 2010 г., исходя из геостратегического положения Афганистана, рассматривает его как центр региональной транзитной системы, который способен извлечь выгоду для себя, а также дать другим странам доступ к мировым рынкам, связать главные торговые центры друг с другом, предоставляя им кратчайший путь для выхода к морю. Для реализации этой цели, согласно названной стратегии, необходимо развивать транспортные коридоры по следующим направлениям:

1. Транспортный коридор **Север-Юг**, соединяющий Таджикистан, Узбекистан и Туркмению с пакистанскими портами Карачи, Касым, Гвадар и далее (через железнодорожный терминал Вагах) с Индией.
2. Транспортный Коридор **Восток-Запад**, который соединяет Таджикистан, Узбекистан и Туркмению с иранскими портами Чахбахар и Бандер-Аббас»¹⁰.

На сегодня правительствами Афганистана и соседних стран разработаны и предложены на рассмотрение экспертов и инвесторов различные проекты по соединению Афганистана с внешним миром автомобильными и железными дорогами. Все имеющиеся проекты в той или иной степени с технической точки зрения реализуемы и экономически окупаемы. Рассмотрим некоторые из этих проектов и попытаемся дать оценку степени их реализуемости.

Как уже было сказано, именно через Пакистан осуществляется подавляющая часть экспортно-импортных операций

Афганистана. Кроме того, Пакистан развивает торгово-экономические отношения с Центральноазиатскими странами. Поэтому эта страна со своей стороны заявила о готовности сотрудничать с Афганистаном в плане развития трансафганской транспортной системы и, более того, выразила заинтересованность в строительстве трансафганской железной дороги, которая смогла бы открыть сообщение с Центральной Азией и в перспективе с Китаем¹¹. Пакистан планирует построить железную дорогу по маршруту Мастунг–Кветта–Чаман–Спинбулдак, которая в будущем соединит третий по величине в Пакистане глубоководный порт Гвадар с Афганистаном.

Технико-экономические работы над железнодорожным проектом Кандагар–Чаман протяженностью в 103 км были завершены в 2005 г. Министерство общественных работ Афганистана еще тогда предоставило на рассмотрение президента данный проект, работы по осуществлению которого должны были начаться еще в 2006 г. Строительство железной дороги в указанном направлении имеет свои плюсы и минусы. К недостаткам можно отнести хроническую напряженность обстановки в приграничных с Пакистаном провинциях Афганистана, что увеличивает уровень риска для иностранных инвесторов. Именно по этой причине до сих пор правительство Афганистана не может найти необходимые финансы для их реализации.

Одним из главных преимуществ проекта Кандагар–Чаман является рельеф маршрута. Нужно подчеркнуть, что Афганистан – страна горная и на строительство железной дороги требуются значительные финансовые и технические ресурсы. Однако направление Кандагар–Чаман можно считать относительно легким с технической точки зрения, так как маршрут, согласно разработанному проекту, пройдет по равнинной территории и строительства каких-либо тоннелей и других подобных сооружений не потребует.

С другой стороны, при благоприятном развитии политической обстановки в стране открытие прямого железнодорожного сообщения с пакистанским морским портом Гвадар даст возможность увеличить объем товарооборота и намного снизить транспортные издержки. То же самое имеет в виду и пакистанская сторона, которая рассчитывает не только на афганский рынок, но и, как уже было отмечено, на рынки республик бывшего СССР. Именно с таким расчетом был сооружен порт Гвадар. Об этом свидетельствуют слова тогдашнего премьер-

министра Пакистана Шаукат Азиза, который во время своего визита в Казахстан в 2007 г. при обсуждении потенциала и перспектив пакистано-казахских торгово-экономических отношений подчеркнул, что «Пакистан является коридором торговли и коммерции для центрально-азиатских государств к Аравийскому морю и ко всему миру. Гвадар – один из таких ворот. Четырехстороннее соглашение о развитии торговли уже подписано с Казахстаном, Кыргызстаном и Китаем, оно облегчит экономическое сотрудничество и еще больше расширит торговлю между этими государствами... Пакистан смотрит на Центральную Азию с огромным интересом. Отношения с этими республиками расширяются и развиваются на желаемом уровне»¹².

Иран, кроме оказания гуманитарной и экономической помощи, также работает над трансафганскими транспортными проектами. Железная дорога по маршруту Хваф (Иран) – Герат (Афганистан) протяженностью в 191 км, из которых 77 км проходят по иранской территории и 114 км составляют расстояние от иранской границы до афганского города Герат, строится иранскими специалистами. Ветка берет начало от станции Торбат Хейдарийе и через Мешхед-Бафк примыкает к иранским национальным железнодорожным сетям. На иранском участке первая фаза работ находится на стадии завершения, после чего будет продолжено сооружение афганской части дороги.

Конечной целью иранского железнодорожного проекта является открытие сообщения с Узбекистаном и Таджикистаном. По афганской территории в перспективе дорога будет идти по направлению Маймана-Шибирган-Шерхан-Бандар. Север и запад Афганистана относительно стабильны, что делает эти регионы более привлекательными для сопредельных стран, таких как тот же Иран, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан.

Центральноазиатские страны, также развивая экономические отношения, определяют конечной целью выход на афганский рынок и далее транзитом – в Пакистан и Иран. Например, говоря о перспективах экономических отношений между Таджикистаном и Казахстаном, Н. Назарбаев заявил, что стороны договорились рассмотреть вопрос о строительстве автомобильной и железной дороги Казахстан–Кыргызстан–Таджикистан. Далее казахский президент объяснил, что для Казахстана «это выгодная транзитная территория», «мы через Таджикистан можем в перспективе выйти на Аф-

ганистан и дальше на Пакистан или на еще одну транзитную дорогу – в сторону Ирана»¹³.

Как и другие соседние с Афганистаном государства, страны Центральной Азии также разрабатывают и предлагают различные проекты по строительству железных дорог для выхода в будущем на афганский рынок. В Таджикистане разработали проект по маршруту Колхозабад–Нижний Пяндж–Кундуз стоимостью в 100 млн. долларов. Для технико-экономического обоснования проектов по указанным маршрутам Азиатский банк развития выделил 1,2 млн. долларов. Это часть масштабного проекта Кашгар–Герат (Китай–Кыргызстан–Таджикистан–Афганистан–Иран), над которым сегодня работают указанные страны. Общая протяженность данного соединения 1972 км, из которых по территории Таджикистана проходят 392 км по маршруту Нижний Пяндж–Вахдат–Кыргызстан. По сообщениям таджикских источников, Фонд «ЭКО» и Иран выделили по 1 млн. долларов на технико-экономическое обоснование проекта по таджикской территории¹⁴. Сметная стоимость только участка Нижний Пяндж–Вахдат–Кыргызстан составляет 3,5 млрд. долларов. Иными словами, на каждый километр дороги необходимо израсходовать до 10 млн. долларов. Это обусловлено тем, что дорога будет проходить «через горный рельеф, а также предусматривает строительство нескольких тоннелей и мостов. К примеру, необходимо построить 16 км тоннелей и 47 мостов»¹⁵. В качестве потенциальных инвесторов Таджикистан планирует привлечь Азиатский банк развития, Китай, Японию, ЕС и Исламский банк развития, и предложить им метод «Биоти» или же взамен кредита дать горнорудное месторождение¹⁶. На эту тему Таджикистан проводит переговоры с Китаем.

Помимо того, железнодорожные сети Таджикистана и Узбекистана, согласно рассматриваемому проекту, через Кундуз и Мазари-Шариф, соответственно, соединятся с Гератом. Железнодорожный проект Герат–Шерхан–Бандар протяженностью в 1200 км, реализация которого намечается в ближайшие годы, оценивается в 2 млрд. долларов. Для Таджикистана реализация этого проекта помимо экономического имеет еще и политическое значение. Поскольку с соседним Узбекистаном в последние более чем 15 лет республика не могла договориться, а частое закрытие в последние годы узбекской стороной железнодорожного сообщения наносит ущерб таджикской экономике, то Таджикистан в 2009 г. представил на рассмотрение

международных экспертов новый альтернативный маршрут железной дороги: Таджикистан–Афганистан–Туркменистан в обход Узбекистана¹⁷.

Другим очень важным проектом не только для Таджикистана, но и для многих стран региона, в частности России, является строительство автомобильной и железной дороги через афганский Вахан в Пакистан (Таджикистан–Афганистан–Пакистан). Этот маршрут, проходящий по высокогорным местностям со сложным рельефом, привлекателен тем, что находится вдали от беспокойных зон и в годы афганского конфликта не был в него вовлечен. К тому же длина участка по афганской территории составляет всего 36 км и является кратчайшим путем для выхода к пакистанским морским портам. Таджикистан и Пакистан не раз заявляли о намерении открыть транспортное сообщение по данному маршруту. В сентябре 2010 г. во время своего визита в Пакистан Х. Карзай подчеркнул, что поддерживает идею строительства автодороги Таджикистан–Пакистан через афганский Вахан. Таджикский посол в Пакистане проинформировал, что технико-экономические обоснования по строительству автодороги и множества тоннелей на участке ваханского коридора уже подготовлены австралийскими специалистами, а необходимая сумма составляет 500–600 млн. долларов. По сообщениям таджикских источников, пока только Фонд Ага-хана официально подтвердил готовность участвовать в инвестировании данного проекта. Президент Пакистана также призвал пакистанских инвесторов к участию в его реализации¹⁸.

Кроме автодороги, Пакистан заинтересован в строительстве железнодорожной ветки по указанному маршруту. Этот вариант также был предложен России бывшим президентом Пакистана П. Мушаррафом во время его частного визита в Москву в 2009 г. Последний раз эта тема была затронута в июле 2010 года – во время визита 40 пакистанских бизнесменов во главе с министром инвестиций правительства Пакистана Салимом Мандвивала в Таджикистан. Отвечая на вопросы журналистов, он заявил, что проект реально можно осуществить наравне со строительством автодороги и что «в скорейшем времени начнется реализация этого проекта, так как он выгоден для всех стран региона»¹⁹. Однако Афганистан от открытия этой дороги меньше всех участников получит выгоду, так как пакистанские товары по ней могут прямо попасть

в Таджикистан и таджикские бизнесмены больше не будут нуждаться в услугах своих афганских партнеров для импорта товаров из Пакистана. К примеру, если одна тонна цемента в Пакистане стоит 40 долларов США, то на сегодняшний день афганские предприниматели поставляют этот товар в Таджикистан по цене 162 доллара за тонну²⁰.

Узбекистан в отличие от всех остальных сопредельных с Афганистаном стран раньше других приступил к обсуждению вопроса открытия железнодорожного сообщения, и предпринял практические шаги по его реализации. Между президентами Узбекистана, Ирана и Афганистана трехстороннее соглашение о строительстве трансафганской транспортной системы было подписано еще в 2003 г. во время официального визита узбекского президента в Иран. Затем, в ноябре 2008 г., между Азиатским банком развития (АБР), правительствами Узбекистана и Афганистана был подписан меморандум о строительстве железнодорожной ветки Хайратан–Мазари-Шариф–Герат.

Президент Узбекистана И. Каримов в феврале 2009 г. в интервью пакистанским журналистам сообщил, что Узбекистан начал строительство железной дороги от Термеза (Узбекистан) в Мазари-Шариф (Афганистан)²¹. К концу сентября 2009 г. АБР обещал выделить 165 млн. долларов в виде гранта на строительство полотна, а также станции в Мазари-Шарифе. Узбекистан заявил о готовности при этом оказать техническую помощь Афганистану, правительство которого со своей стороны добавляет к этой сумме еще дополнительные пять млн. долларов²². И в ноябре того же года Узбекистан и Афганистан на уровне «Узбекские железные дороги» и Министерство общественных работ Афганистана заключили контракт стоимостью в 129 млн. долларов на строительство железной дороги по маршруту Термез–Хайратан, общей протяженностью 75 км. Работы по осуществлению данного проекта начались в январе 2010 г., о чем официально было заявлено представителем компании «Узбекские железные дороги». Эти работы планировалось завершить в кратчайшие сроки (до конца 2010 г.), однако об их результатах на сегодняшний день ничего не сообщается. Узбекская сторона, кроме этого, по данным компании, параллельно будет заниматься подготовкой кадров для афганских железных дорог. В рамках проекта также планируется поставка локомотивов, строительство грузового терминала, а

также других необходимых объектов железнодорожной инфраструктуры. В перспективе объем грузоперевозок по этой дороге может достичь 20 млн. тонн в год²³.

Китайская металлургическая компания, выигравшая в 2007 г. тендер на разработку меди месторождения Айнак, планирует построить железную дорогу по двум направлениям: первое по маршруту Кабул–Душанбе–Кашгар, второе – Хайратан–Логар–Турхам, что позволит примкнуть к железнодорожной сети Пакистана²⁴. Здесь следует подчеркнуть, что строительство железнодорожных веток по указанным направлениям, конечно, входит в проект, а его финансирование также взяла на себя китайская компания, однако некоторые эксперты считают, что китайцы при участии в тендере месторождения Айнак «наобещали» Афганистану, что для сооружения железной дороги они будут обращаться к международным спонсорам²⁵. Нужно также учитывать, что для разработки медного месторождения Айнак (если дело не ограничится только добычей руды) потребуется большое количество электроэнергии, которой в ближайших от месторождения районах просто нет. Выход (по проекту, разработанному еще в свое время советскими специалистами) был в строительстве мощной линии электропередач от северной границы через Гиндукуш до месторождения.

Подводя итог, можно сказать, что в целом все страны, граничащие с Афганистаном, в последние годы в той или иной степени налаживают с ним торгово-экономические отношения, однако для реализации транспортных проектов большая часть из них нуждается в финансовой помощи и инвестициях извне. Тем не менее события показывают, что в будущем все сопредельные страны намерены развивать собственную железнодорожную инфраструктуру до необходимого уровня для открытия сообщения с Афганистаном и транзита через него в другие страны. Однако невозможно практически прогнозировать, насколько сам Афганистан к этому времени будет готов к сотрудничеству в этой области. Дальнейшие перспективы по реализации проектов будут зависеть от развития политической обстановки в стране, но тем не менее, есть надежда, что экономическое сотрудничество и транспортная интеграция поможет привести к выходу Афганистана из транспортной изоляции и окажет положительное влияние прежде всего на экономическое, а затем и внутривнутриполитическое положение в стране.

-
- ¹ Afghanistan Statistical Yearbook 2008/09. С. 215.
- ² Там же, с. 147.
- ³ Transit Transport in Afghanistan In the Midst of Central Asian Cross-roads by Mr. Hedayatullah Watanyar. Head of the Directorate of Transit and Trade Facilitation Ministry of Commerce and Industry, Islamic Republic of Afghanistan. Presentation for the UNCTAD Expert Meeting on Regional Cooperation in Transit Transport – Solutions for Landlocked and Transit Developing Countries On 27–28 September 2007, Palais des Nations, Geneva.
- ⁴ Железная дорога Ташгузар – Байсун – Кумкурган позволила увеличить экспорт Узбекистана в Афганистан. www.12.uz.
- ⁵ Президенту мешают... Почему президент Карзай не поехал в Тегеран? // www.asiaplus.tj, 19.01.2006.
- ⁶ Неумелая политика руководителей иранской экономики привела к утрате афганского рынка // www.iran.ru, 19.07.2004.
- ⁷ Туркмения поможет Афганистану железной дорогой и Трансафганским газопроводом // <http://www.regnum.ru>, 08.10.2009.
- ⁸ Ашхабад и Кабул договорились о строительстве газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия // www.ferghana.ru, 30.09.2010.
- ⁹ Туркмения поможет Афганистану железной дорогой и Трансафганским газопроводом. // <http://www.regnum.ru>, 08.10.2009.
- ¹⁰ Transit Transport in Afghanistan In the Midst of Central Asian Cross-roads by Mr. Hedayatullah ...
- ¹¹ Pakistan Times, 03.03.2007.
- ¹² Капитал (Казахстанский деловой еженедельник). № 45 (132), 22.11.2007.
- ¹³ Капитал (Казахстанский деловой еженедельник). № 19 (156), 15.05.2008.
- ¹⁴ Таджикистан предлагает инвесторам угольное месторождение взамен строительства железной дороги // www.avesta.tj, 27.07.2010.
- ¹⁵ На строительство таджикского участка железной дороги Кашгар-Герат по требуется \$3,5 млрд. // www.avesta.tj, 03.11.2010.
- ¹⁶ Таджикистан предлагает инвесторам угольное месторождение взамен строительства железной дороги // www.avesta.tj, 27.07.2010.
- ¹⁷ Независимая газета, 26.01.2010.
- ¹⁸ Пуштибонии Карзай ва Гелони аз шохрох ба Тоҷикистон // www.ozodi.org, 18.09.2010.
- ¹⁹ Факты и комментарии. № 17 (194), 21.07.2010.

²⁰ Алокамандии Покистон ба тархҳои энергії Тоҷикистон // www.ozodi.org, 20.07.2010

²¹ Daily Times, 26.02.2009.

²² ADB-Funded Railway to Help Afghanistan Improve Regional Links, Boost Growth // www.adb.org, 30.09.2009.

²³ Вагонный парк, 2010, № 6. С. 29.

²⁴ О политике Китая в регионе подробнее см.: Thomas Adams and Arnav Manchanda. The dragon in the Hindu Kush: China's interests in Afghanistan // Globe and Mail, 20.04.2009.

²⁵ The New York Times, 29.12.2009.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИНИЯ «АЛЬ-КАИДЫ» В ЗОНЕ ПЛЕМЕН

Группировки талибов различаются по идеологической направленности, диапазон их целей варьируется от локальных до международных. Зачастую они руководствуются клановыми интересами и подвержены сильному влиянию племенных старейшин. «Аль-Каиде» приходится взаимодействовать и нередко искать компромисс с традиционными лидерами, которые в случае своей заинтересованности могут предоставить поборникам «чистого ислама» своих бойцов, равно как и оказать активное сопротивление.

Приблизительно три четверти афганских пуштунов принадлежит к объединениям племен Гилзаев и Дуррани. На протяжении всей истории Афганистана политическими руководителями страны становились представители Дуррани (за исключением М. Тараки), в то время как военными лидерами – гильзаи.¹ Это своего рода «распределение ролей» продолжается и по сей день. В частности, президент Афганистана является выходцем из дуррани, а лидер талибов М. Омар – гилзаем.

Вместе с тем приведенная градация не позволяет утверждать, что выходцы из дуррани не принимают участия в боевых действиях на стороне талибов. Однако клановый фактор играет весьма весомую роль в иерархии движения «Талибан» (ДТ). Как правило, дуррани образуют нижний эшелон бойцов ДТ. Тем не менее, когда боевые действия против сил коалиции перемещаются в зону их исконного проживания – провинции Гильменд, Нимруз, Фарах, Герат и возникает необходимость заручиться поддержкой местного населения, они становятся командирами среднего звена. Например, в подконтрольных талибам районах Гильменда в 2008 г. местные жители оказали вооруженное сопротивление руководимым гилзаями из Кандагара группам ДТ, когда те начали взимать с населения налог на джихад.²

В 2003 г. М. Омар заявил, что ислам предписывает забыть о межэтнических противоречиях и единственной объедини-

тельной силой между народами Афганистана должен быть ислам. В кодексе поведения талибов – книге «Лайхо» в 60-й статье говорится о необходимости «забыть муджахедам разных племен межплеменные, клановые и языковые различия». Однако в действительности ситуация совершенно иная.

На протяжении веков племена пуштунов находятся в состоянии вражды между собой. Причинами вооруженных конфликтов часто становились и становятся споры за пахотные земли, пастбища, воды для полива. Серьезным дестабилизирующим фактором является давняя вражда между двумя объединениями племен гильзаев и дуррани.

В отличие от большинства пуштунов дуррани более урбанизированы, часто двуязычны и предпочитают изъясняться на дари. В создании Афганистана как самостоятельного государства (Дурранийской державы) в 1747 г. весомую роль сыграл выходец из клана попользай племени дуррани Ахмад шах Дуррани, оттеснивший гильзаев от управления государством. В этой связи захват г. Кабула талибами и их кратковременное пребывание у власти расценивалось как исторический реванш, поскольку среди талибов преобладают гильзаи. Нынешний президент Афганистана Хамид Карзай также принадлежит к племени дуррани, клану попользай.

Истоки вражды этих двух объединений племен уходят вглубь веков и связаны с легендой о якобы «незаконном» происхождении пуштунов-гильзаев. Считается, что прародителем афганцев является Кайс, которого якобы лично пророк Мухаммад обратил в ислам. Поэтому пуштуны считают себя мусульманами со времени зарождения ислама и тем самым выделяют себя по сравнению с другими этносами и народностями в Афганистане. Считается, что большая часть пуштунских племен пошла от его внуков, однако гильзаи ведут свою родословную от его внучки, муж которой был иранцем. Таким образом, воспринимаются дуррани пуштунами лишь по «материнской линии». Согласно другим историческим свидетельствам, на территории Газнийского плато пуштуны ассимилировали тюркское племя халадж, к которому восходят гильзаи. В любом случае эти предания, укоренившиеся в пуштунской среде, указывают на второсортность «происхождения» гильзаев и служат основой для острых столкновений между двумя племенными союзами в борьбе за власть. Пуштуны считают себя наиболее последовательными почитателями ислама. В то же время при

внимательном изучении элементов национальной психологии пуштунов обращает на себя внимание, что нормы и правила поведения, составляющие известный свод неписаных законов, т.н. кодекс чести пуштуна – пуштунвали, нередко контрастирует с тем, что записано в Коране и хадисах. Поэтому про пуштунов часто говорят, что они опираются на Коран и частично на пуштунвали.

Идеология талибов полна правил, в которых множество исключений и вольных интерпретаций. Неопределенности добавляет также отсутствие возможности у талибов регулярно собираться для обсуждения назревших между ними проблем, как это было ранее, до вторжения американских войск. В тот период на их ассамблеях присутствовало до 1200 человек. В настоящее время подобные мероприятия проводятся крайне редко вследствие опасений ударов беспилотников и спецназа.

С момента своего основания и до настоящего времени в руководстве афганских талибов (рохбаре шура) тон задают пуштунские кланы из Кандагара с равным представительством двух крупнейших конфедераций племен дуррани и гильзаи, а также малочисленного племени коннари. Относительно восточных, северных и юго-восточных группировок пуштунов можно отметить, что они не играют существенной роли в принятии решений и их присутствие на ассамблеях носит символический характер. Даже влиятельные полевые командиры, в распоряжении которых имеются крупные хорошо организованные и вооруженные отряды боевиков, обладают весьма ограниченным влиянием в талибском руководстве.

В большинстве случаев зона проведения операций группировок талибов ограничена территорией расселения племени.

Местное население с большим подозрением относится к иностранным боевикам, считая их «чужаками», и предпочитает поддерживать исключительно «своих». Преследуя клановые интересы, они могут запретить «иноплеменникам» пересекать контролируемую кланом территорию. Причем подобные запреты, как правило, не встречают противодействия вследствие опасений кровной мести, что может вызвать резко негативное отношение лидеров кланов, чьи бойцы вторглись к соседям. В частности, в кодексе поведения – книге «Лайхо», изданной руководством Движения «Талибан» (ДТ), содержатся четкие указания о том, что «полевые командиры определенного района или провинции в случае намерения вести джихад за пре-

делами "территории их происхождения" обязаны уведомить об этом местных старейшин и подчиняться их приказам».

Наряду с этим талибам не удастся нивелировать конфликты между своими группировками на локальном уровне. Например, в провинции Урузган полевые командиры, являющиеся представителями конфедераций племен дуррани и гильзаев, традиционно соперничают друг с другом в борьбе за пост губернатора провинции. Компромисса удастся достичь, когда лидером назначается выходец из малочисленного племени – нейтральный человек (например, после назначения М. Омаром руководителем Урузгана Рохуллы Амина из коннари). Ситуация в этой провинции значительно обострилась после убийства одним из полевых командиров из гильзаев местного суфийского шейха-дуррани Пир Аги. Несмотря на то, что идеологические установки талибов и «Аль-Каиды» вступают в конфликт с нормами суфийского (народного) ислама, гибель шейха от рук выходцев из другого племенного союза стала причиной вооруженных столкновений между фракциями ДТ, принадлежащими к разным племенным союзам пуштунов.

Талибы используют недовольство кланов действиями официального Кабула, а также силами международной коалиции для мобилизации местного пуштунского населения. Они часто назначают представителей местных племен полевыми командирами для усиления своих позиций в регионах. Например, клан ишканзай, контролирующий горный участок Вашир в провинции Гильменд, присоединился к талибам после того, как губернатор Шер Мухаммад Ахундзада начал активно поддерживать выходцев из своего клана хассанзай, враждебного ишканзаю. Зная ситуацию в провинции, ДТ оказало им необходимую поддержку, укрепив, таким образом, свое влияние в этом районе. Наряду с этим талибы оказали указанному клану содействие в противостоянии с племенами аликозай и нурзай за контроль над маршрутами поставок героина.

ДТ стало более интегрированным в международное движение джихада после 2001 г. Об этом свидетельствует постепенное перенимание тактики, применяемой «Аль-Каидой» в ряде стран, и, в частности, использование смертников в столкновениях с войсками коалиции. С целью недопущения использования так называемых «живых бомб» по иракскому сценарию, руководство ДТ внесло специальный пункт в «Лайхо» относительно этого вида борьбы. В частности, в статье 41 пункте 3

этого документа говорится, что «во время такой операции следует избегать гибели обычных жителей». Афганские талибы очень осторожно подходят к применению смертников. По словам одного полевого командира ДТ, «афганцев нет в иерархии "Аль-Каиды", равно как и нет в структуре "Талибана" руководителей-арабов», т.е. то, что позволяет себе «Аль-Каида», не всегда разрешается местным моджахедам. В настоящее время невозможно привести ни единого примера участия афганских талибов в терактах за пределами зоны ответственности его подразделения, в отличие от пакистанских талибов (например, пенджабских радикальных группировок, тесно связанных с салафитами из «Аль-Каиды» и принявших в качестве ориентира ее программную линию).

В октябре 2009 г. лидер талибов М. Омар официально заявил, что ДТ не намерено проводить теракты в других странах, включая европейские. В январе 2010 г. руководство ДТ акцентировало внимание на том, что намерено выстраивать отношения с соседними государствами на основе взаимного уважения и долгосрочного сотрудничества. Тем самым талибы дистанцируются от более радикальных установок «Аль-Каиды», призывающих к тотальной борьбе с Западом и его союзниками в мусульманских странах.

Вместе с тем акценты талибов в сторону вселенского характера борьбы против врагов ислама периодически усиливаются, что объясняется их стремлением получить финансовую помощь со стороны «благотворительных организаций» в странах Персидского залива. В борьбе с иностранной оккупацией они заинтересованы в финансовой поддержке, нередко поступающей по каналам «Аль-Каиды», а также новых, отработанных на различных театрах боевых действий способах ведения диверсионной войны.

Ориентированные на ведение длительной войны талибы формируют параллельные (теневые) властные структуры, действующие в 33 провинциях Афганистана, которые зачастую и являются реальной политической силой в регионах. Эти теневые лидеры требуют от журналистов и благотворительных организаций именно у них получать разрешение на пребывание в подведомственных им населенных пунктах и при этом выполняют взятые на себя обязательства по обеспечению их безопасности. Тем самым они позиционируют себя перед международным сообществом как реальную власть, с которой можно вести диалог.

Тем не менее «Аль-Каида» больше заинтересована в сотрудничестве с ДТ, чем талибы с салафитами. Афганские талибы ставят перед собой сугубо локальные цели, далекие от создания вселенского государства ислама. Движение не намерено повторять ошибок прошлого, когда оно находилось в международной изоляции. В 2007 г. М. Омар в своем выступлении отметил, что талибы никогда не испытывали острой потребности в сотрудничестве с «Аль-Каидой». В 2009 г. представитель ДТ З. Муджахед, подчеркивая дистанцированность от салафитов, заявил: «Талибан» и «Аль-Каида» – это «две разные вещи. Они ("Аль-Каида" – авт.) преследуют глобальные цели, а мы (талибы – авт.) локальные».

В настоящее время «Аль-Каида», за исключением ее нескольких подразделений, проводит операции с местными группировками. Тесные взаимосвязи с талибами позволяют организации перебрасывать для обкатки в Афганистан боевиков из различных стран. В составе «Аль-Каиды» в ИРА и Пакистане действует 55-я интернациональная (чаще называется «арабская») бригада, в которой можно встретить представителей мусульманских и европейских государств.³ Ветераны этого элитного подразделения чаще всего становятся инструкторами в военно-тренировочных лагерях, оказывают содействие в боевых действиях ДТ. В случае отсутствия у местных группировок специалистов определенного профиля «55-я бригада» оказывает необходимую помощь в планировании и проведении операций против коалиционных сил в Афганистане. Наряду с этим в структуру «Аль-Каиды» в Афганистане входит **«Армия тени»** (Лашкар аз-Зил), которая в приграничных с Пакистаном районах проводит как самостоятельные, так и совместные с ДТ операции.

«Аль-Каида» и талибан создали более 160 военно-тренировочных лагерей в «зоне племен», специализирующихся на подготовке боевиков для ДТ, кашмирских исламистских группировок, смертников, диверсантов для проведения терактов в странах Запада. Кроме того, несколько баз принадлежит **«Черной гвардии»** «Аль-Каиды», специализирующейся на тренировке телохранителей для высокопоставленных руководителей этой организации: Аз-Завахири, Бен Ладена, А. Либи.

Несмотря на некоторые расхождения идеологических установок пуштунов и «Аль-Каиды», их объединяет стремление нанести максимальный урон Западу в этой стране и создать

исламское государство – эмират. На этот случай талибами сформировано «теневое правительство». Талибами и «Аль-Каидой» был учрежден совместный фонд развития будущего государства, в который она пожертвовала до 80% своих средств. Гостеприимство пуштунских полевых командиров отмечается в выступлениях идеологов «чистого ислама». В частности, лидер «Аль-Каиды в Афганистане» Мустафа Абу Язид после гибели руководителя «Техрике талибане Пакистан» (ТТП) Б. Мехсуда⁴ летом 2009 г. называл его «сыном своего племени», подчеркивая тем самым его приверженность традициям. Благодаря его за предоставление убежища и помощи арабским моджахедам, он демонстрирует лояльность салафитов обычаям пуштунского общества.

В 2006 г. один из лидеров талибов мулла Дадолла, отзываясь о салафитах, отмечал: «Мы похожи на "Аль-Каиду" и считаем ее братской организацией, поддерживаем тесные контакты с ней. Когда мы нуждаемся в ее помощи, получаем поддержку, изучаем опыт использования взрывных устройств. Понимая, что присутствие в Афганистане иностранных войск – результат внешней политики трех-четырёх западных государств, мы разделяем стремление "Аль-Каиды" проводить теракты в Европе и США и будем взаимодействовать с ней в этом»⁵.

Одним из союзников «Аль-Каиды» в «зоне племен» является группировка **«Хаккани»**. Она была основана Мавлави Джалалуддином Хаккани в середине 80-х гг. при поддержке американских и пакистанских спецслужб для войны против советских войск в Афганистане. Личное знакомство с Бен Ладеном, отличное владение арабским языком обеспечивало Джалалуддину серьезный авторитет среди «арабских афганцев», серьезно повлиявших на смещение его идеологических акцентов в сторону глобального характера борьбы ислама против Запада. В тот период он часто совершал поездки в страны Персидского залива, где установил связи с благотворительными организациями региона.

Джалалуддин Хаккани и его сын Сиражуддин руководят сетью медресе и сформированных на их основе военнотренировочных лагерей в Северном Вазиристане. В этих отрядах принимают участие выходцы из арабских стран, Турции, Узбекистана, Северного Кавказа. Сиражуддин неоднократно выступал в качестве посредника в урегулировании споров ме-

жду фракциями талибов и иностранных моджахедов, особенно, когда они нарушали местные обычаи.⁶

Джалалуддин происходит из племени дзадран. Большинство жителей этого клана, относящегося к конфедерации гилзаи, населяют районы Спера (Хост), Задран (Пактия) и Гаян (Пактика). Дзадран имеет давнюю историю сопротивления иностранной оккупации. В настоящее время племя оппозиционно настроено к правительству Х. Карзая. Во многом лидеры «Хаккани» опираются на своих соплеменников, создавая в «исконных местах» проживания военно-тренировочную инфраструктуру, укрывая бойцов «Аль-Каиды». В 2001 г. один из местных авторитетов полевых командиров Падча Хан Дзадран, придерживающийся антиталибских взглядов, чтобы упрочить свои позиции в Дзадране, предпринял попытку заручиться поддержкой правительства. Однако такой шаг значительно ослабил его поддержку со стороны соплеменников, симпатизирующих Джалалуддину.⁷ Чтобы вернуть их расположение, ему пришлось заключить соглашение с лидерами «Хаккани», предполагающими невмешательство властей во внутренние дела Хоста, что обеспечило спокойное существование исламистов, в том числе и «Аль-Каиды» в провинции. Взамен со стороны Дж.Хаккани ему гарантировался отказ от проведения военных операций в его районах, а также поддержание порядка в ряде населенных пунктов. Клановость является важнейшим и неотъемлемым элементом внутренней политики ИРА, который принимается в расчет талибами. Безусловно, такие тонкости местной политики не знакомы иностранным моджахедам из «Аль-Каиды», что значительно сужает простор для маневра и является основным фактором, определяющим их тесное взаимодействие с местными группировками. Задача салафитов в Афганистане – не только добиться вывода иностранных сил из страны, но и подготовить как можно больше боевиков, на которых «Аль-Каида» сможет опираться в будущем. Это, в свою очередь, и определяет ее тактику – продержаться как можно дольше.

Связи с «Аль-Каидой» поддерживает возглавляемая Г. Хекматьярм «Хезбе ислами» (ХИ). Лидер этой организации происходит из племени хароти, объединения гилзаев. Свой политический вес Г. Хекматьяр во многом укрепил во время войны 1979–1989 гг. «ХИ» с момента своего основания действовала в первую очередь среди пуштунов. Она враждебно относилась

к политическим компромиссам и выступала с позиций строгой исламской ортодоксии, делавшей ее главным партнером пакистанской «Джамаат-и ислами», основанной известным идеологом исламизма А. Маудуди, и саудовских структур. Во время боевых действий против советских войск Г. Хекматьяр был основным получателем материальной и финансовой помощи, направляемой из Саудовской Аравии и американских спецслужб. После вывода ограниченного контингента СССР из Афганистана «Хезбе ислами» не удалось захватить Кабул и основать государство «чистого ислама». Напротив, афганская территория была поделена на многочисленные зоны, подконтрольные полевым командирам, привязанным к своей этнической базе, «малой родине». После вторжения в 1990 г. Ирака в Кувейт «Хезбе ислами» выступила в поддержку Ирака и с осуждением Саудовской Аравии, усмотрев в войне американскую интригу с целью завоевания господства на Ближнем Востоке. В свете общей обстановки в регионе реакция Г. Хекматьяра отражала недовольство «предательством» джихада со стороны Эр-Рияда и Вашингтона, для которых Афганистан и Пакистан в значительной мере потеряли стратегическое значение после поражения СССР. В 1997 г. Г. Хекматьяр уехал в Иран, где проживал в течение 7 лет. За это время часть его многочисленных сторонников присоединилась к талибам, другие вошли в состав правительства Х. Карзая. После падения режима талибов лидер «ХИ» не был приглашен на конференцию в Бонне, где формировалось новое афганское правительство. В 2003 г. Госдеп США объявляет его международным террористом, а счета заморожены. По словам Г. Хекматьяра, это не оставило ему выбора, кроме как занять радикальную позицию в отношении режима Х. Карзая. В начале 2003 г. он возвращается в Афганистан. Находясь на севере страны, он в короткий промежуток времени сформировал «новую Хезбе ислами», которая насчитывает около 3000 боевиков. Помимо этого 30–40% его сторонников работают в центральном правительстве и органах власти провинций Афганистана.⁸ По словам бывшего заместителя Г. Хекматьяра Кази Мухаммада Амина Вакада, у «ХИ» 3 министра, 5 губернаторов и ряд высокопоставленных чиновников.

Идеология опытного, харизматичного лидера, придерживающегося националистических пуштунских взглядов, выступающего за уменьшение количества иностранных моджахедов,

зачастую нарушающих традиционные устои местного общества, приобретает все большую популярность среди афганского сопротивления. В настоящее время к «Хезбе ислами» присоединяются отдельные группировки ДТ, а также бывшие «братья по оружию». Помимо этого «ХИ» принадлежит сеть военно-тренировочных баз и медресе в северных и восточных районах Афганистана, а также в лагерях беженцев на территории соседнего Пакистана. Власти страны, используя региональную прессу, неоднократно предлагали Хекматъяру пост заместителя одного из министров. Участие лидера «ХИ» в работе правительства обеспечило бы Х. Карзаю утрачиваемую поддержку среди пуштунов, а также могло бы ослабить позиции талибов в ряде провинций.

Позиции «Хезбе ислами» наиболее сильны в северном и северо-восточном Афганистане, а также в пакистанских Северном и Южном Вазиристане, Баджауре, Моманде.

Недавно Г. Хекматъяр направил делегацию президенту Х. Карзаю с предложением о заключении мира, предполагающим выполнение афганскими властями 15 условий. Главными пунктами значатся: вывод коалиционных войск из ИРА в течение 6 месяцев; обеспечение безопасности должно быть передано местным республиканской армии и полиции; после этого следует провести президентские, парламентские и региональные выборы. По мнению Г. Хекматъяра, на пост главы государства могут претендовать только кандидаты, не участвующие в деятельности нынешнего правительства и, следовательно, не замешанные в коррупции, военных преступлениях. Соглашение также предполагает амнистию политзаключенных; запрет третьим странам создавать на территории Афганистана тюрьмы, а также арестовывать местных граждан.

Несмотря на то, что лидер «ХИ» в своих выступлениях благодарил бен Ладена за его вклад в войну против советских войск, а также невзирая на продолжающееся сотрудничество с «Аль-Каидой», Г. Хекматъяр в своем обращении заявляет, что после вывода коалиционных войск иностранные моджахеды, отвергающие традиции и обычаи местного общества, должны покинуть страну.

Ориентируясь на проведение военных операций в Афганистане, «Аль-Каида» предпочитает действовать через местные группировки. Причем на современном этапе она проводит свою политику, оставаясь в тени, т.е. непосредственно участвуя

в деятельности местных группировок талибов, не стремится возглавить проведение диверсионных операций в стране. Стало обычной практикой, когда спланированный «Аль-Каидой» теракт проводится местными группами. Например, в 2003 г. Абу Фарадж аль-Либи подготовил покушение на президента П. Мушарфа, а исполнителями акции стали боевики пакистанской радикальной исламистской организации «Джейше Мухаммад». Взрыв у отеля Marriott в Исламабаде проводился совместно «Аль-Каидой», «Лашкаре Тойба» и талибами.

Одной из приоритетных задач, которую ставит перед собой «Аль-Каида» в Пакистане, является объединение местных организаций, имеющих различные программные установки и нередко воюющих между собой, акцентируя их на борьбе против правящего режима.

Наиболее активное взаимодействие «Аль-Каида» проводит с **«Техрике-Талибан Пакистан» (ТТП)**, разделяющей идеологические установки всемирного движения джихада. Формирование ТТП в декабре 2007 года, объединившего фактически 27 локальных группировок, рассматривалось как попытка дальнейшей талибанизации страны и проведения «оборонительного джихада» против пакистанских сил безопасности, действующих в ФАТА и на территории Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП).

Б. Махсуд, возглавлявший ТТП, был организатором большинства терактов с использованием террористов-смертников в ФАТА, СЗПП и Пенджабе в 2007 году. Он также причастен к убийству бывшего премьер-министра Беназир Бхутто в декабре 2007 года. Он начинал свою карьеру под руководством известного пуштунского полевого командира мавланы Джалуд-дина Хаккани, который в горах Тора Бора помог бен Ладену избежать гибели в 2002 г. В 2004 г. Б. Махсуд заявил о себе, заняв место погибшего лидера талибов Нек Мухаммада Вазира.⁹

Присутствие значительного числа радикальных исламистов из «Аль-Каиды» в Северном и Южном Вазиристане, Баджауре, ФАТА оказывает серьезную поддержку различным группам пакистанского движения «Талибан». Местные боевики приобретают от активистов «Аль-Каиды» опыт создания и применения СВУ, подготовки и использования смертников.

Вместе с тем ориентированность ТТП в своих методах борьбы на «Аль-Каиду» нередко встречала противодействие традиционного общества. В частности, в июне 2008 года Мав-

лави Назир, командир группы талибов на территории проживания племени Ахмад Заи Вазир в Южном Вазиристане и Хафиз Гуль Бахадур, лидер талибов на территории кланов Усманзаи Вазир и Даур в Северном Вазиристане, объявили о слиянии своих групп для борьбы с подразделениями НАТО и афганскими силами безопасности на территории ИРА. Впоследствии Х. Бахадур был назначен руководителем новой структуры, в которую вошли как Усманзаи, так и Ахмадзаи группировки талибов, М. Назир стал его заместителем. Новая организация получила название «вазирийский альянс», так как Назир и Бахадур принадлежат к различным субкланам племени вазир. Границы проживания вазир с трех сторон окружают зону расселения клана Мехсуд, откуда и происходит Бейтулла. Блок был создан для противодействия группировкам Б. Мехсуда и «защиты интересов племени Вазир в Северном и Южном Вазиристане».

Это произошло на фоне активизации проводимых операций ТТП в отношении пакистанского правительства, а также карательных акций подразделений Бейтуллы против поддерживающего власти страны племени биттани. Одной из причин противостояния между ТТП и «альянсом» явилась поддержка Бейтуллой узбекских боевиков из Исламского движения Узбекистана (ИДУ), нарушающих, по словам М. Назира, обычаи и традиции и причастных к убийству местных старейшин.

Назир и Бахадур являются сторонниками борьбы с коалиционными силами в Афганистане, при этом категорически выступают против террористической деятельности в Пакистане. Таким образом, устремления Бахадура и Назира соответствует стратегии афганских талибов, призывающих пакистанских исламистов сосредоточить ресурсы на Афганистане, избегая конфронтации с пакистанскими силами безопасности. В то же время Б. Мехсуд, разделяя идеологические установки глобальной борьбы «Аль-Каиды», выступал за проведение террористических атак не только против американцев, афганской армии, но и правящего режима в Пакистане.

Появление «альянса» существенно ограничило возможности Б. Мехсуда в Северном и Южном Вазиристане. В этой связи конфронтация между этими двумя фракциями талибов лишила ТТП беспрепятственного прохода в ИРА. Понимая всю серьезность сложившегося положения, Б. Мехсуд распространил листовки в Северном Вазиристане, в которых он заверил своих

влиятельных конкурентов об отказе ведения борьбы против них.

Противостояние было настолько сильным, что проведение операций против американских войск в Афганистане было поставлено под угрозу. Отстаивая интересы «Аль-Каиды», мулла Омар примирил конфликтующие стороны, призвав их сосредоточить усилия на ударах по коалиционным силам в ИРА. Он также сыграл решающую роль в образовании в апреле 2009 г. «Маджлес Иттихад-уль-Муджахиддин». Вновь созданный альянс является попыткой пакистанских группировок талибов координировать свои действия в Афганистане. Во главе этой структуры стал Б. Мехсуд, а его заместителем – Х. Бахадур, который в интервью исламистской медиакомпании «Ас-Сахаб», отвечая на вопрос о взаимодействии с другими фракциями талибов, в частности Б. Мехсудом, заявил, что «мы, забыли о всех существующих между нами противоречиях и стали единой силой».¹⁰

Противоречия между талибами безусловно были использованы пакистанским правительством. Исторически хорошо зарекомендовавшая себя политика «разделяй и властвуй» может оказаться более эффективной, чем использование войск и проведение военных операций против исламистов.

Власти страны используют межклановые противоречия, кровную месть для ослабления влияния радикальных исламистов. Недавно при поддержке правительства появился сильный союз против Бейтуллы, сформированный Т. Биттани и Кари Заин Мехсудом. Выступая на местной джирге, они поклялись отомстить Бейтулле за убийства невинных гражданских лиц и сил безопасности. Принадлежа тому же самому племени, что и Бейтулла, Кари Заин не разделял методов борьбы руководителя ТТП и также находился с ним в состоянии кровной мести за убийство своих близких родственников. Т. Биттани в прошлом – боевой соратник Бейтуллы, воевал вместе с ним в Афганистане, однако затем их пути разошлись по большей части вследствие слишком радикальных методов лидера ТТП.

Б. Мехсуд проводил довольно жесткую политику в отношении своих политических оппонентов. Так, за связь со спецслужбами, попытку настроить старейшин племени Мехсуд против Бейтуллы был уничтожен указанный выше лидер группировки талибов численностью до 1000 чел. Кари Заин Мехсуд. В свою очередь убийства религиозных деятелей и террористи-

ческие акты смертников в мечетях и на рынках создали круг недовольных политикой Б. Мехсуда. Тем не менее, у ТТП находится до 10 тыс. хорошо подготовленных бойцов и несколько сотен смертников, способных нанести удары в различных районах Пакистана.

В то же время вошедшие в ТТП группировки талибов подвержены сильному влиянию местных племенных вождей и часто ставят перед собой локальные задачи, предпочитая избегать широкомасштабных акций против властей страны. Единству талибов препятствуют также исторические конфликты племенных групп. Несмотря на то, что большинство пуштунов в «зоне племен» подвержены талибанизации, они ставят перед собой чаще локальные цели, далекие от той стратегии, которую стремится реализовать Б. Мехсуд, избегая превращения территорий, населенных своими кланами, в арену боевых действий. Поэтому фракции талибов, формально входящие в ТТП, нередко действуют независимо и подчиняются не головной организации, а местному лидеру.

После начала боевых действий в Ираке лидеры движения «Талибан» и «Аль-Каиды» стали активно изучать боевой опыт друг друга в борьбе против оккупационных войск. Так, один из высокопоставленных представителей талибов мулла Дадолла заявил, что у его бойцов налажено тесное взаимодействие с моджахедами Ирака, «мы единое целое, сражаемся в одной траншее». По сообщениям западных спецслужб, именно инструкторы из Афганистана передали опыт борьбы с вертолетами, применявшийся против советской армии в 80-х гг. с помощью тяжелых пулеметов и «Стингеров».¹¹ Именно пребывшие из Афганистана представители «Аль-Каиды» создали медиаинфраструктуру радикальных исламистов в Ираке.¹² По сообщениям командования британских войск в Афганистане, именно с иракского театра военных действий талибы переняли некоторые тактические элементы ведения боевых действий. В частности, они выявляют тех, кто информирует официальные власти, коалиционные силы, спецслужбы, затем похищают их и казнят, причем часто вместе с членами их семьи, при этом осуществляют видеозапись происходящего, чтобы предупредить других воздержаться от такого сотрудничества.¹³ Один из полевых командиров талибов Мухаммад Дауд заявляет: «Я объясняю моим бойцам каждый день те уроки, которые я постиг в Ираке. Я хочу скопировать в Афганистане тактику,

опыт блестящего иракского движения сопротивления». Иракский опыт виден и в ситуации беспрецедентного по масштабам применения чуждой для Афганистана тактики террористов-смертников, счет которых идет на сотни.¹⁴

Другим проводником интересов «Аль-Каиды» в «зоне племен» является радикальная исламистская группировка **«Лашкар-е тойба»** (ЛТ). Она была создана 80-х гг. прошлого столетия для участия в военной кампании против воинского контингента СССР в Афганистане.

Начиная с момента своего образования, «ЛТ» тесно взаимодействовала с «Аль-Каидой». В частности, одним из ее основателей был «духовный отец» Бен Ладена и многих «арабских афганцев», инициатор создания «Бюро по обслуживанию моджахедов» (Мактаб аль-Хидмат), по сути, ставшего прообразом известной «Аль-Каиды». С начала 90-х гг. по исламскому миру и сообществам мусульманских эмигрантов растекаются «афганцы»-боевики различных национальностей, воевавшие против советских войск и коммунистического режима в Кабуле под руководством «Мактаб аль-Хидмат» в Пешаваре. Не получая более координирующих инструкций от пакистанских и американских спецслужб и финансовой поддержки из Саудовской Аравии, оно отныне плодило лишь безденежных наемников с идеологическим багажом туманного свойства. Они разъезжаются по различным странам мира, где их престиж, нередко являющийся результатом мистификации, вызывает подражание.

После окончания джихада против «советов» главным врагом, на борьбе с которым сосредоточила свои усилия «ЛТ», стала Индия. В начале 90-х гг. отдельные отряды организации отправились воевать в Таджикистан, Боснию, Чечню.¹⁵

С 2006 г. «Лашкар-е тойба» стала проводить операции в Афганистане против коалиционных войск. Наряду с этим «ЛТ» ведет масштабную работу по привлечению финансовых средств из стран Персидского залива. За почти 20-летний период своего существования организацией здесь была основана сеть благотворительных фондов по сбору в поддержку «Тойбы».

Во многом опираясь на кашмирскую диаспору в государствах региона, «ЛТ» ведет вербовочную работу. Группировка делает ставку на индийских мусульман-мигрантов, мотивируя это притеснением их единоверцев «безбожным Дели». Затем добровольцы переправляются в Пакистан, Афганистан для прохождения военной подготовки и последующего образования ими

сети спящих ячеек «ЛТ» в Индии и государствах Персидского залива. Лидер организации в Омане Али Абдул Азиз аль-Хути, длительный период времени находясь в столице этого государства Маскате, руководил сбором финансовых средств и переправкой боевиков на базы «Тойбы» в Пакистане.

«ЛТ» начала создавать ячейки в Индии в начале 90-х гг., а также вербовать местных мусульман. Постепенно группировка расширила свое влияние на Бангладеш, Непал, Ближний Восток, Европу и США. Одной из наиболее известных акций «ЛТ» стал теракт в Мумбаи, в результате которого погибло 166 человек, включая 26 иностранцев.¹⁶ Тем самым экстремисты стремились нанести удар не только по внутренним индийским, но и западным интересам. Помимо Мумбаи организацией планировались еще шесть крупных терактов, которые были предотвращены индийскими спецслужбами.

«ЛТ» активно действует в странах Запада. Американец пакистанского происхождения Д. Колеман и канадец Т. Рана, планировали провести теракт против американских и израильских граждан. Они прошли подготовку на военно-тренировочных базах «Лашкар-е тойба» в Пакистане.

Сотрудничество с «ЛТ» обеспечивает «Аль-Каиде» возможность, опираясь на ее ячейки, действовать в европейских и мусульманских странах. В условиях традиционного общества с сильным влиянием местных обычаев, которому чужды идеалы «чистого ислама», салафитам практически невозможно действовать, не заручившись поддержкой локальных исламистских организаций.

Ориентируясь на проведение военных операций в Афганистане, «Аль-Каида» предпочитает действовать через местные группировки. Причем на современном этапе она проводит свою политику, оставаясь в тени, т.е. непосредственно участвуя в деятельности местных группировок талибов, не стремится возглавить проведение диверсионных операций в стране.

Сформированные в 80-е гг. прошлого столетия при непосредственной поддержке «Аль-Каиды» «Лашкар-е тойба», группа «Хаккани» имеют длительный период взаимодействия с салафитами. «Аль-Каиде» удалось решить сложную задачу – сместить идеологические акценты локальных группировок в сторону борьбы с более глобальными целями. Созданная местными организациями инфраструктура в странах Ближнего

Востока и Европы может оказать серьезную поддержку «Аль-Каиде» при проведении террористических акций.

Несмотря на сотрудничество этих фракций, у них отсутствует единое командование. Они атакуют Международные силы содействия безопасности, афганскую армию, провоцируя их на удар по гражданским объектам, и тем самым формируют протестные настроения среди местных жителей и ослабляют позиции правительства, неспособного обеспечить безопасность своих граждан. Параллельно этими группировками в каждой провинции созданы «теневые» органы власти, которые, по сути, и осуществляют управление.

¹ Inside the Taliban Graduation // ABC News, 28.06.2007.

² Antonio Giustozzi. Koran, Kalashnikov and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. – London: Hurst, 2007, с. 13.

³ Jayshree Bajoria. Pakistan's New Generation of Terrorists // Council on Foreign Relations, 06.02.2008.

⁴ 7 июля 2009 г. западные СМИ сообщили, что Бейтулла Мехсуд был убит ракетой, выпущенной с американского беспилотника. По сообщениям западных СМИ, в момент атаки лидер талибов находился на крыше дома своего свекра – Малика Икрамуддина в районе Зангар. Также получили ранения несколько родственников Бейтуллы. По сведениям BBC, он похоронен недалеко от деревни Нардусай. В настоящее время лидеры группировок талибов выбирают нового руководителя ТТП. Можно добавить, что Б. Мехсуд пользовался популярностью и уважением среди молодых людей по обе стороны границы, что позволяло ему, по мнению экспертов, быть связующим звеном между афганскими и пакистанскими талибами. Тем не менее, как было отмечено выше, пакистанские талибы представлены различными группировками, зачастую действующими автономно, ставящими перед собой локальные цели и не всегда подчиняющимися лидеру ТТП. Однако большинство фракций талибов сходятся в одном – борьбе против коалиционных войск в Афганистане и поддержке исламистов в ИРА. Продолжающаяся операция в Вазиристане влечет за собой жертвы среди мирного населения, что вызывает рост недовольства местных мирных жителей, а также увеличение количества вступающих в ряды талибов.

Действуя в Южном Вазиристане, группа Б. Мехсуда насчитывала до 20000 моджахедов, абсолютное большинство которых являлись

представителями его же клана. В «Техрик-е-Талибан» входят также несколько сотен смертников. После событий в «Лал масджид» (Красной мечети) он, поддерживаемый многочисленными своими сторонниками, вновь активизировал боевые действия против пакистанской армии в Южном Вазиристане. Бейтулла неоднократно захватывал сотни пакистанских солдат, которые затем становились предметом торга с властями. Так, в конце 2007 г. более 300 пакистанских военнослужащих были обменяны на 25 людей, приближенных к Б. Мехсуду. Однако, несмотря на свое обещание, власти не освободили семерых наиболее приближенных к нему моджахедов. В ответ на это его формирования похитили еще около 100 военнослужащих. В свою очередь власти арестовали несколько старейшин клана Б. Мехсуда (согласно «статье о коллективной ответственности» в рамках «Приграничного кодекса о правонарушениях», который разрешает властям задержать в «зоне племен» кого-либо, не объяснив причины ареста). Применение таких правовых норм, непрекращающиеся стычки лишь способствуют росту недовольства среди местных жителей действиями властей. По мнению западных аналитиков, это является одной из основных причин притока добровольцев в ряды отрядов Б. Мехсуда. В Вазиристане до сих пор действует «договор коллективной ответственности». Например, в 2004 г. на племя Ахмадзаи был наложен штраф в размере 95 тыс. долл. за то, что оно не смогло предотвратить обстрелы правительственных войск из подконтрольных ему районов. Жилища здесь больше напоминают укрепленные объекты. Смерть кого-либо из членов клана во время проведения спецопераций неминуемо приведет к кровной мести.

Б. Мехсуд пользовался популярностью и уважением среди молодых людей по обе стороны границы, что позволяет ему, по мнению экспертов, стать связующим звеном между афганскими и пакистанскими талибами. По заявлению лидеров «ТТП», основной целью создания организации явилось противодействие попыткам властей сыграть на противоречиях, существующих между отдельными фракциями исламистов.

⁵ Einar Wigen. Islamic Jihad Union: al-Qaida's Key to the Turkic World? (Kjeller: Norwegian Defence Research Establishment, 2009).

⁶ Interview with Taliban Commander Sirajuddin Haqqani // NEFA Foundation, 18.08.2008.

⁷ Agha Jan Mu'tasim: The Struggle in Afghanistan and Opportunities for Dialogue // al-Jazira, 10.05.2009.

⁸ Ibid

⁹ Caroline Wadhams, Colin Cookman. Faces of Pakistan's Militant Leaders // Center for American Progress, 22.07.2009.

¹⁰ Zahid Hussain. Frontline Pakistan: The Struggle with Militant Islam. – London: I.B. Tauris, 2007.

¹¹ <http://www.al-farouq.com/vb/showthread.php?t=2682>

¹² The Al-Battar Training Camp: The First Issue of Al-Qa'ida's Online Military Magazine № 671, 01.06.2006.

¹³ Аль-Мукрин. Давра ат-танфиз ва харб аль-исабат. Сада аль-Джихад. Июль 2005, с. 39–42.

¹⁴ Stephen J. Lambakis. Reconsidering Asymmetric Warfare // Joint Forces Quarterly, February 2005, с. 102–108. C.A.

¹⁵ Jayshree Bajoria. Profile: Lashkar-e-Taiba (Army of the Pure) (a.k.a. Lashkar e-Tayyiba, Lashkar e-Toiba; Lashkar-i-Taiba) // Council on Foreign Relations, 02.12.2008.

¹⁶ Muhammad Amir Rana (translated by Saba Ansari). A to Z of Jehadi Organizations in Pakistan. – Lahore: Mashal, 2006, с. 317–342.

МАТЕРИАЛЫ ШОС ПО АФГАНИСТАНУ

(составитель И.Н. Серенко)

ПРОТОКОЛ

ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН

О СОЗДАНИИ КОНТАКТНОЙ ГРУППЫ ШОС – АФГАНИСТАН

(Пекин, 4 ноября 2005 года)

Контактная группа Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) – Исламская Республика Афганистан (далее – Афганистан) создается с целью выработки предложений и рекомендаций по осуществлению сотрудничества между ШОС и Афганистаном по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Состав Контактной группы формируется из Постоянных представителей государств-членов ШОС при Секретариате ШОС, должностных лиц Секретариата ШОС и старших дипломатов Посольства Афганистана в Китайской Народной Республике.

В случае необходимости к заседаниям Контактной группы могут привлекаться представители других органов ШОС, а также эксперты государств-членов ШОС и Афганистана.

Контактная группа осуществляет свою деятельность в форме консультативных встреч, которые проводятся по взаимной договоренности на базе Секретариата ШОС и/или Посольства Афганистана в Китайской Народной Республике. По взаимной договоренности сторон встречи могут проводиться и в других местах.

Координацию осуществляют:

- со стороны ШОС – должностное лицо Секретариата ШОС;
- со стороны Афганистана – наделенный соответствующими полномочиями старший дипломат Посольства Афганистана в Китайской Народной Республике.

В случае необходимости и по взаимному согласованию могут осуществляться поездки членов Контактной группы в Афганистан для консультаций с компетентными афганскими инстанциями. Расходы, связанные с выездом членов Контактной группы в Афганистан, несут направляющие стороны.

Рабочими языками Контактной группы являются китайский, русский и английский языки.

Контактная группа прекращает свою деятельность по взаимной договоренности.

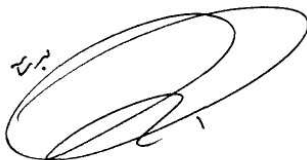
В настоящий Протокол по взаимной договоренности могут быть внесены изменения и/или дополнения, которые оформляются отдельными протоколами и вступают в силу с даты их подписания.

Совершено в городе Пекине 4 ноября 2005 года в двух экземплярах, каждый на китайском, русском и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. Настоящий Протокол вступает в силу со дня его подписания.

**ЗА ШАНХАЙСКУЮ
ОРГАНИЗАЦИЮ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

**ЗА ИСЛАМСКУЮ
РЕСПУБЛИКУ
АФГАНИСТАН**

МАТЕРИАЛЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО АФГАНИСТАНУ ПОД ЭГИДОЙ
ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА
(Москва, 27 марта 2009 года)

ДЕКЛАРАЦИЯ
специальной конференции
по Афганистану под эгидой
Шанхайской организации сотрудничества

Участники конференции приветствовали инициативу Шанхайской организации сотрудничества по проведению этой встречи и выразили удовлетворение ее результатами, которые идут в русле усилий международного сообщества по линии Организации Объединенных Наций, Организации Североатлантического договора, Европейского союза, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации Договора о коллективной безопасности, Организации Исламская конференция, Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, других международных и региональных организаций и различных государств по противодействию терроризму, наркотрафику и организованной преступности. Участники также:

признавая взаимозависимую природу вызовов в Афганистане и регионе, подчеркнули важность продолжения международных усилий в интересах строительства стабильного, мирного, процветающего и демократического Афганистана и отметили, что такое содействие должно носить комплексный характер при ведущей роли Афганистана и центральной роли ООН в координации международного содействия и основываться на строгом соблюдении Устава ООН;

подчеркнули необходимость постоянной международной поддержки укрепления афганских структур безопасности в целях эффективной борьбы с угрозой терроризма, производством и оборотом наркотиков;

отметили важную роль Международных сил содействия безопасности и сил коалиции в содействии правительству Афганистана в обеспечении безопасности в Афганистане и в этой связи приветствовали меры, принятые иностранными контин-

гентами по согласованию с правительством Афганистана в целях обеспечения более тесной координации с афганскими властями, что, в том числе, имеет особую значимость для повышения эффективности противодействия незаконному производству и обороту наркотиков;

признали достижения правительства Афганистана в сокращении производства опиумного мака, несмотря на имеющиеся в его распоряжении ограниченные ресурсы, и подчеркнули необходимость наращивания региональных и международных усилий по эффективной и решительной борьбе с наркотиками, в т.ч. через предоставление альтернативных источников заработка для земледельцев посредством развития региональных рынков и транзитных возможностей, международную поддержку правоохранительных и судебных органов Афганистана, ликвидацию нарколабораторий, укрепление антинаркотического контроля в целях пресечения оборота прекурсоров, снижения спроса и потребления;

подчеркнули важность скоординированных совместных усилий по противодействию терроризму, незаконному обороту наркотиков и организованной преступности в регионе, в частности, координации и сотрудничества Афганистана и соседних государств;

выразили удовлетворение развитием диалога между правительствами Афганистана и Пакистана в интересах укрепления взаимного доверия, в том числе подписанием 6 января текущего года в Кабуле Совместного заявления об основных направлениях двустороннего сотрудничества, а также поиска эффективных путей борьбы с угрозами терроризма, включая отказ от предоставления убежищ и уничтожение сети экстремистов и террористов и их идеологических центров;

выразили убеждение в том, что успешная борьба с терроризмом, производством и оборотом наркотиков и организованной преступностью в Афганистане и в регионе требует должного сочетания силовых и административных методов, дополненных целевыми социально-экономическими программами;

подчеркнули необходимость продолжения непрерывных совместных усилий по подготовке афганских специалистов в сфере противодействия обороту наркотиков, таможенной службы и полиции;

выступили за начало полноценного функционирования Центральноазиатского регионального информационного коор-

динационного центра (ЦАРИКЦ) как важного инструмента в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

приветствовали инициативу «Группы восьми» о содействии реализации проектов, направленных на социальное развитие Афганистана и Пакистана в контексте сотрудничества со всеми соседними государствами, равно как расширение регионального измерения антинаркотического сотрудничества путем подключения заинтересованных государств и соответствующих организаций в ходе очередной встречи «Группы восьми» 26–27 июня текущего года в Триесте; в этом же контексте отметили процесс трехсторонних встреч в Анкаре;

выступили в поддержку трансрегиональных проектов, в частности, строительства объединенной инфраструктурной сети и энергетического коридора, развития транспортной сферы и транзита, в целях комплексного развития региона, с учетом деятельности соответствующих региональных организаций;

отметили, что ШОС является одним из подходящих форумов для ведения с участием партнеров широкого диалога по афганской проблематике в контексте совместных усилий международного сообщества и Афганистана, для наращивания практического взаимодействия Афганистана со своими соседями в интересах противодействия терроризму, незаконному обороту наркотиков и организованной преступности;

высказались за налаживание тесного сотрудничества и координации усилий международных и региональных организаций в совместной борьбе с упомянутыми угрозами и вызовами при центральной координирующей роли ООН, в частности – через посредство ее Миссии по содействию Афганистану, и в этой связи приветствовали принятие 23 марта 2009 г. резолюции 1868 Совета Безопасности ООН;

рассмотрели соображения, содержащиеся в Заявлении и Плате действий государств – членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью, и выразили намерение изучить возможность содействия их реализации.

ЗАЯВЛЕНИЕ
государств – членов
Шанхайской организации сотрудничества
и Исламской Республики Афганистан
по проблемам борьбы с терроризмом,
незаконным оборотом наркотиков
и организованной преступностью

Государства – члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Исламская Республика Афганистан,

поддерживая усилия правительства Афганистана при содействии международного сообщества, направленные на укрепление социально-экономического развития, строительство демократических институтов, повышение боеспособности национальной армии Афганистана и полиции, а также эффективности правоохранительных органов,

признавая взаимозависимый характер вызовов, с которыми сталкиваются Афганистан и регион в целом, включая продолжающуюся террористическую активность, выращивание, производство и оборот наркотических веществ, что представляет серьезную угрозу стабильности Афганистана, соседних и других государств,

приветствуя усилия правительства Афганистана по сокращению производства опиума и одновременно выражая озабоченность в связи с продолжающимися выращиванием и производством наркотических веществ, что является источником финансирования террористической деятельности в Афганистане, регионе и за его пределами,

выражая поддержку усилиям правительства Афганистана и Международных сил содействия безопасности в Афганистане (МССБ) по улучшению ситуации в области обеспечения правопорядка и повышения эффективности борьбы с производством и контрабандой наркотиков, а также поставками прекурсоров для их изготовления,

отмечая важность значительной помощи, предоставляемой государствами-членами ШОС правительству Афганистана, и их готовности продолжать оказание такой поддержки в интересах противодействия вызовам в Афганистане,

подчеркивая важность сохранения ведущей роли Организации Объединенных Наций в координации международного содействия в Афганистане,

придавая важное значение усилиям международных и региональных организаций, в том числе Организации Объединенных Наций (ООН), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), в борьбе с угрозой терроризма, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью,
заявляют о нижеследующем:

1. Борьба с незаконным оборотом наркотиков

Мы призываем все заинтересованные государства в рамках ООН и других международных и региональных организаций реализовывать международные стратегии по борьбе с наркотиками в Афганистане и в регионе, которые, в том числе, предусматривают строгое соблюдение положений Резолюции 1817 Совета Безопасности ООН и решений соответствующих международных форумов, а также меры по созданию и укреплению «поясов антинаркотической и финансовой безопасности» в регионе.

Мы выступаем за дальнейшее повышение эффективности механизма взаимодействия по контролю за оборотом наркотиков в рамках ШОС, разработку планов практического сотрудничества между антинаркотическими структурами государств-членов ШОС и других стран региона, включая обмен информацией, контроль за прекурсорами, а также за углубление взаимодействия этого механизма с профильными органами ООН, другими международными и региональными организациями, вовлеченными в борьбу с выращиванием, производством и оборотом наркотиков.

Мы подчеркиваем необходимость укрепления международного и регионального сотрудничества в противодействии наркоугрозе, в том числе через поддержку программ и проектов в сфере обеспечения безопасности и охраны границ, осуществляемых по линии ООН, ОДКБ, СНГ, ЕС и ОБСЕ в Афганистане и Центральной Азии.

Мы выступаем за объединение усилий всех заинтересованных государств и организаций по созданию «поясов антинаркотической и финансовой безопасности» в регионе.

Мы приветствуем факт присоединения МССБ во взаимодействии с правительством Афганистана к борьбе против производства и распространения наркотиков в Афганистане и выступаем в поддержку их широкого участия в многосторонних усилиях в данной сфере. Считаем важным, чтобы Совет Безопасности ООН учел этот аспект при очередном рассмотрении вопроса о мандате МССБ.

Мы выступаем за расширение сотрудничества между ШОС, ОДКБ и СНГ на антинаркотическом и контртеррористическом направлениях, подчеркиваем важность проводимой под эгидой ОДКБ многосторонней оперативно-профилактической операции «Канал», расширения числа государств, участвующих в операции в качестве наблюдателей.

Мы считаем, что начало полноценного функционирования Центральноазиатского регионального информационного координационного центра, созданного для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, и привлечение к его деятельности Афганистана будет способствовать эффективному контролю над незаконным производством, злоупотреблением и оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в Центральной Азии.

2. Противодействие международному терроризму

Мы убеждены в том, что одной из насущных задач мирового сообщества в борьбе с терроризмом является также совершенствование ее международно-правовой базы, в частности, скорейшее согласование и принятие Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, а также создание региональных антитеррористических международно-правовых инструментов.

Мы выступаем за строгое соблюдение соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН по проблематике международного терроризма.

Мы призываем к противодействию попыткам идейной экспансии терроризма, к неукоснительному соблюдению резолюции СБ ООН 1624 (2005), осуждающей любые террористические акты независимо от их мотивов и побуждений, а также призы-

вающей государства-члены юридически запретить акты терроризма и подстрекательство к их совершению, а также отказать в убежище виновным в совершении подобных преступлений, и считаем важным расширение межнационального, межэтнического и межконфессионального диалога для борьбы с террористической идеологией, привлекая к решению этой задачи возможности гражданского общества, включая религиозных лидеров, СМИ, бизнес-сообщества и образовательные структуры.

Мы подтверждаем свое намерение и впредь активно участвовать в деятельности Группы по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма (ФАТФ) и Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), в особенности в целях борьбы с финансовыми потоками, связанными с незаконным оборотом наркотических средств и их прекурсоров, и добиваться того, чтобы такая деятельность была выделена в самостоятельное направление деятельности ЕАГ и ФАТФ.

Государства-члены ШОС намерены наращивать свой вклад в пресечение террористической угрозы, активнее используя потенциал Региональной антитеррористической структуры ШОС, а также практику совместных антитеррористических учений в рамках ШОС, и приглашаем государства-наблюдатели и другие заинтересованные страны принять участие в совместных усилиях, в том числе по созданию «антитеррористического пояса безопасности», и изучить возможность участия в обеспечении транзита невоенных грузов для нужд МССБ.

Государства-члены ШОС при содействии правительства Афганистана будут развивать сотрудничество по вопросам реагирования на террористические угрозы, обеспечения безопасности и защиты своих граждан и дипломатических представительств в Афганистане.

3. Борьба с трансграничной организованной преступностью

Мы подтверждаем намерение энергично противодействовать незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и другим видам трансграничной организованной преступности, рост которых серьезно угрожает жизни и безопасности наших народов.

Мы считаем, что создание в рамках ШОС эффективного механизма взаимодействия компетентных органов – совещания министров внутренних дел и общественной безопасности, установление и развитие связей с компетентными органами других государств, международными и региональными структурами будет способствовать решению задач борьбы с организованной преступностью.

* * *

Мы считаем, что налаживание регулярного диалога по вопросам совместного противодействия угрозам на базе ШОС с привлечением заинтересованных государств и международных организаций может эффективно дополнить уже существующие международные форматы противодействия вызовам терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности в регионе.

Мы выражаем нашу приверженность укреплению сотрудничества со всеми заинтересованными государствами, международными и региональными организациями – ООН, ЕС, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, НАТО и СВМДА – по вопросам, представляющим взаимный интерес, в духе положений настоящего Заявления и Плана действий государств – членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью.

ПЛАН ДЕЙСТВИЙ
государств – членов
Шанхайской организации сотрудничества
и Исламской Республики Афганистан
по проблемам борьбы с терроризмом,
незаконным оборотом наркотиков
и организованной преступностью

Государства – члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Исламская Республика Афганистан (ИРА, или Афганистан) в развитие договоренностей и взаимопонимания, зафиксированных в Заявлении государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью, принимают следующий План действий.

1. В области борьбы
с незаконным оборотом наркотиков

В рамках создаваемого механизма совещания руководителей антинаркотических ведомств государств – членов ШОС, опираясь на Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров от 17 июня 2004 года, наладить практическое взаимодействие на следующих направлениях:

сравнительный анализ соответствующей законодательной базы государств-членов, совершенствование правовой базы сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров;

межведомственный информационный обмен;

проведение совместных операций;

контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

противодействие легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

подготовка кадров для антинаркотических структур;
профилактика наркомании, включая меры по сокращению спроса на наркотики, разработка и внедрение новых методов лечения, социальной и медицинской реабилитации больных наркоманией;

организация регулярных контактов и эффективного взаимодействия между совещанием руководителей антинаркотических ведомств государств – членов ШОС и компетентными органами ИРА.

Государства – члены ШОС изучат возможность создания регионального антинаркотического центра и специализированного учебного центра ШОС для подготовки сотрудников компетентных органов государств-членов, государств-наблюдателей при ШОС и Афганистана, осуществляющих борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Государства – члены ШОС примут меры с целью использования потенциала Центральноазиатского регионального информационного координационного центра по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подключения государств-наблюдателей при Организации, а также Афганистана и Туркменистана к сотрудничеству на антинаркотическом направлении, в том числе в деле создания «поясов антинаркотической и финансовой безопасности». Особое внимание будет уделяться решению таких вопросов, как:

совершенствование механизмов сотрудничества заинтересованных ведомств государств – членов ШОС и Афганистана в борьбе с трансграничной организованной преступностью, материально-техническое и учебно-методическое содействие компетентным органам государств – членов ШОС и Афганистана в сфере контроля за оборотом наркотиков;

дальнейшее наращивание взаимодействия между Шанхайской организацией сотрудничества и Организацией Договора о коллективной безопасности в сфере борьбы с наркотиками остается в числе приоритетов совместной деятельности на основе действующего Меморандума о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом ОДКБ;

продолжение усилий с целью расширения роли Международных сил содействия безопасности в Афганистане в сфере борьбы с производством и контрабандой афганских наркотиков;

государства – члены ШОС и Афганистан будут ужесточать контроль за химическими веществами, используемыми для изготовления наркотиков, готовы прикладывать необходимые усилия с целью противодействия незаконным поставкам прекурсоров в Афганистан, стремиться сотрудничать в этой области с заинтересованными государствами и международными организациями.

2. В области борьбы с терроризмом

Для эффективного противодействия террористической угрозе государства – члены ШОС и Афганистан считают необходимым укреплять взаимодействие в борьбе с терроризмом с применением комплексных мер для совместного реагирования на террористические угрозы. Усилия будут сконцентрированы на следующих направлениях:

- пограничный контроль;
- проверка лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности;
- проведение совместных операций с целью противодействия террористическим угрозам;
- подключение на поэтапной основе Афганистана к взаимодействию в рамках ШОС по борьбе с терроризмом в регионе;
- создание эффективных механизмов предотвращения и пресечения террористической деятельности;
- получение совместными усилиями информации о террористических организациях, угрожающих безопасности государств-членов и Афганистана;
- создание механизма экспертных консультаций по линии Региональной антитеррористической структуры ШОС и соответствующих органов Афганистана;
- налаживание обмена информацией о деятельности террористов и их организаций и опытом борьбы с ними;
- взаимное предоставление государствами-членами ШОС и Афганистаном списков лиц, подозреваемых в террористической деятельности;
- оказание содействия в поимке и передаче террористов;
- выявление и перекрытие источников и каналов финансирования террористических организаций;

приглашение соответствующих структур Афганистана к участию в совместных учениях государств-членов по линии правоохранительных органов, на семинары, курсы и другие мероприятия ШОС по тематике борьбы с терроризмом.

3. В области борьбы с организованной преступностью

Государства – члены ШОС, опираясь на создаваемый механизм совещаний руководителей министерств внутренних дел и общественной безопасности, будут:

развивать сотрудничество с компетентными органами Афганистана в целях противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и другим видам трансграничной организованной преступности;

налаживать обмен оперативной информацией и опытом работы, касающейся противодействия организованной преступности;

оказывать взаимную помощь в расследовании уголовных дел и содействие в сборе и передаче доказательств;

прорабатывать возможности проведения совместных операций для противодействия трансграничной организованной преступности, в том числе на регулярной основе, а в случае необходимости – обмена группами сотрудников правоохранительных органов для ускорения процесса раскрытия преступлений;

осуществлять с использованием всех имеющихся возможностей различные программы совершенствования профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников афганских правоохранительных органов.

* * *

Государства-члены ШОС и Афганистан в целях совершенствования механизма сотрудничества и повышения его эффективности договорились рассмотреть вопросы о повышении уровня представительства сторон в Контактной группе ШОС – Афганистан до директоров департаментов Министерств иностранных дел государств-членов ШОС и Афганистана и о разработке плана взаимодействия с Рабочей группой по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ для со-

вместных действий, направленных на борьбу с терроризмом, контрабандой наркотиков, организованной преступностью, включая проведение совместных заседаний двух групп.

* * *

Государства-члены ШОС продолжают развитие торгово-экономического сотрудничества с Афганистаном на двусторонней основе, участие в международных усилиях по оказанию содействия его экономическому восстановлению, а также изучат возможность осуществления совместных проектов в целях социально-экономической реабилитации этой страны.

В этой связи государства – члены ШОС рассмотрят предложение Республики Таджикистан о проведении в Душанбе международной конференции на уровне министров экономики.

* * *

Государства – члены ШОС продолжают обмен мнениями по использованию имеющихся и воссозданию показавших свою эффективность механизмов международного взаимодействия по афганской проблематике.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).

36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).

38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.

40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".

42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.

43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".

44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".

46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".

47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).

48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).

49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.

50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Виравов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и турецких государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

^{*} Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 гг.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 гг.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34
(Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израйля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru
--

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue"
by **V.Mesamed**

2011 г.

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЙ АФГАНИСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

(сборник статей)

Подписано в печать 30.09.2011 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 19,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 64

Типография «Вишневый пирог»

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12